

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. Ш. ШАНИЯЗОВ, Х. И. ИСМАИЛОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКОВ
КОНЕЦ XIX-
НАЧАЛО XX В.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1981

В монографии впервые обобщаются изыскания авторов по выявлению и классификации типов поселения, жилища и одежды. Выявляются архаические элементы в материальной культуре; исследуются процессы изменения культуры узбекского народа в связи с изменением характера хозяйства и общественной жизни. Прослеживаются процессы изживания родоплеменных отношений и сложения общенациональных форм жизненного уклада. Показывается многосторонний характер внешних связей узбеков, выявляется сходство их культуры с культурой других народов Средней Азии и Казахстана.

Работа содержит разносторонние данные, связанные с проблематикой историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, подготовливаемого Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с этнографами и историками республиканских академий наук.

Для историков-этнографов и всех тех, кто интересуется материальной культурой узбеков.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Х. З. Зияев*

Рецензенты
доктор исторических наук *Б. В. Лукин*
кандидат исторических наук *Ф. А. Арипов*

Э 10602—000
М355(04)—80—87—80 0508000000

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1981.

ВВЕДЕНИЕ

Материальная культура узбеков, как и других народов, обусловлена общественно-политическим, хозяйственным и бытовым укладом, сформировавшимся в течение многих веков. Она имеет много общего с культурой соседних народов: таджиков, туркменов, казахов, киргизов, каракалпаков и других, что свидетельствует об их тесных и длительных этно-культурных связях.

В конце XIX — начале XX в. Средняя Азия была разорвана между Бухарским эмиратом, Хивинским ханством и Туркестанским генерал-губернаторством. Эту обширную территорию населяли узбеки, таджики, русские, туркмены, киргизы, каракалпаки, казахи и представители многих других национальностей, проживавших здесь в течение многих веков и прибывших сюда после присоединения Средней Азии к России.

Основная масса узбеков состояла из оседлого сельского и городского населения. В орошаемом земледелии был накоплен многовековой опыт, выработаны навыки возделывания земледельческих культур в местных природно-климатических условиях. В городах было развито ремесленное производство. Все виды орудий труда и предметов домашнего обихода производились городскими и сельскими ремесленниками. Бытовали традиционные школы (бухарская, самаркандская, кокандская и хорезмская) по чеканке, гончарному производству и т. п. Славилась узбекские шелкоткацкие, ситцевые и золотошвейные изделия. Некоторые ремесленные товары вывозились в страны Среднего и Ближнего Востока, в Россию.

В конце XIX — начале XX в. некоторая часть узбеков продолжала вести полукочевой и полуоседлый образ жизни, сочетая традиционное скотоводство с земледелием. В их быту преобладали «патриархально-феодальные, полуфеодальные и даже дофеодальные отношения с пережитками родового быта»¹. Постепенно они восприняли культуру и многие черты быта оседлого населения.

¹ Рашидов Ш. Р. Ленинизм — знамя освобождения и прогресса народов. Ташкент, 1972. с. 18.

В основе материальной культуры узбекского народа лежали экономические достижения его оседлой части. Вместе с тем полукочевые и полуседлые в прошлом группы узбеков не только поставляли на местные рынки овец, крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов, каракулевые шкурки, кожу и шерсть, но и сами производили многие виды изделий: кошмы, ковры, паласы, шерстяные ткани. Некоторая часть этих товаров домашнего производства шла на рынок. Основными покупателями их были оседлые жители сел и городов. Другие виды сырья (кожа и шерсть) использовались городскими и сельскими ремесленниками и кустарями.

Таким образом, бытовавшие между исконно оседлыми и в прошлом полуседлыми узбеками постоянные торгово-экономические и культурные связи способствовали созданию единой общеузбекской материальной культуры.

До начала XX в. процесс интеграции родо-племенных групп не завершился. Это произошло лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла народам Средней Азии путь свободного национального развития. Свержение ханской власти в Бухаре и Хиве (1920 г.) способствовало объединению территории, населенной узбеками, таджиками, туркменами и другими народами Средней Азии, стимулировало рост национального самосознания этих народов.

В 1920 г. В. И. Ленин, придавая первостепенное, политическое значение правильному решению национального вопроса в Туркестане, призывал к дальнейшему изучению этнического состава и этнографических особенностей народов Средней Азии. В своих замечаниях к проекту Туркестанской комиссии об основных задачах РКП(б) в Туркестане 13 июня 1920 г. он писал: «... Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению... Детальнее выявить условия слияния или разделения этих 3 частей»².

В результате национально-государственного размежевания Средней Азии, осуществленного в 1924 г., образовались Узбекская и Туркменская Советские Социалистические Республики, Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, входившая в состав Узбекской ССР, Каракиргизская Автономная область, вошедшая в состав РСФСР и Каракалпакская автономная область, ставшая частью Казахской АССР. В дальнейшем Таджикская АССР и Каракиргизская автономная область были преобразованы в Таджикскую и Киргизскую союзные республики, а Каракалпакская — в Каракалпакскую АССР.

Благодаря национально-государственному размежеванию узбеки, таджики, туркмены и другие народы Средней Азии были воссоединены в границах своих национальных республик и получили реальную возможность для качественно нового всестороннего экономического и социального развития.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 436.

С образованием Узбекской ССР (27 октября 1924 г.) узбекский народ обрел национальную государственность. Трудящиеся Узбекистана вместе с другими братскими народами, также добровольно вошедшими в Союз Советских Социалистических Республик, продолжали успешное строительство социалистического общества. Быстро росли экономика и культура республики.

Все это послужило важным фактором изживания замкнутости, территориальной разобщенности отдельных этнографических групп, обусловленных объективно-историческим развитием феодального строя. В результате ленинской национальной политики активизировался процесс консолидации мелких родо-племенных и других этнографических групп в рамках социалистической узбекской нации.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.³, проведенной вскоре после национально-территориального размежевания Средней Азии, на территории Узбекской ССР проживало 4 660 тыс. чел. Из них более 3 475 тыс. (почти 3/4 всего населения республики) составляли узбеки⁴.

На территории Узбекистана после национально-территориального размежевания помимо узбеков проживали представители как тюркских (казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, уйгуры), так и нетюркских народностей: среднеазиатские арабы, афганцы, иранцы, индусы и другие, с которыми узбеки находились в тесном экономическом и культурном контакте.

В конце XIX — начале XX в. территорию Узбекистана населяли также русские, которых к 1926 г. насчитывалось уже 246,5 тыс., небольшое количество украинцев, белорусов, армян и других народностей. В результате постоянного контакта с местным населением между ними установились тесные хозяйственные и культурные связи. Ликвидация пережитков патриархально-феодальных и нарождавшихся капиталистических отношений утвердила развитие социалистического способа производства и новых общественных отношений, вызвала глубокие изменения в материальной и духовной жизни узбекского народа.

За годы Советской власти возникли десятки новых городов и многочисленные колхозные и совхозные поселки с типовыми домами, современной планировкой и отделкой квартир, прочно вошли

³ Всероссийская перепись населения 1897 г., Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. и Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1920 г. не охватили нынешнюю территорию Узбекистана полностью. В них не вошли территории Бухарского и Хивинского ханств. К тому же данные о численности населения в указанных переписях не всегда были точными. Более полную картину демографических и этнических показателей дает Всесоюзная перепись населения 1926 г. Поэтому, несмотря на то, что данная работа ограничивается дооктябрьским периодом, а для территории Бухарской и Хивинской части — 1920 г., мы сочли целесообразным использовать также данные переписи 1926 г.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР, табл. V и VI.

в быт новые формы одежды и т. д. Параллельно благоустривались древние города и крупные селения, происходила трансформация старых элементов материальной культуры.

Авторы данной работы ставили перед собой задачу дать этнографическое описание материальной культуры узбеков конца XIX — начала XX в., стремились выявить малоизученные еще типы поселений, жилищ, виды одежды, показать процессы изменения культуры узбекского народа с изменением характера хозяйства и общественной жизни. В исследовании прослеживаются изживание родо-племенных, локальных особенностей материальной культуры и образование узбекских общенациональных форм уклада, раскрывается многосторонний характер внешних связей.

Работа представляет собой один из опытов обобщения историко-этнографических сведений по материальной культуре узбеков в конце XIX — начале XX в. В ней приводятся данные, которые могут послужить ценным материалом при разработке историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, подготавливаемого Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с этнографами и историками республиканских Академий наук.

Основными источниками при написании данной работы были полевые этнографические материалы, собранные авторами в результате систематического изучения населения Узбекистана в течение 1970—1978 гг. За этот период совершено несколько экспедиционных поездок: авторы побывали во многих областях Узбекистана, где вели беседы с местным населением различных возрастов. Сделано большое количество записей, фотоснимков и зарисовок, по которым удалось восстановить многие архаические элементы в материальной культуре, давно вышедшие из употребления или находящиеся на стадии исчезновения. Собранные этнографические материалы изучались методом ретроспективного анализа и сопоставления с данными дореволюционных лет, а также исторических и этнографических изданий послереволюционного периода.

В работах дореволюционных авторов сведения о материальной культуре узбеков были отрывочны и большей частью носили обзорный характер, к тому же они не охватывали всю территорию нынешнего Узбекистана, а ограничивались лишь отдельными историко-культурными областями. Почти вся литература второй половины XIX — начала XX в. содержит описания, относящиеся к быту и культуре узбеков, находившихся в пределах Туркестана и гораздо меньше — Хорезма. Скучны данные о материальной культуре Бухарского ханства.

К наиболее значительным работам этого периода, содержащим некоторые сведения по вопросам материальной культуры, могут быть отнесены очерки и статьи известных ученых Туркестана⁵. И

⁵ Макшеев А. И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. — «Записки Русского географического общества по отделению статистики». Т. II. Спб., 1871; Гребенкин А. Д. Узбеки. — «Русский Туркестан», вып. II., М. 1871; Буныковский А. В.

лишь в исследованиях В. П. и М. В. Наливкиных и А. П. Шишова⁶ даны конкретные сведения о жилище, одежде, пище, утвари и других элементах материальной культуры. Данные Наливкиных относятся главным образом к оседлому населению (сартам) Ферганской долины, а А. П. Шишова — к Ташкентскому оазису и прилегающим к нему районам. Определенный интерес представляют данные переписи населения 1897 г., а также работы Н. В. Ханькова, Н. А. Маева, А. Л. Куна, Д. Н. Логофета, Н. А. Фридриха, М. И. Иванина, А. В. Каульбарса, Гришфильда и Галкина⁷.

После Великой Октябрьской социалистической революции было начато широкое экономическое, статистическое и этнографическое обследование Средней Азии. Большой материал для него дали первая и вторая Всесоюзные переписи населения 1920 и 1926 гг.⁸. Важными статистическими источниками, характеризующими поселения и дающими сведения о численности населения Узбекистана, явились материалы районирования и списки населенных пунктов⁹.

О пространстве и населении Туркестанского края. — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. I. Спб., 1872; Терентьев М. А. Города, кишлаки и аулы Кураминского уезда с обозначением числа жителей и количеством запахиваемой земли. — «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. II. Спб., 1873; Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. — «Записки Русского географического общества по отделению статистики». Т. IV, Спб., 1874; и т. д.

⁶ Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; Шишов А. П. Сарты. — В кн.: Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, ч. I. Этнография, вып. XI, Ташкент, 1904.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Спб., 1905; Ханьков Н. В. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843; Маев Н. А. Очерки Гиссарского края. — В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, вып. V. Спб., 1883; Кун А. Л. Очерки Шахрисабзского бекства. Спб., 1880; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I, Спб., 1911; Фридрих Н. А. Бухара. Этнографический очерк. Спб., 1910; Иванин М. И. Хива и река Амударья. Спб., 1873; Каульбарс А. В. Низовья Амударьи, описание по собственным исследованиям в 1873 г. — «Записки Русского географического общества». Т. IX, Спб., 1881; Гришфильд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902.

⁸ Материалы Всесоюзной переписи 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I. Поселенные итоги, вып. II; Поселенные итоги Амударьинской области, вып. III. Ташкент, 1923; Поселенные итоги Сырдарьинской области, вып. IV; Ташкент, 1923; Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., вып. V, Ташкент, 1924 г.; Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924; Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР, вып. I; Поселенные итоги, вып. II. Самарканд, 1927; Поселенные итоги Таджикской АССР. Самарканд, 1927.

⁹ Материалы по районированию Средней Азии. кн. I, ч. I, Территория и население Бухары и Хорезма. ч. I. Бухара: кн. II, ч. II, Хорезм. Ташкент, 1926; Материалы по районированию Узбекистана, вып. I; Краткая характеристика проектируемых округов и районов. Самарканд, 1926; Материалы по районированию Ташкентского округа УзССР, вып. I; Список населенных пунктов. Ташкент, 1926; Список населенных мест Узбекской ССР и Таджикской АССР, вып. I. Таджикистан: вып. VI, Зарафшанская область и отдельный Кенимехский район. Самарканд, 1925; Список населенных мест Узбекской ССР, вып. V. Кашкарарьинская область. Самарканд, 1926; Список населенных мест Узбекской ССР, вып. VII, Самарканд, 1925.

Эти данные были обобщены и проанализированы в ряде изданий советского периода¹⁰.

Сбор этнографических материалов по традиционной культуре советскими исследователями проводился в 20—40-х годах. Немногочисленные статьи, опубликованные в эти годы, затрагивали вопросы типа жилища и некоторых форм одежды отдельных городов и районов Узбекистана¹¹. Значительный интерес к этнографическому изучению узбеков проявляется в 50—60-е гг. В этот период опубликован ряд специальных статей, посвященных материальной культуре узбеков. Значительное место этой проблеме отводится и в специальных монографиях последних лет¹², однако речь в них идет не о материальной культуре населения всего дореволюционного Узбекистана, а лишь его некоторых областей или районов, ее сугубо узбекских компонентов, т. е. отдельных элементов интересующего нас вопроса. Большую ценность представляют иллюстративные материалы, особенно посвященные одежде, головным уборам, украшениям (в частности, работа К. Л. Задыхиной). В работе М. В. Сазоновой, основанной на полевых этнографических материалах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1946—1948 гг., приводятся ценные материалы о поселениях и жилище узбеков южного Хорезма — малоизученного в этнографическом отношении края нашей республики. Интересны и представленные в ней материалы по истории художественных ремесел.

В исследованиях Б. Х. Кармышевой¹³, К. Ш. Шаниязова¹⁴, Н. Г. Борозны¹⁵ наряду с хозяйственными, бытовыми и другими

¹⁰ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. — «Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при АН СССР», 1925, № 9; Он же. Население Самаркандской области. — «Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при АН СССР». 1926, № 10; Магидович И. П. Население ТССР в 1920 г. Статистический ежегодник. 1917—1923. Т. I. Ташкент, 1924; Немченко М. Национальное размежевание Средней Азии. М., 1925; Кузнецов-Угамский Н. Н. Этюды по антропологии Узбекистана. Самарканд, 1929.

¹¹ Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. — «Известия Туркестанского русского географического общества». Т. XVI. Ташкент, 1924; Писарчик А. К. Жилой городской дом Бухары и Хивы. — «Архитектура СССР», 1937, № 1; Сухарева О. А. Об одежде узбеков. — «Бюл. УзГУ». Ташкент, 1944. Она же. К истории костюма населения г. Самарканда. — «Бюлл. АН УзССР», 1945, с. 11—12.

¹² Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции». Т. I. М., 1952; Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма. Там же, с. 247.

¹³ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, вып. I. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР». Т. XXVIII. Душанбе, 1954, с. 133—148.

¹⁴ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 91—129; Он же. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 216—283.

¹⁵ Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 91—120.

вопросами, значительное место уделяется материальной культуре обследованных ими групп населения. Несмотря на ограниченность этих работ рамками выбранной темы, в них содержатся ценные сведения о традиционном поселении, народном жилище, одежде и пище, дается классификация переносных жилищ и подробное описание основных деталей войлочной юрты и ее интерьера.

Специальная работа посвящена жилищу узбеков племени карлук, а также некоторым деталям жилищ узбеков-локайцев¹⁶. Много фактического материала содержится и в другой недавно опубликованной монографии Б. Х. Кармышевой¹⁷. Среди публикаций следует отметить обширную статью, посвященную традиционной пище узбеков¹⁸. Технология приготовления пищи подробно описана в книгах о национальной кухне¹⁹.

Архитектурным памятникам и орнаменту, устройству народного жилища посвящены труды В. Л. Ворониной, А. К. Писарчик²⁰. В них отмечается тот бесспорный факт, что среднеазиатские мастера второй половины XIX — начала XX в. использовали для создания своих творений достижения строительной техники предшествующих веков.

Несколько работ посвящено отдельным элементам материальной культуры узбекского народа. Особо следует отметить большую статью О. А. Сухаревой «Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии»²¹, в которой автор приводит большое количество этнографических материалов. Значительное место в исследовании уделено различным формам женских головных уборов, прослеживается эволюция их древних черт. Подробно анализируются основные формы мужских головных уборов. На основе тщательного анализа фактического материала автор приходит к выводу: «... сравнительное изучение старинных головных уборов

¹⁶ Кармышева Б. Х. Жилище узбеков племени карлук южного района Таджикистана и Узбекистана. — «Известия АН ТаджССР», Отд. обществ. наук, 1956, вып. 10—11; Она же. Локайские «мапрамачи» и «илгичи». — «Сообщения республиканского историко-краеведческого музея Министерства культуры ТаджССР», вып. II. История и этнография. Сталинабад, 1955.

¹⁷ Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.

¹⁸ Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков. Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972.

¹⁹ Махкамов Г. М., Погосян А. И., Свинкин С. Н. Узбекские лепешки. Ташкент, 1961 (на узб. яз.); Махмудов К. Мучные блюда узбекской домашней кухни. Ташкент, 1963; Он же. Узбекские блюда. Ташкент, 1970 (на узб. яз.).

²⁰ Воронина В. Л. Узбекское народное жилище. — «Советская этнография», 1949, № 2; Она же. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951; Материалы по народной архитектуре Кашкадарьинской области УзССР. — «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. II. М., 1959; Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда. Душанбе, 1974.

²¹ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. I. М., 1954, с. 229—353.

и причесок различных народов Средней Азии обнаруживает наличие в них многих общих элементов, свидетельствующих о чрезвычайно тесном и длительном культурном общении этих народов между собой и о наличии общих для многих из них этнических компонентов, которые, войдя в различных пропорциях и в разное время в их состав, внесли свой вклад в формировавшуюся в течение веков культуру каждого из этих народов»²². В работе широко иллюстрируются все виды головных уборов.

Ценные сведения приведены в статье О. А. Сухаревой, посвященной пищевым промыслам в Бухаре²³. Ее специальная статья посвящена анализу покрова традиционной среднеазиатской одежды²⁴.

Крупной коллективной работой советских этнографов явился двухтомный труд «Народы Средней Азии и Казахстана»²⁵. В первом томе помещен раздел «Узбеки», в котором наряду с хозяйственным, семейным и общественным аспектами быта узбекского народа дана характеристика сторон его традиционной материальной культуры. Важные сведения по этой теме содержатся и в другом коллективном труде — «Этнографические очерки узбекского сельского населения»²⁶. Эта книга ограничивается материалами Пастдаргомского района Самаркандской области, однако приводимые в ней данные о быте и культуре характерны для многих районов соседних с ней областей. В одном из разделов «Традиционные формы бытового уклада в конце XIX — начале XX в.»²⁷ — излагаются конкретные сведения о поселении, жилище, одежде, предметах быта и др., послужившие материалом для выяснения форм и деталей жилища, типов одежды и т. д.

Большое количество этнографических работ посвящено преобразованиям бытового уклада в годы Советской власти, а также современному облику поселения и культурно-бытовым условиям рабочих и колхозников Узбекистана²⁸.

Как видно из приведенного обзора, в этнографической литературе как дореволюционного, так и советского периода, проблема материальной культуры узбеков изучена недостаточно. Она представлена большей частью специальными статьями, либо в виде

отдельных разделов в общих трудах историко-этнографического характера. Предлагаемая книга является новой ступенью в изучении материальной культуры Узбекистана. Она охватывает важнейшие стороны народного быта — жилища, одежды, пищи узбеков конца XIX — начала XX в., вместе с тем ограниченный объем ее не позволяет авторам дать исчерпывающую характеристику изучаемой темы.

Введение и разделы «Поселение» и «Переносное жилище» гл. 1, а также гл. III и заключение написаны К. Ш. Шаниязовым; раздел «Жилище» гл. I и гл. II написаны Х. И. Исмаиловым.

²² Там же, с. 353.

²³ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962, с. 122, 127.

²⁴ Она же. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. — В кн.: Костюмы народов Средней Азии. М., 1979, с. 77—102.

²⁵ Народы Средней Азии и Казахстана. — Серия «Народы мира». Т. I, М., 1962, с. 212—223.

²⁶ Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.

²⁷ Там же.

²⁸ Задыхина К. Л. Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. Т. II, с. 95—131; Арипов Ф. Быт и культура рабочих. Ташкент, 1978 (на узб. яз.); Жилина Н. А. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; и т. д.

Глава первая
ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ

Поселение

На территории Узбекистана в первой четверти XX в. существовало 42 города и поселения городского типа с общим числом населения 1062,6 тыс. человек, 609 тыс. из них составляли узбеки¹.

Основная масса их расселялась в сельских населенных пунктах (кишлаках), которые в 1926 г. составляли 79,4% всех хозяйств республики². Исходя из анализа статистических данных можно выделить четыре группы районов расселения: районы наибольшей плотности населения — от 70 чел. и выше на 1 км²; средней плотности населения — от 20 до 70 чел. на 1 км²; малонаселенные — до 20 чел. на 1 км²; наименее населенные — 1 чел. и менее на 1 км².

К районам наибольшей плотности населения следует отнести Ташкентский оазис (вместе с г. Ташкентом), культурные оазисы Ферганской долины, междуречья Нарына и Карадарьи, Наманганский оазис, бассейн Зарафшана (районы Мианкаля), Бухарский оазис. Это места наиболее интенсивного земледелия, развитой культуры и ремесленного производства. Средней населенностью характеризовались южные части Ташкентского оазиса, окраины названных выше культурных оазисов, Каршинский и Каракульский оазисы, правый берег средней части Сурхандарьи, северная Фергана по Говассаяу. Большей частью они были расположены на территории поливного земледелия, а некоторые вплотную подходили к полосе богарного земледелия, выгонного и пастбищного скотоводства. Районы малонаселенные охватывали западную часть Кураминского хребта (на границах Ташкентского и Ходжентского округов и между долиной Ангрена и Северной Ферганы на востоке), Голодную степь, отроги Туркестанского и Мальгузарского хребтов, Нуратинских гор, отроги Гиссарского хребта и верхнюю часть бассейна Кашкадарьи и Гузадарьи, окраины долины Сур-

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР (см. табл. V, VI).

² Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Узбекская ССР, вып. 1, с. XX.

хандарьи, оазис Шерабадарьи, верховья рек Тупаланг и Сангардака, отроги Зарафшанского хребта к югу от Зарафшана. Малонаселенные районы расположены были главным образом в полосе богарного земледелия, а также выгонного и пастбищного скотоводства. Обширные территории дореволюционного Узбекистана оставались еще почти не заселенными. К ним относятся предгорья Чаткальского хребта, средняя Ферганская пустыня, наименее населенные части Гиссарского хребта, Кызылкумов, пустынное пространство между низовьями Кашкадарьи и нижнего Зарафшана, засушливая часть Сурхандарьинского округа. Наименее населенные места были расположены главным образом в горных и пустынных зонах, где основным занятием населения являлось отгонное скотоводство (в основном овцеводство).

Наиболее распространенным видом поселения земледельцев являлся кишлак, состоящий из усадеб. В 1926 г. на территории Узбекистана было зарегистрировано 12 811 кишлаков, в абсолютном большинстве из которых жили узбеки. Больше всего кишлаков насчитывалось в Самаркандском, Бухарском, Кашкадарьинском и Зарафшанском округах. Значительная часть этих кишлаков была малонаселенной. Кишлаки, расположенные в Ферганском, Андижанском и Ташкентском округах, несмотря на свою малочисленность, были более густонаселенными.

Восточные области Узбекистана, являвшиеся древними очагами орошаемого земледелия и ремесленного производства, отличались высокой численностью населения. Средняя населенность кишлаков Андижанского округа составляла 782,5 чел., Ферганского — 673,3 и Ташкентского — 495,6 чел. Некоторые кишлаки этих округов являлись более многолюдными. В Андижанском округе в 25 кишлаках Избасканского района жили 36 656 чел., что составляло 76% населения, в 32 кишлаках Наманганского района — 57 459, или 74,2%; в 19 кишлаках Янгикурганского района — 40850, или 72,1%, в Ферганском округе в 18 кишлаках Алтыарыкского района — 50360, или 90,9%, в 9 кишлаках Ферганского района — 17 282, или 46,6%. В Ташкентском округе наиболее многолюдными были кишлаки, входившие в Паркентский район. В 8 из них жили 22 939 тыс., или 87% населения, в 7 кишлаках Янгиюльского района — 26 009 тыс., или 62,5% населения данного района.

Размеры кишлаков различны: в них проживало от десяти до тысячи и более человек. Исходя из количества жителей, можно выделить пять групп кишлаков: небольшие, с числом жителей до 100 чел.— их по республике (без Хорезма) было 1 614; мелкие, до 200 жителей — 2 104; средние, до 500—2 952, крупные, до 1 000—1 087. Наиболее многолюдные, свыше 1 000 жителей — 455³.

Кишлаки Бухарского, Зарафшанского и Самаркандского округов были преимущественно небольшими, население их не превы-

³ Кузнецов-Угамский Н. Н. Этюды по антропогеографии Узбекистана. Самарканд, 1929, с. 36—37.

шало 200 чел. Однако в этих округах имелось несколько кишлаков с населением свыше 1 000 чел. Подобные очаги сосредоточения населенных пунктов с большим числом жителей имелись в юго-западной и западной части Узбекистана. Примером могут служить Бешкентский и Касанский районы Кашкадарьинской области. В первом из них было зафиксировано 15 кишлаков с общим количеством жителей 26 512 чел., т. е. 47,2% всего населения указанного района. В 11 кишлаках Касанского района проживало 19 913 чел., или 47,4% населения этого района. Другой очаг повышенной плотности населения — Шафирканский район Бухарского оазиса, где насчитывалось 14 крупных кишлаков с общим количеством населения 17 576 чел., или 36,2% жителей. Высокой плотностью населения отличались Пастдаргомский и Акдарьинский районы Самаркандской области. В трех кишлаках первого число жителей составляло 5 058 чел., или 14,7%, а в двух селениях Акдарьинского района — 4 129 чел., или 14,2% населения этого района.

Выделяются четыре группы оседлых поселений, находящихся в разных условиях рельефа: в оазисе, в предгорных равнинах, в горной местности и в степных зонах. Такое расположение кишлаков связано с историческими условиями, в которых складывалась узбекская народность, а также с хозяйственной деятельностью ее различных групп.

Большинство оседлых поселений находилось в оазисах, где жили главным образом земледельцы и ремесленники. В предгорных районах кишлаков было сравнительно меньше. В них жили преимущественно группы оседлых и полuosедлых узбеков, занимающихся земледелием и животноводством. Горных селений, в которых жили узбеки, на территории республики насчитывалось около 250. Они были расположены в горных районах северной части Ферганской долины в ущельях Чаткальского, Кураминского, Туркестанского, Зарафшанского хребтов и Нуратинских гор.

Число кишлаков, находящихся в степных зонах, в начале XX в. составляло не более 150⁴. С десятков таких селений находилось в Каршинской степи, Уртачуле, в степях, раскинутых к северу и западу от Бухарского оазиса, и в Голодной степи. В них жили в прошлом полукошачьи узбеки, занимающиеся исключительно скотоводством, — главным образом, овцеводством. Некогда эти кишлаки являлись местом зимовки полукошачьих узбеков, но во второй половине XIX в. (возможно и раньше) они стали местом их постоянного жительства.

Планировка узбекских селений была разнообразна и во многом зависела от исторических условий, времени их образования, географии местности, сословно-классовых различий, этнического состава и других факторов. С их учетом планировка узбекских кишлаков может быть подразделена на четыре типа.

⁴ Здесь имеются в виду те кишлаки, в которых жили исключительно узбеки. Казахские и киргизские поселения, находившиеся на территории Узбекистана в начале XX в., в это число не входят.

Первый тип. Дома и усадьбы расположены скучным способом, вплотную друг к другу, по сторонам одной, двух, трех и более не совсем прямых улиц. Последние отделяли одни компактные группы домов от других. Каждая из них называлась махалля или топ, тода, куча. Крупные поселения имели от 10—12 до 20 и более махалля. Например, в селении Турткуль насчитывалось 11 махалля, в Пайтуге — 12, Лугумбеке — 21. Названные кишлаки располагались на территории нынешнего Избасканского района Андижанской области.

Отдельные кишлаки делились на две-три составные части. Образование этих частей несомненно связано с разрастанием за счет сосредоточенных здесь различных групп населения и естественного прироста прежних жителей. Каждая часть селений имела свое название, которое они получали в зависимости от деления на «большую» и «малую» части, а также от географии прилегающей местности. Так, например, крупный кишлак Карлук Ульяновского района Кашкадарьинской области делился (это деление сохраняется и теперь) на две части. Большая — Катта кишлак, меньшая — Кичик кишлак. Кишлак Аргын Каганского района Бухарской области и кишлак Урамас на среднем Зарафшане также делились на большую и меньшую части: Катта Аргын, Кичик Аргын, Катта Урамас и Кичик Урамас. Селение Дурмен южного Хорезма в современном Ургенчском районе делилось на три части: Катта Дурмен, Урта Дурмен и Кичик Дурмен.

Часть кишлака Кийра, расположенного на возвышенной местности, называлась Юкори Кийра или Донг Кийра (Верхняя Кийра), другая часть, находившаяся несколько ниже, называлась Паст Кийра. Термины юкори (верхний), урта (средний) и куйи (нижний) употреблялись и в отношении тех кишлаков, которые были расположены у оросительных каналов. Например, та часть кишлака Хина среднего Зарафшана, которая находилась выше по течению канала, называлась Юкори Хина, на средней части канала — Урта Хина и ниже его — Куйи Хина. Селение Ертешар среднего Зарафшана делилось на две части: та, что была расположена выше течения канала, называлась Юкори Ертешар, а несколько ниже — Куйи Ертешар.

Названия «юкори» и «куйи» употреблялись также в отношении тех кишлаков, которые были расположены в северной или южной части данной местности, т. е. в зависимости от ориентации кишлака по странам света. Например, кишлак Каптархана Ферганского района состоял из двух частей: юкори и куйи. Та часть селения, которая располагалась на севере данной местности, называлась Юкори Каптархана, а южная часть — Куйи Каптархана.

Второй тип. Дома-усадьбы также плотно расположены друг к другу или располагаются линейно, в один-два ряда вдоль проезжих дорог или оросительных каналов. Это были небольшие селения, где улицу зачастую заменяла проезжая межкишлачная или магистральная дорога. Подобные кишлаки делились на два-

три квартала или составляли один компактный кишлак, без разделения на махалля или топ с одним приходом-мечетью. Большая часть селения Бухарского оазиса и средней части долины Зарафшана относится к данному типу.

Третий тип. Несколько отдельных скученных дворов-усадеб объединялись в один кишлак. Каждая куча состояла из группы (от 3 до 15 и более) дворов, которые находились один от другого на значительном расстоянии. Например, селение Туячи Избасканского района состояло из 14 махалля или кучи; 11 небольших кишлаков-топов, расположенных на каналах Янги и Казан Арык в долине среднего Зарафшана составляли вместе один большой кишлак Яртепа⁵.

Каждая часть (махалля, топ) в отдельности имела свое название. Селения описываемого типа зафиксированы и в предгорной части нынешнего Пастдаргомского района Самаркандской области⁶.

Кишлаки третьего типа были распространены в тех районах, где земледельческие оазисы граничили со степными и предгорными пастбищами. В них в прошлом жили полукочевые и полуседлые узбеки. Основная их масса в XIX — начале XX в. переходила к оседлому образу жизни: они селились в земледельческих оазисах, на окраинах существовавших кишлаков, или же образовывали новые поселения в еще необжитых местах. В первом случае существовавшие селения значительно расширялись, а их население в этническом отношении становилось более пестрым. Примером может служить селение Янгикурган в Среднем Зарафшане, являвшееся в начале XX в. небольшой крепостью-курганом местных кипчакских феодалов-военачальников. Во второй половине XIX и в начале XX в. оно значительно выросло — здесь оседали представители различных народностей и этнических групп. В этот период образовалось 170 дворов, разделенных на четыре квартала, где одновременно жили таджики, узбеки, каракалпаки, среднеазиатские арабы и евреи, а также племенные группы — кипчаки, ногай-кипчаки, ктай, кияты, чагатай, кенегесы, кырки, юзы, минги, чумучлы, узбеки-туркмены, мангыты, утарчи, найманы, турки и др. В селении была зафиксирована территориальная группа балхи (из Балха) в количестве пяти дворов. В кишлаке Галярабат жили таджики, среднеазиатские арабы и группы узбекских племен: мангыты, узбеки-туркмены, чагатай, кырки, минги⁷ и др.

В тех случаях, когда жители селения состояли исключительно из племенной группы узбеков, в каждом топе жила одна (редко — две) семейно-родственная группа. Примером могут служить селе-

⁵ Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1894, прил. № 15.

⁶ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 128, 129.

⁷ Записки Русского географического общества по отделению статистики, т. IV, прил. № 15.

ция кипчаков Джувозхона, Ак-Курган, Деварак и другие в нынешнем Пастдаргомском районе⁸.

Четвертый тип. Кишлаки, состоящие из отдельных усадеб (курганы), которые в одиночном порядке были разбросаны один от другого на значительном расстоянии. Такой тип поселения следует назвать подворно-гнездовым. Каждая усадьба здесь расположена в определенном месте (гнезде), в котором жила обычно одна большая семья. Усадьбу-курган или рабат окружала высокая стена в пять-семь слоев пахсы⁹. Каждый курган в долине реки Зарафшан имел свое название по месту географического расположения, по имени создателя этого кургана или главы живущей в нем семьи.

Кроме поселений оседлого типа существовали еще и временные, летние поселения. Бытовало несколько видов временного поселения. Это поселения городских жителей в загородных садах (бог) и на обрабатываемых землях, находившиеся за чертой города, как например, на окраине Ташкента и др. городов. В этих поселениях обычно имелись глинобитные жилые и хозяйственные постройки. Несостоятельные семьи строили на летний период жилища типа шалаш (капа), в которых жили весь летний период. Второй вид составляли поселения земледельцев сельской местности на полях и в садах на весь вегетационный период в районах интенсивного земледелия. Строились обычно однокамерные, иногда — двухкамерные глинобитные жилища, рассчитанные на пользование в течение многих лет. Бедные семьи жили в капе или во временных, рассчитанных только на один сезон, навесах (чайла). Семьи оставались здесь до осени и возвращались в кишлак после сбора всех видов зерновых и бахчевых культур. Следующий вид — временные поселения дехкан на полях богарного земледелия и орошаемых родниковыми источниками. Сюда приезжали в период вспашки, посева и уборки урожая в основном мужчины без семей, которые жили во временных постройках в виде навеса-чайла или в шалаше (капа). Временные перекочевки полуседлых узбеков на летние пастбища относятся к четвертому виду этого типа поселения.

Полуседлые узбеки, в хозяйстве которых наряду с земледелием немаловажное место занимало и животноводство, весной перекочевывали из зимних поселений (кишлак) на летние пастбища — яйлов. За летний период, в зависимости от природных условий, они проходили несколько стадий перекочевков, каждый раз меняя место и форму временного летнего поселения. Пастбищные места у узбеков, живущих в оазисах на границах со степью, назывались «дашт», а у расселившихся в предгорных районах — «адир». Каждая семья, родственная группа имела пастбищные участки, где устанавливала свои переносные жилища — юрты или

⁸ См.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 221.

⁹ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 134.

шалаша, число которых колебалось от 3 до 15 и более. Поселение, где жила определенная семейно-родственная группа, называлось «аул»¹⁰. Оно являлось основной формой временного летнего поселения полуседлых узбеков.

Летом пастухи перегоняли скот в глубину степи (чул) или на высокогорные пастбища (яйлов или тог яйлови), лежащие на значительном расстоянии от первоначального места летних перековок. Кочевали большей частью чабаны без семей. Они устанавливали одну-две юрты, где в свободное время отдыхали, готовили пищу и хранили личные вещи. Место, на котором устанавливалась юрта пастухов, называлось «кош жой» или «кошхона».

К концу лета, перед возвращением, многие семьи, имевшие бахчевые посевы, некоторое время жили в юртах или в шалашах вблизи бахчей (полиз). Здесь они оставались до глубокой осени и только после сбора урожая возвращались на зимние поселения. Подобные расселения близ бахчевых полей (полиз боши) можно считать третьей формой временного летнего поселения полуседлых узбеков.

Поселения в оазисах, предгорных районах, горные и степные поселения.

1. Поселения оазисного типа были широко распространены в зоне орошаемого земледелия и располагались в основном вдоль каналов и проезжих дорог, окруженные пахотными полями и насаждениями. Основными водными источниками этого типа поселений были проточные арыки, родники, искусственные водоемы-хаузы, а в маловодных селениях — колодцы. Отдельные семьи имели колодцы в своем дворе.

Поселения этого типа были неодинаковыми по своему размеру. Среди них выделяются наиболее крупные ремесленные и торговые селения, которые соединяли в себе черты города и кишлака¹¹. Обычно эти поселения находились у древних крепостей и образовались, видимо, на развалинах последних. К их числу относятся Вабкент, Рамитан, Шафиркан, Гиждуван, Каракуль в Бухарской области; Иштихан, Чархин, Ургут в Самаркандской; Майманак, Касан, Бешкент, Гузар в Кашкадарьинской; Денав, Шурчи, Шерабад в Сурхандарьинской; Пскент, Паркент, Тойтепа в Ташкентской области; Шахан, Касансай, Чуст, Асака, Шахрихан в Ферганской долине.

В центре таких поселений на пересечениях двух-трех и более улиц (гузар) находились базар, ремесленные мастерские и торговые лавки (дукон). Только в Ферганской долине в начале XX в. насчитывалось 78 рынков¹². Многие поселения оазисного типа были небольшими. Они представляли собой древние земле-

дельческие селения, возникшие на крупных торговых и водных магистралах.

В описанном оазисном типе поселения у оседлых узбеков выделялись две формы усадеб: с оградой и без ограды.

Замкнутая усадьба с оградой подразделялась на три вида. Усадьба замкнутая обносилась высокими глинобитными стенами и имела главный вход — ворота (дарваза). Такие усадьбы в прошлом были широко распространены в долине Зарафшана, Хорезма, Ферганской долине, других областях и различались внутренней планировкой. Во многих усадьбах двор делился на две части: внутреннюю (ичкари хавли) и внешнюю (ташкари хавли). Во внешнем дворе обычно находились глинобитные помещения, предназначенные для приема гостей (мехмонхона), конюшни и навесы для лошадей, а во внутренней части двора — жилые помещения и хозяйственные постройки различного назначения. У некоторых усадеб позади дворов был участок с бахчевыми посевами, виноградниками и фруктовыми садами с выходом через калитку. В некоторых селениях Ферганской долины (например, в селении Миндон) фруктовый сад и виноградники находились во внутренней части замкнутого двора. В отдельных дворах виноградники были отгорожены от жилой части глинобитными заборами.

В замкнутом типе усадеб с разделением двора на ичкари и ташкари выделяются одиночные усадьбы типа крепости (кургон, кала), бытовавшие еще до 60-х гг. XIX в. и усадьбы, имевшие оборонительное значение. Они были огорожены высокими массивными стенами. Курганы являлись резиденциями отдельных знатных феодалов и предводителей некоторых узбекских племен — кипчаков, кирков, юзов, найманов, мингов, ктай и др. Усадьбы типа оборонительных крепостей бытовали в прошлом (вплоть до конца XIX в.) в средней части долины Зарафшана, в Гиждуванском, Шафирканском и др. районах (на границах со степью), в Бухарском оазисе и в некоторых районах Ферганской долины¹³. Укрепленные крепости не только обеспечивали оборону при нападении врагов, но и служили гарантией «благополучного исхода» грабительских набегов на поселения соседей¹⁴. Одиночные подворно-гнездовые усадьбы (курганча) обносились высокими стенами, многие из которых украшались орнаментом. Такая усадьба являлась основным типом двора-жилища населения Хорезма, бассейна Зарафшана и отчасти Бухарского оазиса. В отличие от предыдущей она не носила оборонительного характера и являлась традиционной для жителей земледельческих оазисов. Подобный тип усадеб описан в литературе¹⁵.

¹³ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 6.

¹⁴ Гребенкин А. Узбеки. — «Туркестанские ведомости». 1871, № 30.

¹⁵ Воронина В. Л. Узбекское народное жилище. — «Советская этнография», 1949; № 2; Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1951, с. 272, 301. Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I, с. 522; Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 132—138.

¹⁰ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 217.

¹¹ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962, с. 274.

¹² Гулишамбаров С. М. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой, ч. I. Ашхабад, 1913, с. 94.

Особого внимания заслуживают усадьбы населения Хорезма, имеющие свою специфику. Жилища здесь размещались разбросано, в виде отдельных уторов (хавли). Поселения этого типа в Хорезме в конце XIX — начале XX в. составляли 95,3%. Несколько усадеб объединялись в одну водоземельную общину (элат). В южном Хорезме насчитывалось 1355 общин-элатов с числом хозяйств 54 529¹⁶.

Типы и размеры домов и усадеб до революции определялись классовым и имущественным положением их владельцев. Баи и зажиточные семьи владели обширными усадьбами типа курганчи. Бедняки жили в небольших глинобитных домах (жай) с высокими ограждениями, многие из них не имели делений на ичкари и ташкари. Число помещений в домах бедняков было ограниченным: жилая комната, айван, кухня и хлев для скота.

Дома-усадьбы (хавли) состоятельных семей представляли собой замкнутый архитектурный комплекс, окруженный со всех сторон толстыми паховыми стенами и полуколоннами. На верхней части последних часто делались ложные башенки (кунгра). Фасады, внутренние стены, ворота и двери богатых домов украшались, колонны айванов были покрыты художественной резьбой¹⁷.

Хавли состоятельных владельцев делились на две половины: внешнюю — мужскую (дишан-хавли) и внутреннюю — женскую (ичан-хавли). Каждая часть дома в свою очередь делилась на зимнюю (кишки-уй) и летнюю (ёзги-уй). Входили в дом через ворота, от которых шел крытый проход (далан). По обеим сторонам далана располагались хозяйственные помещения и помещения для гостей (мехмонхона). Во внутреннем дворе были расположены жилые помещения, кухня, кладовые. Здесь же находилась открытая терраса (терс), айван или навес (чертак). Следующий вид — глухая замкнутая усадьба с высокими, более 2,5—3 м, ограждениями, с разделением двора на ичкари и ташкари, являлась традиционным жилищем многих узбекских семей и была распространена среди оседлого земледельческого населения Ферганской долины, бассейна Зарафшана, Ташкентского оазиса и других областей. Во многих домах-усадебках такого типа над проходом (дарвоза хона) обычно строился закрытый или полузакрытый второй этаж (бола-хона), стены которого были каркасными. Традиционные дома-усадьбы такого типа сохранились по настоящее время во многих кишлаках Узбекистана.

В замкнутой усадьбе без разделения двора на ичкари и ташкари, без участков сада, виноградника и огорода все жилые и хозяйственные постройки размещались в одном небольшом дворе.

Выделяются три разновидности таких строений:

¹⁶ Военно-статистическое описание Хивинского ханства, ч. II. Ташкент, 1903, с. 116—117.

¹⁷ Сафонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма, с. 295—301.

а) усадьба-хавли, огражденная стенами (высотой 5—6 м) и во многом напоминающая курганчи, но в отличие от последней без разделения двора на ичкари и ташкари. Подобные усадьбы зафиксированы в Гиждуванском, Вабкентском районах, а также в Ферганской долине. Большинство их находилось на окраинах оазисов и принадлежало крупным феодалам, баям, главам отдельных групп узбекских племен.

Курганчи описываемой разновидности сохранились в ряде селений кипчаков Ферганской долины вплоть до 20-х гг. XX в. Они были обнесены высокими стенами. Внутри находились жилые и хозяйственные постройки, однако постоянным жильем продолжала служить войлочная юрта, которая устанавливалась внутри ограды. Летом юрту перевозили на летние пастбища. Со второй половины XIX в. по мере перехода к оседлому образу жизни, в Ферганской долине вокруг курганчи возникали отдельные глинобитные жилища и хозяйственные постройки. К концу XIX в. число их значительно увеличивается, однако в начале XX в. теряют свое значение. С возникновением в курганчи постоянного глинобитного жилища на летние пастбища стала уходить лишь часть семей, остальные занимались земледелием;

б) замкнутая усадьба-хавли, огражденная высокими стенами (1,5—2 м). Этот вид постройки встречался у полуоседлых и, отчасти, — у оседлых узбеков. Усадьба последних состояла из комплекса жилых и хозяйственных построек. Во дворе и около двора замкнутых усадеб имелись искусственные водоемы (хаузы) или колодцы. Этот вид усадьбы в дореволюционные годы бытовал во всех областях Узбекистана.

Основным жилищем в описываемых усадьбах полуоседлых узбеков была войлочная юрта, а в некоторых районах — капа. Обычно в них жила большая семья, куда помимо главы семьи входили еще и женатые сыновья и даже женатые внуки, поэтому в каждой усадьбе можно было наблюдать по несколько юрт или капа. Юрта устанавливалась в центре двора-хавли. Хозяйственные постройки, а в некоторых и мехмонхона, были расположены вдоль стен — справа и слева при входе во двор¹⁸. Из описания данного типа усадьбы можно заключить, что в прошлом в них жили и полуоседлые узбеки, которые вплоть до нашего столетия еще окончательно не изменили своего образа жизни. Многие семьи, живущие в этих усадьбах, весной кочевали вместе со скотом на летние пастбища, а осенью и зимой находились в своих усадьбах-хавли;

в) в замкнутой усадьбе все постройки находились под сплошным перекрытием, открытой оставалась только середина усадьбы — двор, где росли одно-два фруктовых дерева (чаще всего тутовник или урюк) или был разбит небольшой цветник. При круговой застройке задние стены этих помещений служили одновременно и стенами усадьбы. В первом и во втором видах замкнутой усадь-

¹⁸ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 128.

бы жили в дореволюционном прошлом лишь зажиточные семьи.

В замкнутой усадьбе, где жилые и хозяйственные помещения и приусадебные участки находились за одной общей оградой, стены были невысокими. Такие усадьбы бытовали в начале XX в. на территории Ферганской долины, Ташкентской области, долины Зарафшана, Кашкадарьинской и других областей, и в них жили менее состоятельные землевладельцы.

Замкнутая усадьба без ограды бытовала у узбеков и других среднеазиатских народов¹⁹. Наблюдалось два вида расположения жилых домов и хозяйственных построек:

1. Усадьба, в которой жилой дом и хозяйственные постройки были сосредоточены под одной крышей, а в плане расположены: а) на одной прямой линии; б) Т-образно, в) П-образно.

2. Усадьба, где жилые помещения и хозяйственные постройки располагались раздельно. Перед домом такой усадьбы имелся небольшой двор и приусадебные участки-огороды или сад. Хотя усадьба того типа строилась без ограды, во многих из них вход был через ворота, которые обычно устанавливались либо между двумя рядами жилых построек, либо между жилыми постройками и хозяйственными помещениями. Подобных усадеб в прошлом было много на всей территории Узбекистана, что объясняется их приспособленностью к быту сельского населения.

Постоянные поселения второго типа располагались на окраинах оазисов и в предгорных районах, в полосе богарного земледелия. Многие из них возникли в конце XIX — начале XX в., а некоторые гораздо раньше. Они образовались в результате перехода к оседлости бывших кочевых и полуседлых узбеков, потому в их усадьбах вплоть до начала XX в. наблюдались следы прошлого скотоводческого быта. Бывшие скотоводы, перейдя к оседлости, в течение долгого времени (в некоторых районах до 20—30-х гг. нашего столетия)²⁰ продолжали жить в юртах, устанавливая их в центре усадьбы. Переходя в глинобитные жилища, они строили обычно однокомнатные, а в некоторых случаях и двухкомнатные помещения. Во многих сельских районах Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Бухарской и Самаркандской областей такие усадьбы возводились без террасы — айвана. А в предгорных районах Ферганской долины и в Ташкентском оазисе они строились с айваном. В этом сказались влияние архитектурной традиции оседлого населения оазиса.

В описываемом типе поселения наблюдаются усадьбы как с глинобитными жилищами, так и с юртой. Встречались также усадьбы переходного характера — от юрты к глинобитному жилищу. В них одновременно с юртой бытовало и глинобитное жилище. В юрте обычно продолжали жить главы семей (мать и отец с несо-

¹⁹ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, с. 52.

²⁰ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 127, 128.

вершеннолетними детьми), а для женатого сына строили глинобитное жилище.

II. Поселения предгорных районов можно подразделить на три вида.

К первому относится поселение, где усадьбы располагались компактно в одну или две линии и тянулись вдоль дороги, берегов горных рек или саев. Этот вид селения условно назван «линейным». Однако линейность не всегда строго соблюдалась: одни дома располагались ближе к источникам воды или к проезжей дороге, другие находились вдали от них. В дореволюционные годы в них жили как полуседлые, так и оседлые узбеки. Усадьба последних состояла из однокомнатных, а в редких случаях — двухкомнатных жилых помещений и хозяйственных построек, характерных для усадьбы оседлых оазисных типов поселения.

Второй вид поселения представлял собой несколько усадеб (3 и более), которые располагались отдельными компактными группами на расстоянии 100—200 м и более друг от друга. Каждая такая группа в отдельности называлась «топ», а у узбеков-кипчаков и других групп населения бассейна Зарафшана — «аул». Это поселение условно называют аульным. Несколько аулов составляли кишлаки²¹, которые обычно (при аульном поселении) не имели улиц. От одной группы домов к другой вела дорожка или тропинка. Усадьба подобного поселения состояла из нескольких юрт или капа и хозяйственных построек, характерных для полуседлых групп населения. В конце XIX — начале XX в. в усадьбах отдельных поселений, находившихся ближе к оазисам, появляются однокомнатные глинобитные жилища или капа.

В каждом ауле жила одна семейно-родственная группа. Примером аульного поселения дореволюционного типа могут служить старые селения Пайарыкского района Самаркандской области: Пасхийра делилось на шесть аулов (Эски аул, Урал аул, Бой аул, Гишли аул, Мачитли аул, Олди аул); Эмалаж — на три (Паст аул, Урта аул, Юкори аул); Джиянбек — также на три (Кора аул, Миришкор аул, Кипчак аул) и один аул состоял из ходжей. Селение Сары-кипчак Булунгурского района делилось на Юкори или Дашт аул, Урта аул и Куйи аул; селение Элатан того же района делилось на Юкори аул (или Казак аул, где до революции жило 14—16 семей казахов), Урта аул и Куйи аул. В двух последних аулах жили исключительно кипчаки из рода элатан²².

Третий вид поселения — одиночно-разбросанного типа, при котором каждая усадьба располагалась на значительном расстоянии одна от другой (до 150—200 метров и более). Эти поселения занимали огромную площадь. Каждая усадьба имела сравнительно невысокую глинобитную ограду. Материалом для ограды чаще всего служили ветки деревьев или сухая колючая растительность.

²¹ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 219.

²² Там же.

Этот вид поселения появился, видимо, в прошлом у полуседлых и полукочевых узбеков в результате перехода их к оседлости, но по времени третий вид поселения возник гораздо раньше, чем второй. Он был расположен в долинах горных речек при выходе их на предгорную равнину и на самой равнине, а также у родниковых ручьев. К примеру, в Ферганской долине они располагались по Сумрар-саю, Резак-саю, Чадак-саю и др. Многие селения Нура-тинских гор расположены у родников.

III. Поселение горных районов. В постоянных поселениях этого типа (горные поселения) выделяется несколько видов усадеб.

Отдельные усадьбы, расположенные одна от другой на значительном расстоянии (1—2 км и более). Десятки таких разбросанных усадеб зафиксированы нами в западной части Туркестанского хребта. Некоторые из них назывались по имени предка, основавшего усадьбу, другие — по названию местности или родника, у которого она расположена. Усадьба первого подтипа была образована в процессе перехода в прошлом полукочевых узбеков к оседлости.

Усадьбы беспорядочно разбросаны на склонах гор по берегам речек на расстоянии до 50—100 м и более. Большой частью они образовались в результате перехода полуседлых и полукочевых узбеков к оседлости. Во многих поселениях такого типа обособленно жили либо отдельные узбекские роды, либо родовые подразделения. Эти селения часто носили название того рода, который проживал в нем. Таково, к примеру, происхождение названий селений в Ферганской долине — Еттикашка, Улмас, Кугай, Жайдок, Элатан; в долине Зарафшана — Аючи, Богач, Жагалбайли, Каракесак.

К этому подтипу следует отнести также поселения, где все усадьбы были расположены компактно, в одном месте. В усадьбах этих селений жили оседлые узбеки, издавна занимавшиеся земледелием и ремеслами. Подобные селения обычно располагались на караванных путях или являлись местом торговли (базаром) окружающего селения. Примерами таких поселений являются горные кишлаки Лянгар, Варгонзи, Кышлик, Яккабаг и др. Кашкадарьинской области.

IV. Поселение степной зоны. Постоянные поселения, расположенные в степной зоне, возникали на местах зимовок, в прошлом кочевых и полукочевых групп узбекских племен. Жители этого типа поселений вплоть до начала XX в. занимались исключительно животноводством. Ныне к ним относятся такие кишлаки, как Джабы, Кокдала, Талактепа, Алатун, Майлиджар, Хармали и Нишан Кашкадарьинской области, в которых жили группы из племени джабы, уз, кавчин и др.; кишлаки Тым, Алтыуул, Кошкудук, Шоркудук, в которых жили группы из племени найман и частично сарай.

Усадьбы четвертого типа поселений состояли исключительно из юрт и отдельных глинобитных построек: помещений для содержания лошадей (отхона), для хранения топлива из сухого помета животных (тезакхона или кийхона). В усадьбе или рядом с ней находились закрытые или полузакрытые загоны для мелкого скота (кутан или кура), которые представляли собой обычно три глинобитные стены высотой около 1,5 м — южная сторона их оставалась открытой для солнца в зимний период. В северной части загона строился полузакрытый сарай (бостирма) для защиты овец и коз от зимних ветров, дождей и холода, а также для новорожденных ягнят. Перекрытия таких сараев были примитивны: клали балки, сверху беспорядочно набрасывали юлгун (гребенщик), толстый слой янтака (верблюжья колючка). Возле стен обычно находились скирды (хура) из янтака, шувака (попынь) и др. степных растений, заготовленных для корма скота в зимний период. Бедные семьи не имели загонов для скота. В небольшой усадьбе, которую можно так назвать условно, они устанавливали свои юрты, возле которых имелись небольшие запасы кормов для овец и коз.

Усадьбы подобного типа почти не огораживались. Основным источником водоснабжения были глубокие колодцы, у которых устанавливались специальные приспособления (чигир)²³ для выкачивания воды при помощи верблюдов, лошадей или ослов.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что в поселениях и усадьбах узбеков конца XIX — начала XX в. четко отражается не только хозяйственная специфика различных групп населения, но и выявляется характер их социальной дифференциации.

Жилище

Жилые постройки представляют собой сложный культурно-бытовой комплекс. Они связаны с различными сторонами жизни народа, природными условиями, преобладающим родом занятий, направлением хозяйства, имущественными и классовыми отношениями, формами семейного быта, обычаями и традициями, эстетическими и религиозными представлениями. Все это в той или иной степени влияет на тип, размеры, внешний вид, интерьер и украшение жилища.

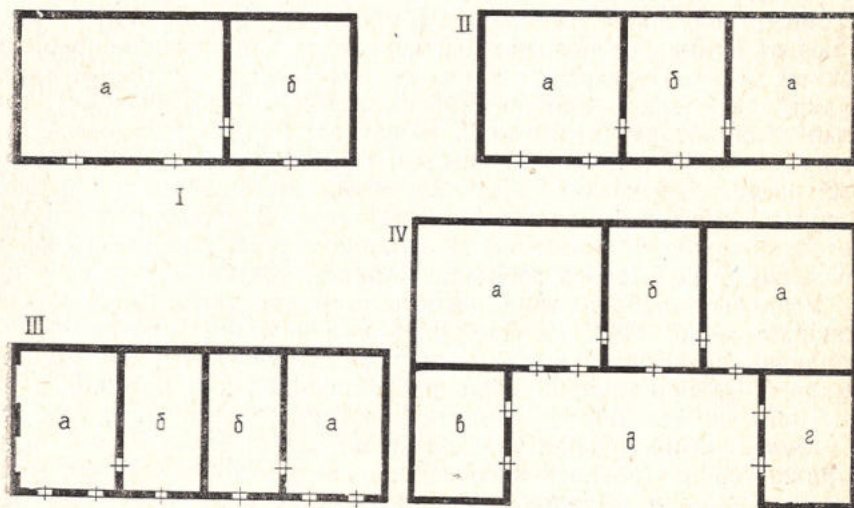
Прежде чем приступить к характеристике жилых домов и хозяйственных построек, необходимо дать представление о строительном материале и некоторых технических приемах, которыми пользовались узбекские народные мастера (меъморлар) в конце XIX — начале XX в.

Издавна главным строительным материалом в Средней Азии была местная глина — лесс и лессовые материалы: пахса, гувала (гувалак), сырцовый кирпич, а также камень, дерн (чим), камыш.

²³ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 69—70.

Из древесных пород для стен и коробки использовали преимущественно тополь (ок ва кора терак, ок ва мирза терак). Для ворот, дверных коробок, балок, оконных рам, реже — колонн применялся карагач, а для внутренних частей — тутовник. В условиях Узбекистана дерево имело особое значение, оно использовалось не только для конструкций, но и как художественно-декоративный материал. Резьбой украшали деревянные части комнат и айванов,

Планы домов в селах:

I — Арикбуйн (Фергандская долина); II — Батал (Самаркандская обл.); III — Кулджаман (Самаркандская обл.); IV — Миндон (Фергандская обл.): а — комната, б — прихожая, в — кладовая, г — кухня, д — айван

фрамугу (табадан, пираман), потолки, колонны, дверные створки, деревянные решетки, переднюю часть айванов (панджара).

Лесс в виде битой глины-пахса в старину использовался в жилом и хозяйственном строительстве очень широко как в кишлаках, так и в городах. Еще в 70-х гг. XIX в. большинство домов было построено из битой глины. Комок сухой глины овальной формы именовался «гувала», а в Самарканде, Бухаре и кишлаке Самок Яккабагского района Кашкадарьинской области — «кудук», «кесак». В старину гувалу широко использовали для кладки как основной наполнитель в каркасных стенах, а в кишлаках Ферганской долины и Ташкентского оазиса — при строительстве городских и сельских жилых и хозяйственных построек.

Гувалу изготавливали заранее. Вначале выбирали места с хорошей глиной-тупрок, поближе к воде, затем копали яму, вливали воду и перемешивали глину кетменем до тех пор, пока не получилась тестообразная масса. Глину выбрасывали на очищенную площадку, равняли кетменем и спустя некоторое время приступали

к выделыванию гувалы. Комки выкатывались из битой глины и складывались на заранее подготовленную площадку. Обычно в работе участвовали все члены семьи. Когда гувала была готова, ее собирали в кучу и на освободившуюся площадку выкатывали новую. Таким образом, один или два года готовили гувалу для постройки жилого или хозяйственного помещения. Осенью, зимой и весной кучи гувалы закрывали паласами, камышовой плетенью или замазывали глиной с саманом. Таким путем накапливались строительные материалы для постройки нужных объектов.

Для сырцового кирпича глину готовили подобным способом, более тщательно подбирая площадку. Поблизости запасали очищенный песок для осыпания формы (колип). Сырцовый кирпич (хош гишт) в Средней Азии встречался двух видов: квадратный и прямоугольный. В старину его делали обычно квадратной формы, в народе он назывался мусульманским (мусулмон гишти)²⁴.

Кирпич (гишт) отливали при помощи специальной формы (гишт колип). Мастер, производящий сырцовый кирпич, назывался «гишт куувчи». Мастера работали с помощниками, в обязанности которых входила подготовка глины и другие операции. Летом кирпич подсыхал быстро: сутки он лежал плашмя, на второй или третий день его ставили на ребро, а еще через день-два укладывали клетками.

Прямоугольный кирпич больше шел на сплошную кирпичную кладку, а более тонкий, квадратный, был удобен для заполнения каркаса: его ставили под небольшим углом. Этим способом возводились и жилые, и хозяйственные постройки. По свидетельству старожилов сырцовый кирпич в массовом строительстве употреблялся меньше, чем гувала.

Форма и размер жженого кирпича (пишик гишт), применявшегося для бытового строительства в конце XIX в., были весьма разнообразны. Чаще всего применялся кирпич квадратной формы, особенно на стройках в городах Ферганской долины, а также в Андижане, Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Хиве. В сельских местностях из него строили лишь мечети, медресе и бани. В бедных домах квадратный кирпич использовался только при возведении фундамента, а в богатых — и на выстилку полов, карнизов айванов и т. д.

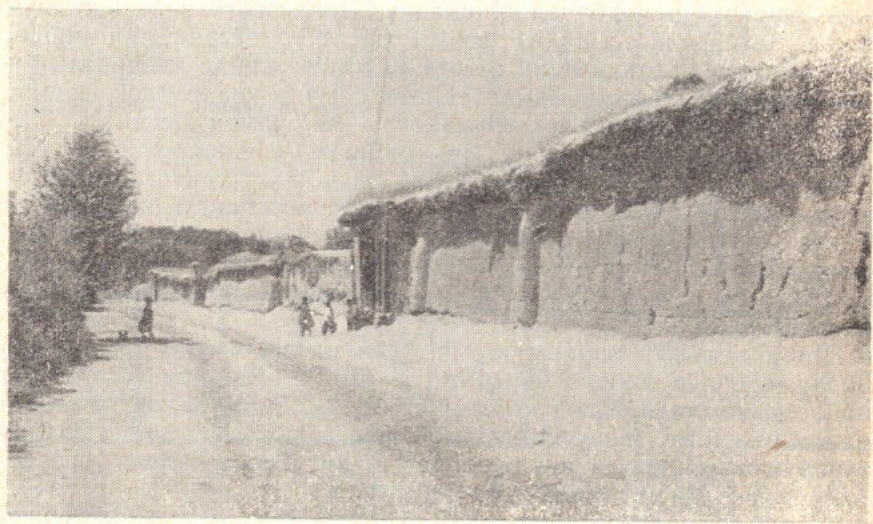
Обжиг кирпича производился в примитивных печах старинного типа (хумдон), которые вмещали от 15 до 30, а иногда и до 40 тыс. кирпичей, причем все операции выполнялись вручную. Поэтому приготовить большое количество кирпича было очень трудно. Прежде чем его обжечь, каждый заказчик предоставлял хумдону свои заранее подготовленные, хорошо высушенные сыр-

²⁴ Редкий дар о турецком (кипчакском) языке, (грамматический трактат XVI в. на арабском языке). Ташкент, 1978, с. 66 (на узб. яз.). А. Навои приводит термин «кирпич» как старотюркский и параллельно дает персидский термин — «гишт», «хишт».

цовые кирпичи. Иногда он привозил топливо — саман, рисовая мякина (тупон) и т. д.

Камень являлся одним из основных строительных материалов при постройке жилого дома, хозяйственных помещений и ограды (дувала) приусадебного участка. Его привозили отовсюду: из речных пойм, саев и каменистых горных мест. Поначалу застройщики отыскивали места, где имелись пригодные для строительства камни, затем несколько человек собирали их в кучу и на арбах привозили к месту строительства. После сортировки более крупные

Улица старого типа селения. Село Каунчи (Ташкентская обл.). Справа — дома с пахсовыми стенами

выделяли для подставки колонн, другие — на поидевор и т. д. В строительстве применялись также пласты лесса и пальчатая трава (чим), которыми пользовались в некоторых предгорных селениях Ферганской долины и Зарафшанского оазиса, в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Ташкентской и др. областях. Застройщики заранее определяли место, где рос чим, затем с помощью кетменя или лопат накапывали пласты квадратной формы. При возведении стен его прикрепляли с помощью тестообразной глины. Такая стена была толще, устойчивее и хорошо защищала от жары.

По традиции поверхности стен, сложенных из битой глины (пахса) гувала, сырцового кирпича или чима в городах и кишлаках оштукатуривались лессом, к которому для крепости часто добавляли мякину-саман. В городах и в крупных кишлаках, особенно в зажиточных домах, пользовались керамическими глинами (гильмоя), с целью придать стене бледно-коричневый оттенок употреблялась цветная гильмоя (кизил кесак). Более широко в богатых построй-

ках в конце XIX — начале XX в. применялся местный ганч различных сортов, обладающий теплозащитным свойством. Народные мастера охотно пользовались им при штукатурке внутренних поверхностей стен каркасной конструкции.

Гульганч не имел примесей и применялся для декоративных работ. Чтобы замедлить схватывание растворов, в ганч добавляли шереш (клей, изготовленный из дикорастущих растений) — ведь процесс художественной резьбы требовал длительного времени. Кроме того, шереш придавал ганчу большую плотность и блеск. В ганч, кроме шереша, для получения черного цвета добавляли сажу в пропорции 1:1, синего — ультрамарин (2:1), красного — красную глину (кизил кесак) и охру (2:1), серого — толченый тополевы уголь (2:1)²⁵.

Для деревянных конструкций жилых и хозяйственных, общественных построек в конце XIX — начале XX в. употреблялся главным образом тополь, частично тал, а также привозные леса. Лучшим древесным материалом считался тополь (терах). Из него делали основные части сооружений — нижнюю и верхнюю обвязку каркаса (таг ва тепа чорчуп), стойки стен, балки перекрытий (тусун, болор), ставни окон, детали потолка. Из тала вытачивали преимущественно детали, так как для основных конструкций он недостаточно прочен.

В начале и середине XIX в. весь каркас, особенно нижняя обвязка жилища, делались из горной арчи²⁶. Привозили ее на вьючных животных или сплавляли по рекам. Для мелких поделок и изготовления наружных частей арча не употреблялась из-за неоднородности древесины. В старину в горных и предгорных районах она являлась основным строительным материалом. Из арчи возводили жилища и другие постройки. Она считалась долговечным, имеющим целебные свойства материалом и высоко ценилась.

Для тонких деталей и декоративных отделок наилучшими считались ореховые и чинаровые деревья, из последних иногда делали колонны. Карагач имел слишком волокнистую древесину, поэтому из него делали гладкие колонны. Непригодными для резьбы были также тут и акация, древесина которых неоднородна и имеет пустоты. Влагоустойчивое тутовое дерево употреблялось для деревянных подушек, подкладываемых под основание колонн (паштан).

Высококачественным материалом считалось урюковое дерево, которое, однако, трескается при высыхании, поэтому употребляли его лишь после долгого вымачивания в воде²⁷. Потребность в

²⁵ Абдурасулев Р. Р. Архитектура народного жилища Узбекистана. — В кн.: Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960, с. 13.

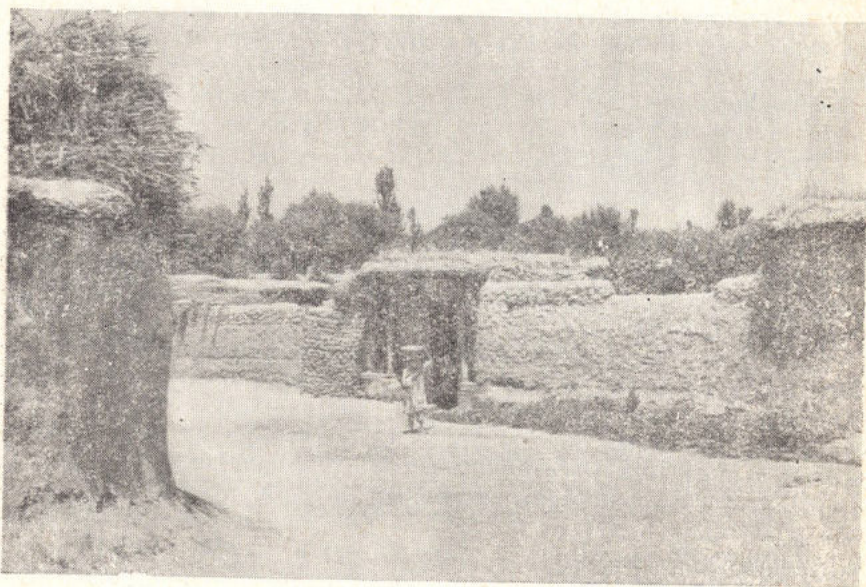
²⁶ Арандаренко Г. А. Лесной вопрос. — В кн.: Досуги в Туркестане. СПб., 1889, с. 588.

²⁷ Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник, вып. I. М., 1954, с. 247.

строительном лесе для каркасных и других построек удовлетворялась за счет посадок рощ из тала, тополя, карагача, чинары, тута, ореха, абрикоса и т. д. Такие рощи имелись вокруг многих кишлаков, во дворах — садах, на берегах арыков и хаузов. Существовал обычай сажать деревья на участке при рождении сына: когда приходило время жениться, деревья шли на строительство дома для его семьи.

Издавна в кишлаках местные мастера применяли известь (ошак) как связывающий раствор в постройках из жженого кир-

Улица старого типа. Чиназ (Ташкентская обл.). Справа—дом и усадьбы, стены которых сложены из комковой глины «гувала»

пича — в жилых и торговых зданиях, квартальных мечетях, минаретах. Кровельное железо (тунука) стало применяться с последнего десятилетия прошлого века в городах и в кишлаках, преимущественно в зажиточных домах.

В конце XIX — начале XX в. началом строительных работ считалась весна. Однако массовым строительным сезоном были август и сентябрь — время поспевания земледельческих культур, фруктов, овощей, а также после уборки сельхозкультур²⁸.

Место, где строился дом, заранее очищалось и выравнивалось. Дом строился без фундамента, а подготовка грунта сводилась к

²⁸ Она же. Народная архитектура Самарканда, XIX—XX вв. Душанбе, 1976; Гражданкина М. С. Древние строительные материалы Узбекистана. — В кн.: Строительные материалы Узбекистана. Ташкент, 1951.

срезанию дернового слоя, выравниванию и трамбовке строительной площадки. Цоколь отсутствовал или делался очень низким. Под стены укладывали ряд булыжников, либо один-два ряда жженого кирпича, на которые укладывалась нижняя обвязка стенного каркаса. Кое-где наличие грунтовых вод и почвенных солей заставляло повышать цоколь и употреблять изоляцию в виде камышовой прокладки или прослойки из древесного угля. Позже в городах начали строить дома на цоколе из жженого кирпича, который использовался как складское помещение.

Прямой угол определяли по квадратному кирпичу, натягивая бечевку по его сторонам. При помощи камышинок и веревок намечали план постройки на земле (режа тортиш). Для определения ровности под натянутые веревки ставили воду в кассе.

Дом из битой глины-пахса в народе назывался «пахса уй», а из комковой глины — «гувала уй» или «гувала деворли уй». Место постройки дома тщательно обрабатывали, используя традиционные методы трамбования: в течение нескольких дней по основанию будущих стен прогоняли лошадей, затем уплотняли грунт, часто заливая его, и снова долбили каменным трамбователем.

Стены, выложенные из сырца без стоек (гиштли уй, гиштли девор), обычно возводили на пойдеворе из нескольких рядов жженого кирпича. По традиции в старых домах между пойдевором и стенкой клали деревянные, чаще всего арчовые балки, чтобы сырость не переходила из жженого кирпича в сырцовый. Каркасные стены строились обязательно на пойдеворе, размеры и конструкция которого зависели от почвенных условий. При отсутствии грунтовых вод его делали меньше, если они имелись — больше.

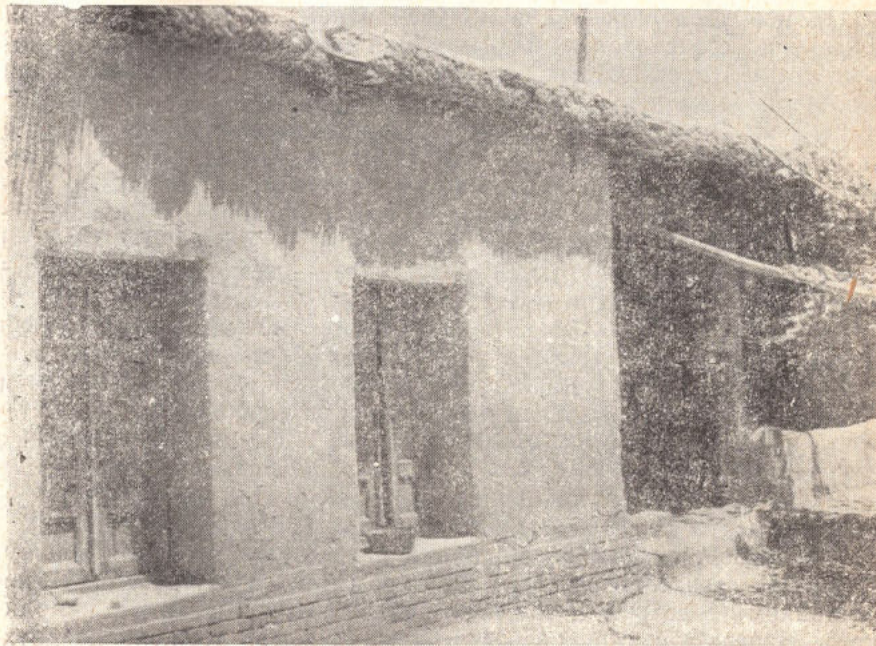
На возведении глинобитных стен пахса-девор работали втроем. Один из строителей считался мастером (пахсачи), другой — помощником (ёрдамчи) и третий — подсобным работником (мардикор). Иногда при строительстве больших домов держали до двух-трех и более подсобных рабочих. Они месили глину и подавали ее на специальных лопатках (бел или капча). Стены жилого дома кверху постепенно сужались, примерно до 40—45 см.

Стены из битой глины применялись в жилых постройках в большинстве городов и кишлаков Узбекистана. В отличие от других мест основным материалом для сооружения жилищ в Хорезме служила пахса, что определялось самым характером хавли с его широкими стенами, укрепленной усадьбой.

В Узбекистане качество сооружения определяли по количеству слоев стены—пахсы. Например, если слой стены жилого дома состоял из четырех пахсы, то в народе этот дом назывался «турт пахсали уй», а из пяти — «беш пахсали» и т. д. Обычно пахсовую стену вокруг усадьбы делали из пяти, шести и семи рядов. В народе говорили, что двор такого-то окружен стеной из семи слоев пахсы.

Распространенным материалом в оазисе Кашкадарьи, особенно в Гузаре была гувала. В Ташкенте она употреблялась меньше, чем в Ферганской долине, западнее ее изредка можно было встретить в кишлаках. В Хорезме гувала не применялась. О широком применении гувалы в Ферганской долине свидетельствуют очерки акад. А. Ф. Миддендорфа, посетившего в 80-х гг. XIX в. Ферганскую долину: «Поселяне предпочитают складывать стены из гли-

Старинный дом. Село Каунчи

няных шаров, величиною с голову, высушенных на солнечном припеке, горизонтальными слоями, соединяя их глинистым раствором, служащим как бы цементом. Я видел этот тип постройки, в пережку с глино-саманными слоями, в употреблении преимущественно там, где угрожали размывания. По всей вероятности, направление размытых полос при этом облегчается»²⁹.

Гувала употреблялась для кладки стен, заполнения каркаса и т. п. В XIX в. ее применяли для возведения стен жилых построек в городах, позднее — в кишлаках (в городах гувалой пользовались только для кладки стен хозяйственных построек). Гувала отличалась простотой изготовления и дешевизной.

²⁹ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, с. 367.

В последнее десятилетие XIX и в начале XX в. широко применялся жженный кирпич заводского производства. Из него строились мечети, всевозможные торговые помещения, дома местных баев. Кирпич привозили на арбах из Коканда, в других городах Ферганской долины он был некачественным.

В жилых домах жженым кирпичом, помимо стен, выкладывали цоколь на поидеворе, полы, парапеты над карнизами айванов, возводили стены первого этажа, в особенности в домах на косогорах. Некоторые зодчие мастерски владели техникой кирпичной кладки, раскрывая ее новые художественные возможности.

Народные мастера умело возводили стены вокруг дворов и приусадебных участков, используя камни, чим, кесак, прутья ивы, тополь. Существовал плетеный из прутьев тала (ивы) четан девор. Возводили стены из специально сплетенного камыша, уложенного в один ряд и скрепленного шпагатом или другими предметами (чий девор). Полы в старом жилище большей частью были земляные. Изредка земля покрывалась глиносаманной штукатуркой, еще реже — ганчем. В Бухаре, например, из-за высокого уровня грунтовых вод делали второй этаж и выстилали его пол сырцовым кирпичом, покрывая свехру ганчевой штукатуркой.

С древнейших времен в жилищном строительстве Узбекистана возводились стены — девор восьми видов: пахса-девор, гувала-девор, гишт-девор, синч-девор, чим-девор, том-девор, кесак-девор и шахдевор-стена из прутьев, а также четан-девор — стена из переплетенных прутьев.

Пахса-девор встречается во многих памятниках архитектуры. Для последнего этапа античного Хорезма (кушано-афригидская культура III—IV вв. н. э.) характерны замки с внешними паховыми стенами, но с данжонами из кирпича. Паховые стены имели такие памятники хорезмского средневековья, как Бурун-кала и древний город Нариджан, характерные для афригидско-саманидской культуры (IV—XI вв.). В период расцвета феодализма и хорезмской культуры (XI—XII вв.) в строительном деле наблюдается почти полное господство пахсы³⁰.

Паховые стены были приемлемы и удобны для всякого строительства. Одним из основных моментов, определявших характер и устройство жилых помещений в Хорезме, был климат, с его короткой, но иногда довольно суровой зимой и долгим, жарким летом. Паховые стены в летний жаркий период долго сохраняли прохладу, а зимой — теплоту.

Стенами из прутьев ивы, тополя или других деревьев (шох девор, чарвок) огораживали сады, огороды и хавли. Каменные стены были распространены в горных и предгорных кишлаках, близлежащих к рекам и саям, откуда можно было добыть камни.

³⁰ Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. — «Вестник древней истории», 1946, № 1, с. 98—100; Он же. Древний Хорезм. М., 1948, с. 33.

Стены домов обычно оштукатуривались. Способы штукатурки (шувок) были различны: грубая глиняная штукатурка (кора шувок, панжакаш), для способа «ок шувок» употреблялась глина с мелким саманом (ширалай шувок). В богатых домах в штукатурку добавляли ганч и мел (бур). Широко использовались растворы лессовые и гипсовые. Последние применялись при строительстве стен из гувала, сырцового и жженого кирпича, для грубой штука-

Усадьба в селе Ташфуд (Ташкентская обл.)

турки, смазки междуэтажных перекрытий и кровли. Для кладки стен использовался хорошо промытый лесс в тестообразном виде с добавкой самана.

Каркасные конструкции были в основном двух видов: однорядные (якка синч) и двухрядные (куш синч). Конструкция каркасных стен была очень проста. Как в однорядной, так и в двухрядной стенах основными элементами является нижняя и верхняя обвязки (таг ва устки чорчуп), угловые вертикальные стойки (устун) и диагональные брусы между стойками. Обвязки рубили на углах, стойки соединялись с ней шипом. Угловые вертикальные стойки и передающие нагрузку подкосы между ними служили несущими частями конструкции. Для заполнения каркаса сырцовыми кирпичами или гувалой вводились дополнительные ригеля и подкосы, которые удерживали наполнители.

Однорядный каркас создавал достаточно жесткую конструкцию, был удобен для устройства проемов. В Хорезме его укрепляли с наружной стороны горизонтальными подкосами. В стенах однорядного каркаса ниши не устраивались. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что интерьер хорезмских городских и сельских жилищ почти не расчленен. В Ферганской же долине жилой дом имел солидную конструкцию, толщина его стен составляла 60—70 см³¹.

Дома с каркасной конструкцией стен не имели фундамента. Обычно срезали лишь верхнюю часть грунта, выравнивая и утрамбовывая его. Нижняя обвязка каркасной стены укладывалась непосредственно на невысоком, состоящем из нескольких рядов кирпича основании, на него устанавливали таг синч, которые играли роль фундамента.

Самая простейшая конструкция складывалась из вертикальных стоек или навесных жердей. Такой каркас применялся чаще всего в службах и легких постройках второго этажа. Для жилых помещений употреблялся более устойчивый каркас из стоек, подкосов и ригелей. В стенах с двойным каркасом наружный делался описанным способом, а внутренний состоял из ряда связанных ригелями стоек, между которыми размещались проемы (токча) и ниши (тахмон, мехроб). Заполнялся каркас тонким квадратным сырцом или гувала, а также комками твердой земли (кесак), как например, в Бухарском оазисе.

Основа деревянного каркаса (чорчуп, таг синг) состояла из балок квадратного сечения, скрепленных в лапу. Такие крепления были и у балок, идущих по верху (сарроп). Между ними устанавливали стойки (устун). Их число и месторасположение определялось местом оконных и дверных проемов.

Толщина стен при однорядном каркасе колебалась приблизительно от 16 до 30 см, двухрядном — от 40 до 60, при пахсовых стенах из гувала — до 80 см и более. Пол дома при отсутствии цоколя был земляной, утрамбованный и обмазанный, приходился почти вровень с землей. В зажиточных домах пол выкладывали обожженным кирпичом или покрывали ганчем.

Положительными сторонами применения деревянного каркаса является сборность и разборность его конструктивной основы, возможность быстрого ремонта, сочетание необходимой жесткости и шарнирной эластичности, устраняющей ломку узлов каркаса при раскачивании. Отсюда поговорка: «синч уйим, тинч уйим». Жители долины Ахангарана, Ташкентской области и Бухарского оазиса называли каркасные дома «калама уй»³² или «синч уй». Деревянный каркас допускал полную стандартизацию всех его конст-

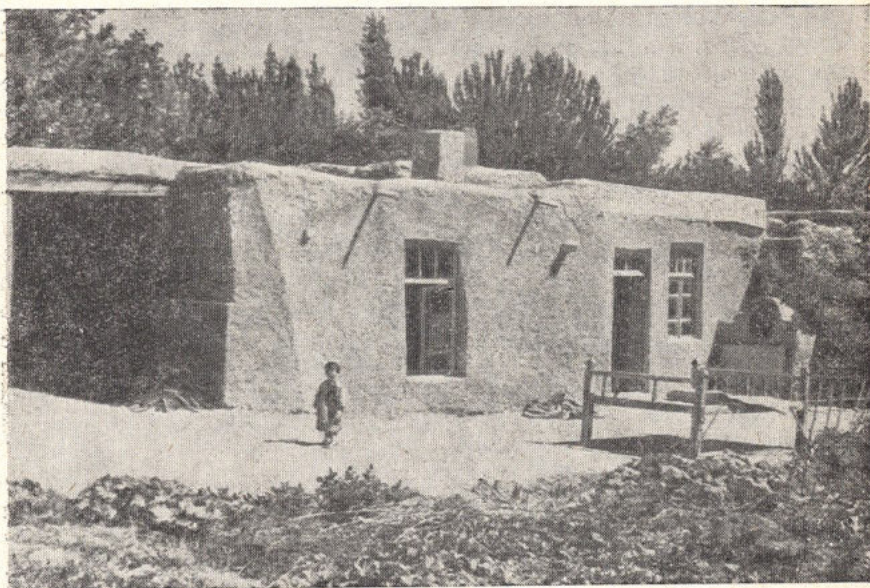
³¹ Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1952, с. 18.

³² Файзиев Т. Социалистическое переустройство поселений и жилищ узбеков-кураминцев Ташкентской области. — В кн.: Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965, с. 99.

руктивных деталей. Элементы каркаса были предметом торговли³³.

Потолок жилых домов издавна делался деревянно-балочным способом. Эти перекрытия состояли из балки верхней обвязки потолка (тусун) и располагались с двух сторон. В начале балки подкладывали отрезки бревен, называемые «подушками» (ёстик или тусин боши), и прикрепляли их с помощью специальной балки (нучуп). Сверху, поперек них настилали горбыли (вас-

Усадьба в селе Черкесар (Ферганская обл.)

са), которые укладывали плотно, один к другому (вассажуфт). Всякий состоятельный хозяин считал своей обязанностью раскрасить потолок. Рисунки часто отличались оригинальностью и замысловатостью сюжетов, удачным сочетанием цветов. Иногда палочки (васса) заменяли резными досчатыми квадратиками, искусно расписанными сусальным золотом (зарвара олтин)³⁴.

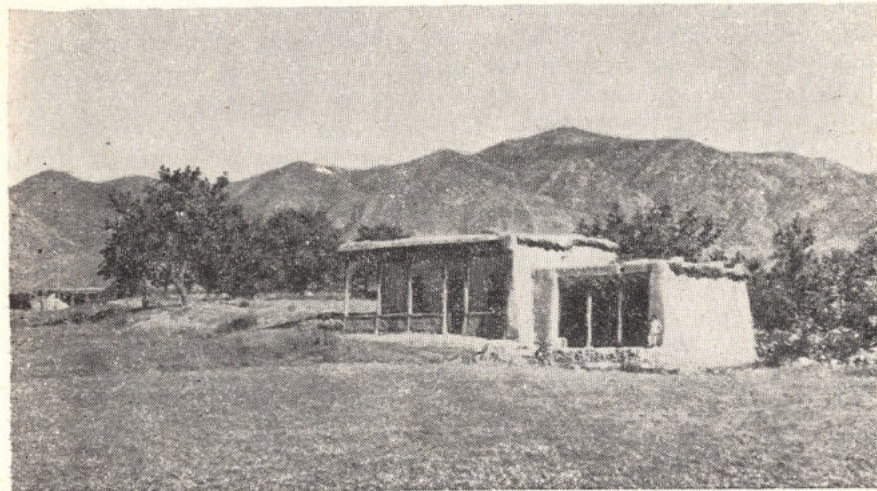
В бедных жилых домах васса клали на довольно большом расстоянии один от другого. Этот тип перекрытия назывался «васса-буйра», так как в этом случае над вассой обязательно настилали камышовую плетенку (буйра), которая была видна сквозь промежутки васса. В богатых домах даже на вассажуфт расстилалась камышовая плетенка, а над ней толстым слоем укладывались снопы камыша.

³³ Абдурасулев Р. Р. Архитектура народного жилища Узбекистана, с. 15.

³⁴ Кушелевский В. М. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. II. Новый Маргилан, 1891, с. 305.

Размер балочного перекрытия и перекрываемого им помещения определялся указанием на количество балок перекрытия: для жилой комнаты это 7, 9 и 11, а для передней — 3, 5, 7 балок. По распространенной в Средней Азии традиции их число принято было делать нечетным³⁵.

Кроме описанных перекрытий крыш жилых помещений существовали еще некоторые их разновидности. К примеру, по круглым деревянным балкам укладывались мелкие подтарники, раз-

Двухкомнатный и однокомнатный дома с айваном в селе Джаркортан (Ферганская долина)

резанные или разрубленные пополам, поверх которых были уложены камышовая плетенка и земляная засыпка. Этот тип перекрытия был широко распространен по всему Узбекистану. Между балками располагались доски, имитировались продольные прогоны на одном уровне с поперечными балками. Это давало возможность создавать систему плоских или заглубленных кессонов: прямоугольные балки-брусья лежали на разных уровнях, средняя часть их была приподнята, в результате чего получался тип зеркального потолка³⁶.

В хозяйственных городских постройках, жилых домах кишлаков Ферганы применялось двойное перекрытие крыши: поперек или вдоль помещения клался прогон (хори), на который опирались открытые балки потолка, лежащие противоположными концами на верхней обвязке стены. Такая конструкция перекрытия

³⁵ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 73.

³⁶ Там же.

встречается и в других районах Средней Азии, например, в Нурате³⁷.

Для Ферганской долины характерны жилища старинного типа с плоской двускатной кровлей. Такая конструкция перекрытия (дурушиш) применялась по всей Фергане и в тех районах, которые некогда составляли Согд³⁸. Двухскатные перекрытия были широко распространены в южных районах Таджикистана, например, у таджиков Каратегина и Дарваза³⁹. Дома с плоско-двухскатной кровлей встречались и в окрестностях г. Андижана⁴⁰. Такое устройство кровли (хорилик уй) известно также в Фергане⁴¹.

Во время исследовательских полевых работ авторам приходилось встречаться с такими же домами в кишлаках Ферганской долины, построенными еще в прошлом столетии. Кроме того, строились дома и с двумя скатами (куш хорилик уй). По рассказам старожил, жилища, состоящие из одного или двух хори (якка хорили ва куш хорилик уйдар) строились из-за недостатка строительных древесных материалов, в особенности брусьев. Мастера утверждали, что когда не было достаточного количества брусьев, они вынуждены были использовать один-два прогона, на которые клали короткие брусья (калта тусун). Дома прогонного типа не пользовались популярностью в народе.

Двухскатная кровля в условиях Средней Азии представляет собой довольно редкое явление. Повсюду в сельской местности и в городах преобладают плоские или плоско-двухскатные крыши. Двухскатная крыша характерна только для некоторых районов Таджикистана и южного Узбекистана⁴². Она представляет своего рода зонт над обычной плоской крышей среднеазиатских домов и может служить одновременно потолком⁴³. Когда над плоской кровлей устраивалась двухскатная крыша, то помещение между ними служило как бы вторым этажом и использовалось для хранения запасов зерна, сена⁴⁴. В районах с большим количеством осадков получила распространение двухскатная крыша, которая делалась над обычной кровлей. Двухскатная кровля известна под назва-

³⁷ Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы, с. 247.

³⁸ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, с. 114.

³⁹ Таджики Каратегина и Дарваза, вып. II. Душанбе, 1970, с. 31—36.

⁴⁰ Воронина В. Л. Узбекское народное жилище, с. 70.

⁴¹ Там же, с. 70—71.

⁴² Семенов А. А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, с. 32—33.

⁴³ Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. — «Известия АН ТаджССР», 1933, вып. 3, с. 93—94; Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, с. 136; Воронина В. Л. Заметки о народной архитектуре южного Таджикистана. «Советская этнография», 1957, № 1, с. 138—145.

⁴⁴ Андреев М. С. Краткий очерк о работе этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. — В сб.: По Таджикистану. Ташкент, 1927, с. 21, 22, 29.

нием «чуптора» или «чоптора» у таджиков⁴⁵ и узбеков-локайцев⁴⁶. В кишлаке Минжир Яккабагского района она называлась «чупкори»⁴⁷.

Круглые башни с вассой были лишены отделки, но иногда их окрашивали в темно-красный цвет. Такой тип потолка и поныне применяется в хорезмских и других жилищах. Система брусьев с дощатыми распорками употреблялась при строительстве богатых домов Бухары, Ташкента, Самарканда, Ферганы. Брусья и распор-

Деревянная кровать «сури» под виноградными лозами

ки были украшены резными орнаментами, а в некоторых домах расписаны цветными красками. После устройства потолка клали камыш, над камышом насыпали глину-тупрок.

Толщина кровли в разных районах была неодинаковой и зависела от количества осадков и качества строительных материалов. В Хиве, где осадков немного, толщина кровли составляла 15—40 см, в Фергане — от 30 см до полуметра, в Ташкенте, где осадков больше — 40—50 см, причем, здесь была типичной камышовая крыша с большими навесами с односкатными и двухскатными кровлями. Для Наманганской зоны Ферганской долины были ха-

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы, с. 136.

⁴⁷ Полевые записи автора, октябрь 1973 г.

рактены перекрытые кровли, плоские крыши без выступа за линию стены, унаследованные от старой ферганской архитектуры⁴⁸.

Основным материалом, покрывающим кровлю во всех районах Узбекистана, была глиносаманная смазка. При смазке крыши штукатурки обращали особое внимание на наклон для стока воды (нишобини олиш) по желобам (тарнов), сделанным из дерева, гончарных труб или из железа. При внешнем оформлении крыши вместо карниза по краю кровли с фасадной стороны на ребро выкладывали кирпичную кладку. Этот способ украшения крыши встречался только в городах. Карнизы в большинстве случаев выкладывались по лицевому фасаду дома, либо на айване. Край карниза укрепляли рядами жженого кирпича. Вынос карниза по всем четырём сторонам постройки нигде не был принят, за исключением Ташкента. В других городах и кишлаках вынос делали обычно со стороны дверного фасада.

Х а ш а р (п о м о щ ь). При строительстве жилых и хозяйственных помещений требовалось большое количество рабочих рук. Издавна в народе существовал обычай добровольно помогать застройщикам в трудоемких работах. Прежде чем организовать хашар застройщик заготавливал продукты питания. Первый хашар обычно устраивали во время кладки стен.

О хашаре, за день до его начала, объявлял сам застройщик или аксакал махалли, кишлака. При этом в обязательном порядке назывался вид хашара — «девор хашар» или «том хашар». В дом застройщика люди приходили с утра. Их сразу сажали к дастархану, угощали чаем и сладостями. Во главе дастархана сидели пожилые люди, аксакалы, которые распределяли работы, помогали молодым своими советами, делились опытом. Люди, приходившие позже, заменяли уставших, чередуясь на тяжёлых участках стройки. Это называлось «девор хашар». В хашарах участвовало от 50 до 100 и более человек. Во время хашара играли на музыкальных инструментах и пели, рассказывали остроумные истории.

Второй хашар — «томга тупрок солиш хашари» или просто «том хашар» — созывался после окончания штукатурных работ, когда насыпали глину-тупрок на крышу. Этот хашар организовывался лунной ночью. Несколько человек выкапывали чистую глину-тупрок, затем перетаскивали ее на крышу по лестнице. До полуночи, иногда до утра работу заканчивали.

В день том хашара приходили родственники, близкие и товарищи, приносили продукты, а соседи, родственницы готовили пищу, пекли лепешки. Принесенные продукты назывались «йукланди».

Третий по счету хашар — «том сувок хашари» — был небольшой. На крышу насыпали глину-тупрок, после чего хозяин дома с членами семьи производили черную смазку крыши (кора сувок или лумбаз). Затем шла подготовка хашара: выкапывали глубокую яму, месили глину с саманом, заквашивали ее. После этого

⁴⁸ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, с. 97.

застройщик приглашал к себе мастера-штукатура (сувокчи) для консультации. Если глина считалась заквашенной, мастер разрешал устроить хашар и назначал день. Обычно в нем участвовало от 15 до 50 человек.

Итак, традиция добровольно помогать друг другу в трудоемких работах, строительстве существовала в народе издавна. Однако не всегда хашар проходил так, как было описано выше. В бедных семьях он продолжался лишь несколько дней из-за недостатка продуктов питания. Работа дехкан на ханских и байских землях тоже называлась хашаром. Народный обычай использовался богачами в корыстных целях — это была настоящая эксплуатация дехкан.

Обычай и обряды, связанные со строительством и вселением в новый дом. Существовал особый ритуал въезда в новый дом, который тщательно выполнялся застройщиками. Подготовив все необходимые строительные материалы и продукты питания для строителей (уста бокишга етарли озик-овкат жамгарилгач), застройщик приглашал к себе уважаемых людей кишлака и махалли, мастеров, угощал их. Хозяин знакомил гостей с планом строительства, показывал место нового дома и просил дать ему благословение (ок фотиха), затем обращался к присутствующему мастеру, предлагая взяться за это дело. После осмотра подготовленных строительных материалов гости давали свое согласие. В заключение церемонии хозяйка дома дарила каждому по поясному платку (оклик), пожелав благополучия начинающему мужу и мастеров-строителей.

Мастер и его помощники (шогирдлари) в тот же день, либо спустя некоторое время, начинали строительство. При этом присутствовали аксакалы, которым принадлежало право класть первый камень под цоколь (пойдеворга биринчи тошни куйиб берган) и благословить эту работу. По обычаю резали барана или петуха, смазывали кровью пойдевор. Работу всегда начинали в определенный день, обычно в понедельник (иш боши куни). В пятницу мастера не работали.

После нескольких дней работы, когда мастер (уста) начинал возводить перекрытия, родственники хозяина приносили с собой подарки, большое блюдо плова и т. п. Подарки вешали на балку перекрытия (заваррав), отсюда название «заваррав плув». После окончания работы мастер и его помощники забирали подарки, а принесенной едой угощали присутствующих⁴⁹.

По окончании строительства застройщик устраивал угощение (зиёфат) и приглашал аксакалов, родственников и мастеров-строителей. После угощения хозяин дома расплачивался и дарил главному мастеру комплект верхней одежды (сарупо), а остальным участникам строительства — рубахи, платки и т. п.

По обычаю переезду в новый дом предшествовала церемония окуривания дымом степной травы гармала (исирик солиш). До

⁴⁹ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 247.

полного переселения семьи в новый дом в нем жил, «охраняя от злых духов», один из старых родственников. Первой в дом входила хозяйка, с ней шла ее мать или родственница, а затем входили мужчины, приносили угощение, перевозили вещи. На следующий день устраивался праздник переезда в новый дом (джой той), на который собирались близкие и гости. Каждый приглашенный приносил с собой лепешки, котламу и другие угощения. Родственники, принимавшие участие в постройке дома, одаривали.

С домом, в частности, с крышей, у южных узбеков Хорезма был связан ряд поверий. Например, если в доме умирало несколько человек подряд, в нем меняли местами две балки на крыше или разбирали крышу, балки выбрасывали и ставили новые, а всю крышу перекрывали заново.

Некоторые обычаи были связаны со входом в жилище. Иногда над дверью дома прикрепляли кусок теста в форме лепешки, чтобы его обитатели жили счастливо и безбедно. От «сглаза» при постройке вмазывались над воротами два керамических блюда с голубой поливкой или два черепка от них. Возможно, это значение имела в прошлом и часть того орнамента, которым украшались фасады домов, что подтверждает и само название верхней части стены над воротами дома — «каргалык» (заклятие).

При постройке нового дома под порог (эшик-бусага) или камышовую прокладку (саз) подкладывали две-три мелкие серебряные монетки ханского времени (тангы), чтобы жизнь в доме была счастливой, росло благосостояние семьи⁵⁰.

В некоторых домах напротив дарвазаханы, со стороны двора, строили отгораживающие стены, чему пожилые люди придавали символическое значение, считая их охраняющими от дурного глаза и злых духов. Поэтому же на стенах, подпорках вешали амулет (тумор). Иногда снаружи ворот, на видном месте, слева вбивали подкову (така), которая, по поверию, охраняла двор и дом от внешних злых духов. Амулеты использовались в быту издавна, можно полагать, что генезис их восходит к доисламским верованиям. Иногда над воротами или на крыше нового дома прикреплялись рога барана или горного козла, оставляли недостроенной какую-то часть в новом доме, чтобы «взоры дурных глаз попадали прямо на них». Соблюдая различные обычаи, обряды, местные жители наивно полагали, что именно они помогут обеспечить успех строительству жилища и благополучную жизнь семьи в новом доме.

Выработка локальных форм жилища населения Узбекистана была связана со складывавшимся на протяжении многих сотен лет историко-культурным своеобразием областей, городов. На развитие формы жилища узбеков влиял и резко континентальный климат с долгим жарким летом и короткой, но иногда суровой зимой.

⁵⁰ Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — В кн.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I, с. 292—294.

Типология традиционного узбекского жилища сложилась очень давно, в эпоху развитого феодализма. Однако рост и расширение экономических связей между областями и городами в более поздний период привели к стиранию многих региональных различий, постепенному исчезновению традиционных форм. После присоединения к России новая строительная техника, материалы смешались с местными, традиционными. В разных областях Узбекистана эти процессы происходили в разное время, что было связано со степенью и с темпами их экономического развития. Большое значение имела и форма семьи: являясь живым организмом, семья приспосабливала жилище в соответствии со своей структурой и потребностями.

В этнографической литературе дается довольно обстоятельная классификация жилищ: по материалу и строительной технике; по вертикальному расположению жилищ вроде землянок, полужемлянок, наземных, одно-двухэтажных и т. д.; по конструкции, материалу и форме крыши; по декору — украшенные и неукрашенные резьбой, росписью; по назначению — жилые, подсобные, хозяйственные, культовые и т. д.

В работе принята классификация по горизонтальной планировке жилища, так как она более полно охватывает описываемые нами жилища по их расположению: однокомнатные, двухкомнатные; трех- и более комнатные, двухэтажные и более высокие дома; устройство старых традиционных жилищ.

Кроме горизонтальной классификации жилищ, можно выделить регионально-локальный характер традиционных узбекских жилищ. Поэтому мы считаем целесообразным выделить их характерные черты по областям и городам.

Описание традиционного жилища узбеков.

Однокомнатные постройки. По всему Узбекистану, особенно на селе, в дореволюционный период были распространены однокомнатные постройки. Их планировка была проста: в большинстве случаев прямоугольная, с одной или двумя дверями, небольшим оконным проемом (дарча). Над дверью часто было отверстие, в которое вставляли либо деревянную, либо алебастровую решетку (панжара), называемую в Ферганской долине «табадан», в Ташкентском оазисе — «пирамон», служившую для освещения комнаты. У входа, с правой стороны располагалась печь (муриучок). В некоторых местах, например, в Самаркандской области, очаг иногда находился в середине комнаты, а в крыше оставляли дымоход (туйнук).

На очаге обычно готовили пищу, кипятили чай. Напротив, в нише стены, размещался сундук, на который складывали постель. В жилищах Ферганской долины в боковых стенах имелось несколько ниш (токча), с лицевой стороны одна-две ниши, куда складывали предметы домашнего обихода. Ранее в Самаркандской, Кашкар-дарьинской и других областях в таких домах ниши отсутствовали.

Собранные нами данные свидетельствуют, что постройка глинобитных домов в прошлом всегда зависела от социального положения домовладельца. Большинство сельских жителей — бедняков, арендаторов и наемных рабочих удовлетворялось однокомнатными жилищами, где члены семьи постоянно жили и принимали гостей. Во время приема гостей-мужчин хозяйка с детьми уходила к соседям, иногда они там и ночевали⁵¹.

Однокомнатные жилища были распространены не только в земледельческих районах, но и среди полуседлого и оседлого населения Узбекистана. У кипчаков они появились очень давно, возможно еще в XVII—XVIII вв., с переходом значительной части населения к полуседлости и оседлости. Жилища строили на местах зимовки, жили в них чабаны и батраки, работавшие в байских хозяйствах. Но как постоянное жилище однокомнатные строения стали распространяться лишь в конце XIX — начале XX в., когда основная масса кипчаков окончательно осела⁵². При постройке однокомнатного жилища учитывалось количество членов семьи.

В южных районах Узбекистана (Кашкадарьинской, Бухарской и Самаркандской) при однокомнатных домах часто имелись глинобитные, смазанные глиняным раствором с мелким саманом супа, где жители весной, летом и осенью отдыхали, принимали гостей. На задней стене имелось окошко (дарча) для проветривания комнаты.

В Ферганской долине, Самаркандской, Хорезмской, Кашкадарьинской, Ташкентской и других областях встречаются однокомнатные жилища с двумя дверьми (юкори эшик или тур эшик), проемом над дверьми (пирамон или табадан) для проветривания и освещения комнаты. Они отличались и внутренним расположением. Одна из дверей заменяла окно слева от входа в комнату, ею обычно не пользовались. Вторая дверь являлась входной дверью (куйи эшик или пойга эшик, т. е. нижняя дверь)⁵³. Очаг располагался в середине комнаты, на крыше делали туйнук.

В подобных однокомнатных помещениях внутреннее расположение было иным, так как здесь почетное место, в отличие от жилища с одной дверью, было, как правило, не напротив входа, а посередине комнаты. На задней стене имелись ниша-токча и ниша-тахмон, куда вставляли сундук и складывали на нем постельные принадлежности. Прямо над этим местом к потолку прикрепляли жердь в толщину ступни кетменя, набрасывали одежду. В Андижане это называлось «кийим дор». В стенных нишах (токча) хранили предметы домашнего обихода, посуду и т. п. В прошлом в Андижанской области были распространены такие же дома, но постепенно они исчезли.

⁵¹ Исмаилов Х. Поселения и жилища сельского населения Ферганской долины. Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972, с. 87.

⁵² Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 238, 239.

⁵³ Там же.

Самым распространенным вариантом однокомнатных жилых домов являлось жилище с айваном и двумя дверьми. Оно также предназначалось для малых семей, и было распространено в Ташкентском оазисе, Самаркандской, Хорезмской, Кашкадарьинской и др. областях. В каждом районе вырабатывались свои характерные черты для каждого из образующих элементов жилища, а также их сочетания и методы его использования.

Основная жилая ячейка в Ферганской долине в большинстве случаев состояла из ориентированной на юг жилой комнаты, перед которой был расположен айван (пеш айван). Находящийся перед домом айван летом защищал комнату от перегрева почти отвесными лучами высокостоящего летнего солнца, зимой же лучи проникали в комнату и согревали ее⁵⁴.

В Андижане были распространены дома из одной комнаты, отделенной прогоном и стойками от переднего помещения⁵⁵. В Ташкенте и Ташкентском оазисе наиболее распространенным было жилище, состоящее из комнаты с расположенным рядом с ней айваном⁵⁶. Этот тип жилища развивался под действием определенных исторических причин, подчас очень сложных⁵⁷.

Двухкомнатные постройки. Самыми распространенными по всему Узбекистану были двухкомнатные дома. Их планировка была очень разнообразной. Выделялись пять основных вариантов.

1. Двухкомнатный жилой дом с простой планировкой строился также, как однокомнатный, но к нему примыкала, располагаясь в один ряд, маленькая комната (ошхона или кичикхона). Обычно первая комната, меньшего размера, служила кухней, где располагался очаг и хранились все предметы кухонного обихода, некоторые хозяйственные предметы, повседневная одежда, обувь и т. д. Большая комната была одновременно столовой, гостиной и спальней. В нишах хранились домашние и постельные принадлежности. Характерной чертой этих домов было наличие трех дверей со стороны двора. Помещение разделялось стеной, в которой имелась дверь. Большинство домов не имели айвана.

2. В строении каждое помещение было отдельным, с входной дверью со стороны двора. В доме не было айвана, переходной двери между комнатами. Планировка была рассчитана на проживание одной или двух небольших семей.

Двухкомнатный дом данного типа строился иначе: обычно между комнатами находилось еще одно помещение, фасад которого был открытым. Этот тип дома (чукур айван или чукур айвонли

⁵⁴ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 22.

⁵⁵ Воронина В. Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана. «Советская этнография», 1953, № 9, с. 178.

⁵⁶ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 22.

⁵⁷ Границанская Н. Н., Токарев С. А., Листова Н. М. Типология народного жилища в странах зарубежной Европы. — В кн.: Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1967, с. 11.

уй) был широко распространен по всему Узбекистану, особенно в Ферганской долине, где его называли «чукур айвонли уй». В таких домах очаг обычно располагался в «чукур айване», в задней стене, и являлся кухней, там же хранили предметы хозяйственного назначения. Комнаты имели входные двери и по одной двери (дарча) для освещения комнаты. Из дверей-дарча не ходили, это считалось неприличным. В таких домах в большинстве случаев проживала одна большая семья, иногда — две маленькие: в одной — отец и мать с малолетними детьми, в другой — женатый сын.

3. Характерное для Ферганской долины устройство домов, состоящих из двух жилых комнат. Между ними помещался чукур айван, который с трех сторон был защищен стенами, а с четвертой строилась деревянная решетка (панжара). Эта планировка была характерна для старинного типа жилых построек и встречалась нам во время полевых исследований в Кашкадарьинской области, Яккабагском районе, в частности, в кишлаке Минжир и Уйгур.

Характерной чертой жилого дома Ферганской долины являются тонкие деревянные стены, состоящие в средней части из скользящих подвесных ставней (ровон). Такие ставни делались и в жилых помещениях, и в гостиных (мехмонхона), которые иногда размещались на втором этаже. Есть основания полагать, что эта конструкция по происхождению относится к восточно-туркестанской, на что указывает и ее название — «кашгарча».

В Самарканде изредка встречались дома с такими же устройствами, но там они назывались «давак». В большинстве случаев они были расположены на втором этаже в мехмонхоне, и при этом иногда делались по обе стороны комнаты. Это давало возможность широко использовать комнату со ставнями. Если хозяин приглашал гостей и близких семьи, он открывал или поднимал ставни со стороны двора, а если же просто знакомых — то закрывал со стороны двора, а открывал со стороны улицы⁵⁸.

4. Другой подтип вышеописанного варианта — двухкомнатный дом, имеющий, посередине террасу (панжара), был характерен в прошлом для Ферганской долины (Избасканского, Мархаматского, Пахтабадского, Ходжабадского и других районов Андижанской области, Наринского, Учкурганского, Туракурганского и других районов Наманганской области). В этих домах над средней террасой (чукур айван) строился второй этаж (болахона), который с трех сторон был защищен стеной, а с передней части либо оставлялся открытым, либо делалась панжара. В этом помещении летом жили и отдыхали взрослые сыновья, а зимой там хранили продукты и хозяйственный инвентарь.

5. Еще один вариант двухкомнатных жилых помещений представлял собой строение, перед которым был расположен длинный пеш-айван, характерный для Ферганской долины, Ташкентского оазиса, Самаркандской области, Шахрисабза и Хорезма. В этом

варианте крыша айвана считалась продолжением крыши дома и поддерживалась несколькими колоннами. С открытой стороны боковые стены тоже были продолжением стен дома. Столбов насчитывалось от одного до шести и более, в зависимости от размера пеш-айвана. Айваном пользовались в теплое время года.

Трехкомнатные и более крупные постройки. Подобного типа дома строились описанным образом, в один ряд или по периметру двора. Они обычно располагались под одной крышей: одна просторная комната (катта уй), передняя (дахлиз), рядом одна-две и более больших комнат, иногда с передним помещением, перед которыми по всей длине располагался пеш- или узун айван.

В Наманганской и Кашкадарьинской областях в таких домах айваны не строили. Подобные планировки жилых помещений были распространены в период господства больших неразделенных семей и приспособлялись к размещению нескольких входящих в нее маленьких семей.

Двухэтажные постройки. Особо выделяется двухэтажный тип жилого помещения, характерный для городов, крупных кишлаков, горных и предгорных населенных пунктов Узбекистана. Он представлял собой двух- или трехэтажный дом каркасной конструкции с плоской или двухскатной кровлей. Кровля первого этажа обычно плоская, во вторых этажах редко, но встречались двухскатные крыши. Второй этаж (болахона), как правило, состоял из одной или двух комнат и айвана. Болахона использовалась и как мехмонхана.

Селения и жилища в горных кишлаках расположены на склонах гор один над другим, как бы уступами. Почти все дома двухэтажные, при этом и нижний этаж, задняя часть которого иногда была врезана в склоны гор, отводился под различные хозяйственные помещения, которые часто независимо от назначения, называли «огил» (хлев). Второй этаж занимал лишь часть плоской крыши первого этажа.

Разновидности болахоны объясняются теснотой дворов: жители были вынуждены строить больше комнат и подсобных помещений. Жилые дома снаружи имели вид каркасной конструкции в один-два этажа, оштукатуренной глиносаманным раствором. В Хиве, Самарканде, Коканде и ряде других мест, в результате постройки айванов на втором этаже, внешний вид дома приобретал более живописный облик. В Бухаре на втором этаже строилась обычно одна комната, иногда две с айваном, являвшимся жилым помещением.

Планировка жилых комнат нижнего этажа традиционна: две комнаты с прихожей между ними, на втором этаже веранда. Иногда здесь делали и небольшую комнату. Все эти дома обычно имели каркасные конструкции, двухрядный каркас с заполнением из гувала и плоские земляные крыши, выступающие над домом в

⁵⁸ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 98—99.

виде карниза. Такой вынос кровли по четырем сторонам постройки был характерным для Шахрисабза и Ташкента⁵⁹.

В горных районах Узбекистана, где зима нередко была долгой и суровой, при постройке жилища главное внимание уделялось его утеплению. В течение многих сотен лет вырабатывались традиции, которые переходили от поколения к поколению. При постройке место выбиралось таким образом, чтобы дом стоял задней стороной к холодному зимнему ветру.

В местах с особенно холодными климатическими условиями — горных и предгорных районах — перед основным жилым помещением строилась передняя, препятствующая непосредственному вторжению холодного воздуха. Часто подсобное помещение (для скота, фуража и т. д.) строилось рядом с жильем вдоль его стен для утепления, а иногда эти помещения соединялись с жильем небольшой дверью, позволяющей зимой ухаживать за скотом, не выходя на холод. Такие дома были типичными для горных и предгорных районов.

В Хорезме по традиции летние помещения строили выше, чем зимние, делали их более просторными и светлыми. Для сохранения тепла пол жилого помещения углублялся. Здесь климатические и бытовые условия влияли на выработку совершенно определенных форм жилища, сохранению которых затем способствовала и многовековая традиция⁶⁰.

В равнинных районах Сурхандарьинской, Кашкадарьинской, а также Бухарской областей главное внимание уделялось сохранению в доме прохлады, так как в этих местах жаркое время было длительным. Жара усугублялась еще отсутствием зелени на улицах городов Хивы, Бухары⁶¹ и многих кишлаков, однако в городах и кишлаках восточной части Узбекистана — Самарканде, Ташкенте, а также в Ферганской долине было много древесных насаждений. Зеленые насаждения всегда имели большое значение в организации узбекского жилища. Даже при малых размерах участка они были неотъемлемой частью каждой усадьбы, являясь естественным фильтром⁶².

В Ташкенте и Ташкентском оазисе наиболее распространенными были жилища, состоявшие из комнаты с расположенным рядом айваном, либо из двух комнат и айвана между ними. Летние дачные жилища состояли обычно из одной-двух комнат и айванов, рядом с которыми находились небольшие помещения (худжра) для хранения домашнего имущества.

В Бухаре двух- и трехкомнатные постройки были обычным явлением. Скученность застройки отражалась также на структуре и характере помещений. В Бухаре более тщательно отделяли жи-

лую комнату внутреннего двора, покрывая орнаментом ее стены, а потолки большей частью, даже в богатых домах, оставляли неукрашенными⁶³.

В Хорезме жилая комната имела небольшую высоту. Перед ней находился очень высокий, до семи метров высотой айван, ориентированный строго на север и в большинстве случаев значительно возвышающийся над хозяйственными постройками и стенами, окружающими двор. Последнее обстоятельство наглядно показывало ориентацию хивинского и хорезмского жилищ.

В отличие от других строений хивинское жилище-усадьба имело самостоятельные выходы для каждого двора. Каждый двор имел два айвана, оси которых были параллельны и ориентированы с севера на юг. В обоих дворах главным помещением являлась жилая комната с проемами, ориентированными на юг, и низким айваном перед ней. Основным местом дневного пребывания в летний период являлись глубокие айваны с приподнятыми козырьками. Жилища Хорезма не получали солнечного освещения, ориентация жилых комнат зависела лишь от конфигурации участка. Жилые комнаты, обращенные проемами во двор, постоянно находились в тени.

Интерьеры жилых комнат не имели декоративной обработки. Это объясняется тем, что комнаты в хорезмских жилищах отапливались кострами, горящими на особых кирпичных площадках, отчего стены покрывались копотью.

При характеристике жилища бассейна Кашкадарьи мы опираемся на материалы В. Л. Ворониной. Она выделяет здесь две школы: шахрисабзскую и каршинскую. В раздвоении архитектурного типа сказалось историческое разграничение территории, и, в какой-то мере, различие природно-климатических условий между расположенными вблизи гор Шахрисабзом и равнинным Карши.

Несмотря на то, что в архитектуре жилых домов городов бассейна Кашкадарьи встречаются элементы, свойственные другим областям Узбекистана, они существуют здесь в сочетаниях, присущих только этому району⁶⁴.

Жилые помещения Шахрисабза делались исключительно каркасной конструкции, стены — с заполнителем из сырцового кирпича, очень редко — из скатанных вручную гувала. Дом делился на две половины: ташкари и ичкари. В ташкари размещались мехмонхона и комплекс хозяйственных построек. В ичкари была жилая ячейка, объединяющая жилую комнату и айван. Айван был квадратным, с одной колонной на фасаде.

Для Китаба тоже было характерно жилище-комната с одноколонным квадратным айваном с карнизами и навесом из виноградных лоз во дворе. В Яккабаге было распространено жилище, состоящее из одной-двух комнат с одноколонным квадратным айва-

⁶³ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, с. 279—282.

⁶⁴ Воронина В. Л. Материалы по архитектуре Кашкадарьинской области, с. 301.

⁵⁹ Воронина В. Л. Узбекское народное жилище, с. 71.

⁶⁰ Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 18.

⁶¹ Воронина В. Л. Материалы по народной архитектуре Кашкадарьинской области Узбекской ССР, с. 334.

⁶² Писарчик А. К. Народная архитектура Самарканда, с. 18.

ном. Размер комнат был несколько меньше, чем в Шахрисабзе. В окрестностях господствовал предельно скромный в отделке тип дома с колоннами без капители и базы⁶⁵. В Карши ориентация жилых комплексов наблюдается в северном, иногда — северо-восточном направлении. Жилой дом в Карши композиционно представляет собой совершенно иной тип, чем в Шахрисабзе.

По словам каршинских мастеров, при жилой комнате не было принято делать айван. Действительно, айваны здесь встречаются редко, и иного типа, чем в Шахрисабзе: однокомнатные, расположенные под углом к жилой постройке. Жилая комната сочеталась с передней⁶⁶. В поисках типичных архитектурных форм каршинского дома следует обратиться главным образом к постройке ташкари. Здесь возможны два типа айвана: одноколонный и многоколонный. Одноколонный айван отличался от подобного в Шахрисабзе. Во-первых, он ставился в поперечном направлении к дому; во-вторых, его ширина значительно больше глубины, концы консолей и подбалки далеко расходятся. Наилучший эффект получается, когда айван достигает высоты перекрытия комнаты, но нередко он бывает довольно низким. Многоколонный айван делался двояко — перед фасадом и поперечно к нему. Первый вид был более распространен⁶⁷.

В Гузаре проходила линия раздела, где соприкасались архитектурные традиции Карши и Шахрисабза. Существовали на равных правах дома с одноколонным айваном в одну линию с комнатой и дома с айваном поперечно к фасаду. Встречался и смешанный тип. Наряду с этим были и дома вовсе без айвана⁶⁸.

Для приготовления пищи и чая строилась печь-камин, отопительным средством также служил сандал. В обследованных районах Ферганской долины и Ташкентской области был распространен камин с широкой, несколько суживающейся кверху трубой (муриучок), которая никогда не закрывалась.

Характерные в прошлом для узбекских домов двери (эшик) подразделялись на одностворчатые и двустворчатые, высокие, простые и узорчатые, с резьбой. Крепились они на шипах. Одностворчатая дверь называлась «бир тавакали эшик» или «якка канот эшик», двустворчатая — «куш тавакали эшик» или «куш канотли эшик». К дверям прикрепляли металлические кольца (халка) и цепи (занжир). Особо выделялись двери и ворота в жилищах зажиточных людей, среди них были филенчатые и двустворчатые (богдоди эшик). Старый Ташкент был очень крупным центром производства резных дверей, которые продавались не только на рынках Ташкента, но и далеко за пределами города⁶⁹.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, с. 323—326.

⁶⁸ Там же, с. 333.

⁶⁹ Соколов Ю. А. Художественная резьба на дверях жилых построек г. Ташкента. — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия. Т. 47. М., 1959, с. 353.

У входа в помещение каждого дома устраивали прямоугольное углубление (пойгак). В Ташкентском оазисе они назывались «кавшандоз» и предназначались для обуви. В углу жилого дома помещался водослив (авраз, обрез, адан, ташнав). В Бухаре и Самарканде его покрывали мраморной плитой, в Хиве делали специальные керамические покрывки⁷⁰. В Ферганской долине и Ташкентском оазисе водослив закрывали квадратным кирпичом, оштукатуренным ганчем.

В традиционных узбекских жилищах обычно были земляные полы, которые покрывались плетеными из камыша циновками (буйра), а сверху кошмой (намат, кигиз), паласами (шолча), в более богатых домах — коврами (гилом). Жители сидели на полу, на посланных вдоль стен узких тюфячках (курпача или якандоз).

Различные предметы домашнего обихода размещались в многочисленных нишах (токча). Характерной чертой старой архитектуры традиционных жилых домов, были многочисленные стенные ниши, которые являлись своеобразным компонентом убранства комнат. В них расставлялись различные украшения. Обычно в каркасных домах в торцовой, удаленной от входа части комнаты, устраивались одна или две большие ниши (тахмон), начинающиеся на уровне пола, в которых ставили сундуки, шкафы (жовон), укладывали сложенную на день постель, завернутую в тюки (джук), и т. д. Из мебели в комнате можно было встретить низенькие столики (хонтахта), такие же резные и расписные шкафчики для продуктов и утвари (жовон) и сундуки местного производства разных форм, размеров и расцветок.

По стенам комнаты на кольешках и протянутых веревках, жердях развешивалась одежда, украшения и домашняя утварь. Большую роль в убранстве интерьера играла вышивка. Вышитый фриз шел вдоль потолка по периметру комнаты, сюзаны покрывали стопки одеял, занавешивали ниши. Зеркало в ряде районов помещалось в вышитых мешочках (ойна холта).

Наиболее почетным считалось наиболее удаленное от входа место. Здесь сажали гостей, а в обычное время сидел глава семьи. Широко распространено было глинобитное возвышение (супа) высотой примерно 15—20 см, которое обычно занимало почти всю комнату: непомятым оставалось лишь пространство у входа. В некоторых домах устраивали деревянные возвышения, которые настилались на уровне 40—60 см от пола. Супа застилалась коврами, здесь же складывали постельные принадлежности, принимали гостей. Устройство глиняных возвышений на полу было распространено по всей Средней Азии, и особенно — у узбеков и уйгуров. Они традиционны и для бухарских жилищ.

Особенностью узбекского кишлака является наличие во дворе разнообразных беседок (шипанг), возвышений (супа), деревянных помостов (тахта) и т. д. Здесь семья проводила большую часть

⁷⁰ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, с. 281.

своего времени не только весной, летом и осенью, но и в хорошую погоду зимой.

Наиболее распространены беседки были в Ферганской долине. Здесь они назывались «сури» и имели несколько видов. Самым распространенным видом считался шипанг небольшого размера (чарпоя, катта сури, либо просто сури). Закрытый вид сури был примерно на 40—50 см выше уровня земли, загорожен с четырех сторон и имел двухскатную крышу, покрытую камышом или кровельным железом, а иногда просто смазанную глино-саманным раствором. Фасад был открыт, здесь члены семьи отдыхали, принимали гостей.

В других типах сури имелась лишь крыша, с боков все оставалось открытым. Большие сури стояли в одном определенном месте, их очень редко перетаскивали. Сури-чорпоя были очень удобны для отдыха и приема гостей, легко переносились с одного места на другое. Однако самым популярным и удобным считалась большая деревянная, закрытого типа четырехножная кровать (баланд сури), которая устанавливалась возле айвана, под фруктовым деревом или виноградником. Она имела 3,5—4 метра высоты и деревянный пол. Попастъ в нее можно было через специальную дверь по лестнице. В такого типа беседках хранили сундуки и наиболее ценные вещи, они были удобны во время дождей и землетрясений. В Ферганской долине чуть ли не в каждом дворе имелись такие беседки.

Хозяйственные постройки узбеков были различных вариантов: закрытого типа (отдельная комната с входной дверью и окнами), а также имевшие одну дверь на крышу (тайнук), откуда ссыпали зерно. Внутри постройки были разделены на несколько частей оштукатуренными глиносаманным раствором стенами. В каждой части помещения отдельно хранили зерно. Такие зернохранилища назывались «омборхона».

В бедняцких домах, где не имелось отдельных складов, для этой цели использовалось жилое помещение, в углах которого делали глинобитные заграждения. Муку, рис, маш и другие очищенные продукты ссыпали в большие кувшины (хум). Для запасных продуктов (шоли) применялись плетеные из камыша берданы. В отдельных омборхона на крючках, вбитых в потолок, развешивали фрукты и овощи. Возле дома часто вырывали специальные ямы (донура), в которых хранили зерно, овощи.

В каждом хозяйстве особо выделялось место для хранения сена, соломы и топлива (утинхона или саманхона, пичанхона). В местах, где не имелось специальных саманхона и утинхона, сено и хворост складывали на крыше дома. Рядом с утинхоной размещался небольшой курятник (товукхона). В хозяйствах большое место занимали коровники (молхона, огил хона) и конюшни (отхона). В Бухарском оазисе они назывались «сейсхона», а в Самаркандской области — «зинхона». Зимние помещения (огил, отхона, молхона, сейсхона, зинхона) состояли из одной комнаты с

одной дверью и окошком в верхней части стены и обязательным отверстием в задней стене для выбрасывания отходов и освещения помещения.

В каждой семье имелась специальная печь для выпечки лепешек (тандыр). Рядом из камней и сырцового кирпича со смесью глины делали очаг для приготовления пищи. Тандыр делали из необожженной глины. В Ташкенте и Ферганской долине в глину добавляли шерсть домашних животных. В оазисе Кашкадарьи в тандырную глину примешивали мелкую пшеничную солому, в Бухарском оазисе тандыр делали из специальной глины (сакыз или гилвот). Тандыр строили на широком глиняном постаменте высотой до полутора метров у одной из стен двора или кухни. В верхней части тандыра делали небольшой дымоход. Такой тип тандыра встречался в Андижане, Ташкенте и Кашкадарьинском оазисе.

Так называемый «ер тандыр» устраивали в земле. Он широко бытовал у узбеков в степной зоне, на летних кочевых станах. Ер тандыр имелся почти во всех узбекских жилищах селений Сайрама, Карамурта и других. Они устанавливались на айванах, супе и в жилых помещениях. В зимние холода тандыр, дымоход которого проходил под земляным полом, нагревал помещение, в нем пекли лепешки, варили пищу, кипятили чай. В летний период земляной тандыр устанавливали под навесом, где был расположен очаг для котлов.

В Самаркандской, Кашкадарьинской и других областях в прошлом кухня (ошхона) строилась отдельно от жилого комплекса. Помещения, в которых помещался тандыр и очаг, были высокие, в них делали несколько дымоходов. В долине Зарафшана тандыр и ошхона строились в разных помещениях (тандирхона). В народе существовали определенные правила по содержанию ошхона и тандирхона. Считалось, что у кого нет порядка на кухне или в тандирхоне, от того уходило благополучие (барака — кут кетади).

Помимо глинобитного жилища в конце XIX — начале XX в. бытовали еще и другие типы постоянного жилища, как, например, землянка (ертула) и тепа (капа), обмазанная глиной, встречавшиеся в дореволюционные годы почти по всей территории Узбекистана. В ертуле жили в основном бедные семьи. Капа, обмазанная глиной, была двух видов: овальной тунелеобразной формы (эгма или ийма капа) и круглой со сферическим куполом. Капа первого вида была широко распространена в Ферганской долине, а второго — в бассейне р. Чирчика и Ангрена Ташкентского оазиса и на территории нынешней Сырдарьинской области. В описываемых видах капы жили в основном оседлые узбеки, занимавшиеся земледелием. В некоторых районах Сырдарьинской области, а также в бассейне р. Ангрена в капа жили и те группы узбеков (курама, юз, минг), которые пришли к оседлости сравнительно недавно (в конце XIX — начале XX в.).

Узбекское народное жилище, являясь одним из основных элементов материальной культуры, формировалось постепенно, на

разных этапах истории самого народа. Оно включало в себя издревле существовавшие глинобитные постоянные жилища (уй, том, ховли, уй-дой) и некоторые временные, типа ертулы, капы, шалаша. Многообразие традиционного жилища узбеков и сравнительный анализ материалов о нем показывают, что господствующим типом являлось постоянное жилище разных планировок и конструкций, которое было распространено по всей республике. Обитатели временных жилищ постепенно переходили жить в постоянные глинобитные, хорошо построенные, удобные жилища.

Таким образом, произошли большие перемены в планировке и постройке жилища, его внутреннем убранстве, украшении, освещении и отоплении, внешнем облике, а также в устройстве хозяйственных помещений, дворов, озеленении, водообеспечении и т. д.

Переносное жилище

В дореволюционном прошлом некоторая часть полукочевых и полуоседлых узбеков селилась в юртах. В конце XIX в., с интенсивным переходом их к оседлости, юрта постепенно вытеснялась глинобитными домами. У отдельных групп узбеков (карлук, кипчак, кунграт, найман, сарай, каучин, мангит и др.) юрта в качестве основного жилища бытовала вплоть до коллективизации. Нередко этот тип жилища встречается и в настоящее время у групп узбеков, работающих на животноводческих фермах, уходящих летом пасти скот на пастбища. В летний период юрты можно увидеть в горах Кураминского хребта, вблизи от магистральной дороги Ташкент — Қоканд, а также на пастбищных зонах Қаршинской степи. Они используются теперь лишь как летние жилища в овцеводческих колхозах и совхозах и не имеют былого значения.

Войлочная юрта у узбеков называлась «уй»; старая, уже обжитая юрта — кора-уй (буквально — «черная, закопченная юрта»), а новая, свадебная юрта — «отав», «утав» или «ак-уй» (белая юрта). У многих полуоседлых и полукочевых узбеков отав приобреталась при женитьбе сына. Установка свадебных юрт (утав тиклаш) являлась большим семейным праздником⁷¹.

Деревянные части юрты заказывали мастерам, которые имелись в прошлом почти среди всех полукочевых групп узбеков, или покупали на рынке. Однако покров, крепления и все предметы внутреннего и внешнего декора изготовлялись в семье искусными руками женщин. Юрту убирали орнаментированными украшениями из шерстяной или хлопчатобумажной ткани, завешивали специально сотканными коврами, кромки которых украшали бахромой. Все стенные украшения для юрты были темно-красного или бордового цвета в сочетании с белыми полосками или орнаментом. Исходя из особенностей цветовой гаммы, процесс убранства новой юрты

⁷¹ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи. — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», вып. I. М., 1952, с. 359.

отдельные группы узбеков (кипчаки, сарай и др.) называли «уйни кизил килиш» (буквально — «сделать юрту красной»).

Покров юрты для новобрачных по традиции кроился из белого войлока. Однако в бедных семьях вместо этого поверх войлочного покрова нашивалась белая хлопчатобумажная ткань ручного или фабричного производства. Юрта узбеков⁷² отличалась от юрт сосед-

Юрта „уй“: в центре — палатка „чодир“ и печь „танлыр“ для выпечки лепешек. Село Чадаксай (Ферганская долина)

них народов — туркмен, киргизов, казахов, каракалпаков лишь незначительными отдельными деталями орнамента, внутреннего и внешнего убранства.

Узбекская юрта, как и у других народов Средней Азии, состояла из деревянной части (уйнинг суяги), кусков войлока, определенного покрова, для покрытия остова и средств крепления — тесьмы различной ширины и назначения, веревок, шнурков и т. д. Остов юрты состоял из складных решеток (керега), образующих стены юрты. Керегу устанавливали, соединяя несколько отдельных реше-

⁷² Юрта в прошлом полуоседлых узбеков описана в литературе. См.: Задыхина К. Д. Узбеки дельты Амударьи, с. 355—359; Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954, с. 133; Она же. Жилища узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана. — «Известия АН ТаджССР», сер. обществ. наук, вып. 10—11, 1956, с. 13—23; Шаниязов К. Узбеки-карлуки, с. 95—100; Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, с. 102.

ток. Решетка делалась из узких деревянных планок, скрепленных крест на крест с помощью сыромятных ремней (кук или уйнинг куки), каната (крылой). Высота установленной решетки достигала 1,2—1,3 м. Отдельные части кереги (канат) при установке юрты прикреплялись друг к другу при помощи узкой (около 2 см), орнаментированной шерстяной тесьмы (тангич). Верхнюю кромку кереги снаружи обтягивали узорным поясом шириной около 20 см (бош торткич, бош-кур, бош-белпи), длина которого у узбеков-карлуков равнялась окружности юрты⁷³.

Снаружи стенки юрты (керега) покрывались камышовыми циновками (чий или чиг), которые обтягивались шерстяной узорчатой лентой-поясом (бог, айил) шириной 8—10 см. Оба конца ленты прикреплялись к боковым стенкам дверного косяка.

Каркас перекрытия юрты состоял из гнутых жердей (уг, увуг). Количество их, как и решеток, зависело от величины юрты. Юрта небольшого размера (диаметром в 4,2 м) состояла из 4 решеток, а большая — из 6—8. В соответствии с этим в юртах бывает от 41 до 92 уг, а в юрте среднего размера — до 76. Длина их достигает 2—2,5 м, диаметр — 2,5—3 см. Они связываются между собой шерстяной лентой (тизма или тизик) шириной 4—5 см. Нижняя вытянутая и плоско обтесанная часть уга устанавливалась на развилке (чинок) верхней части кереги и крепко привязывалась узорчатой, полосатой или однотонной лентой 2—3 см шириной (уг-бог, увуг-бов). По изгибу жердей протягивалась широкая (около 30 см), богато орнаментированная шерстяная дорожка (богиш), несколько выше ее проходила длинная узорчатая лента шириной 3—4 см, которая оплетала каждый уг. Крепко обтягивая жерди, она придавала куполу юрты необходимую устойчивость. Верхние концы уга вставлялись в отверстия деревянного обода (чангарак), который представлял собой деревянный круг диаметром около 2,5 м.

Чангарок состоял из двух кругов (каскак), соединенных деревянной связкой или скрепленных шерстяными шнурками. Сверху чангарок имел две перекрещивающиеся дуги: выгнутые вверх, они образовывали сферическую основу юрты. Каждая дуга состояла из 4—5 жердей или нескольких связанных таловых прутьев. По окружности обода имелось множество отверстий, куда вставлялись узкие ободочные концы жердей (уг). Входное отверстие юрты обрамлялось двумя боковыми косяками (ён егоч, ен чуп, ендари), верхней перекладиной (манглай, чуп, турди) и нижней (бусага). Во входном проеме устанавливалась двухстворчатая дверь (эрганак), прикреплявшаяся к боковым косякам при помощи веревочных петель. Дверной проем, кроме решетчатой двери, закрывался снаружи еще кошменным полотнищем (эшик), покрытым сверху орнаментированной ковровой дорожкой.

В работе описывается юрта, имеющая одноэтажные решетки и известная среди узбеков (карлуков, кипчаков, сараев, локайцев и др.) под названием «ёр канот». В дореволюционном прошлом у богатых скотоводов бытовала юрта с двухэтажными решетками,

Убранство юрты. Село Чадаксай

которая строилась из 8 или 10—12 решеток (канот). Двухэтажная юрта называлась «кош канот» или «кош кереге»⁷⁴.

Снаружи юрта покрывалась семью кусками войлока различной величины. Два больших куска, вырезанных в форме широкого полулукольца (узук), накрывались на верхнюю часть юрты (орка

⁷⁴ Двухэтажная юрта «кош канот» бытовала у карлуков (см.: Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 26), локайцев и других групп узбеков южного Таджикистана (см.: Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, с. 133).

⁷³ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 25.

уст, орка узук), другие — спереди (олди уст, олди узук). К краям обоих кусков войлочной кровли были пришиты (по три с каждой стороны) длинные тесьмы (узук бог, кузанак, тортмок) шириной 4—5 см. Они прикреплялись к толстой веревке (белдав). Узук бог заднего куска войлока (орка узук) ткали из белых шерстяных ниток или хлопковой пряжи (ок бог). Они укрепляли войлочный покров юрты снаружи. Концы тесьмы образовывали спереди и по бокам юрты рисунок в виде креста. Нижняя кромка (орка узук) прикреплялась к верхним кромкам кошмы (тутум) при помощи неширокой (3—4 см) тесьмы. Во внутренней части юрты имелись такие же полоски тесьмы, только из темно-красных или бордовых шерстяных ниток (кизил бог, кизил узук бов). Концы ее пропускали внутрь жилища, натягивали под куполом юрты, против входа, и переплетали. Образовавшиеся при пересечении красных линий узоры прекрасно сочетались с предметами декоративного убранства и украшали внутреннюю часть юрты.

Для покрытия макушки юрты поверх чангарака употреблялась четырехугольная кошма (туйнюк), по углам которой прикреплялись длинные толстые веревки (туйнюк бог). С их помощью открывалось и закрывалось отверстие в верхней части юрты (туйнюк). Во время сильных ветров концы «туйнюк бог» крепко привязывались к кольям, вбитым рядом с юртой. Изнутри юрта также укреплялась при помощи специальных шерстяных веревок (элбог или элбов). Верхний конец элбог крепко привязывали в центре чангарака, другой, нижний, натягивали и привязывали к колу очага. Юрта по кругу покрывалась четырьмя кусками войлока (ён кигиз или турлук). Ен кигиз летом убирался, зимой юрту покрывали поверх чия. Нижняя часть юрты снаружи засыпалась землей для отвода воды, стекавшей с кошмы. Вся юрта дополнительно прикреплялась к земле веревками (оширма).

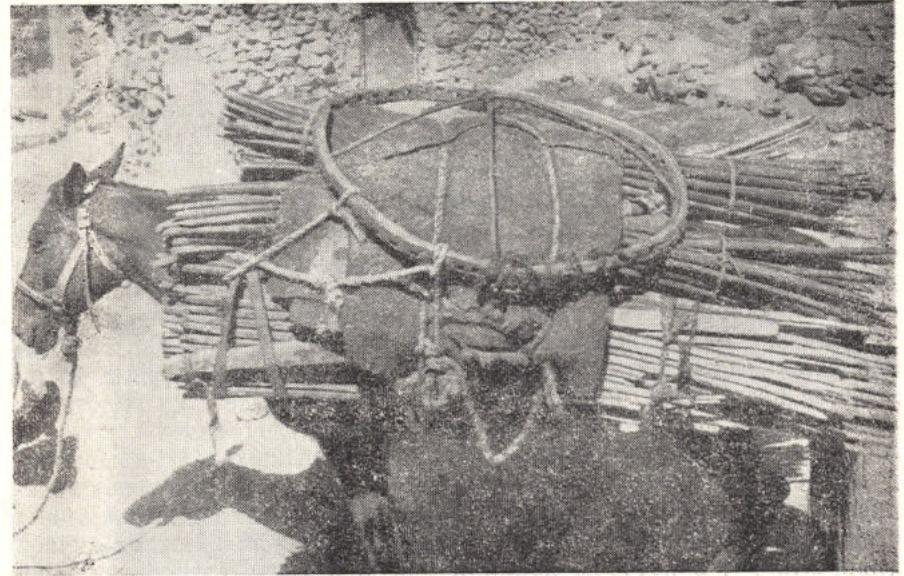
Многие узбекские племена (карлуки, найман, сарай, каучин и др.), а также каракалпаки ориентировали дверь юрты на юг, узбеки-кипчаки ставили юрту дверью на восток. Это, видимо, связано с древним поклонением кипчаков культуре солнца, сохранявшегося до начала нашего столетия⁷⁵.

Внутренняя площадь узбекской юрты делилась на четыре части: место непосредственно против входа (тур или тур жай); часть помещения, расположенная справа от двери (юк жай, жук жай); место, находившееся справа и слева при входе в юрту (эшик олди); место у очага (учок олди или учок боши).

В глубине юрты находилось почетное место (тур жай), куда обычно усаживали гостей, а при отсутствии их у самой стенки, на почетном месте (тур) сидел глава семьи. Летом юрту застилали паласом, а зимой кошмой. Зимой под кошму на земляную пол укладывали толстый слой сена или камыша, чаще камышовую

циновку (бордон, буйра). Поверх кошмы расстилали ковры, а бедные семьи ограничивались кошмой или паласом.

На верхней части задних стенок юрты, на развилках кереги вешали квадратные или прямоугольные сумки (халта, турва, илгич)⁷⁶. Мешки делали из шерстяных тканей, вышитых узором. Лицевая сторона сумок в богатых юртах делалась из кусков ворсо-

Перевозка сложенной юрты

вой ткани. Нередко сумки изготовлялись из разноцветных лоскутов хлопчатобумажной материи (курок).

На расстоянии 1—1,5 м, несколько левее от входа, устраивался очаг в виде ямы овальной формы, обведенной глинобитными бортиками с трех сторон. У некоторых групп узбеков (например, у кипчаков) очаг имел вид неглубокой ямы (8—10 см). В таких случаях при варке пищи над очагом ставили железный треножник (уч оёк). Площадь вокруг очага (учок боши) была местом, где хозяйка юрты готовила пищу, кипятила чай и т. д. Позади очага располагалась различная посуда (идиш) и котел (козон). На стене этой части юрты вешали несколько сумок (коп, халта, турва или осмок), мешки для деревянных ложек (кошик), половника (чумуч, сусок), шумовки (капкир) назывались «чумуч халта» или «чумуч коп». Рядом висел мешок для хранения хлеба (нон халта,

⁷⁵ См.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 37.

⁷⁶ Кармышева Б. Х. Локайские мапрамачи и илчици. Сообщения республиканского историко-краеведческого музея, вып. 2. История и этнография, 1955, с. 145—147; Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 99.

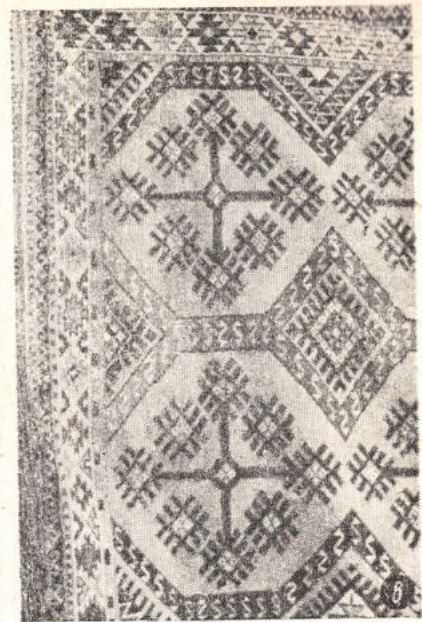

нонок, нон турва), а также небольшой шерстяной мешок для хранения соли (тузлик, тузхалта). Сумку делали из шерстяной полосатой либо однотонной коричневой ткани из верблюжьей шерсти. В летнее время здесь находился и мешок для хранения кислого молока (сузма халта, айран турва, чакка-халта, айрон коп, касьма, иркит)⁷⁷.

Слева от очага размещались различные сосуды для воды, масла, молока и т. д. Здесь же находились некоторые виды домашней утвари: такие как деревянная ступа для толчения зерна (кели), сосуд цилиндрической формы для сбивания масла (куви, гуппи), кожаный мешок для хранения масла, мяса (чаноч или саноч), кожаный сосуд, сделанный из шкур домашних животных, в котором хранились кислое молоко или вода. В юртах многих узбекских семей (у кипчаков, юзов, мингов и др.) для домашней утвари отводилось место внутри специальной перегородки из циновки (уроча), установленной слева от очага (между очагом и стеной юрты), на высоте 1—1,5 м от пола. Делалась она из плетеной камышовой циновки, украшалась разноцветными шерстяными шнурами.

«Юк жой» (или жук жай) находились справа от входа, примыкая непосредственно к туру. Сюда в определенном порядке складывали постельные принадлежности (ватные одеяла, подстилки из овечьих и козьих шкур, тюфяки, подушки). Предметы, которыми пользовались повседневно, покрывали вышитым покрывалом, а новые постельные принадлежности складывали отдельно, заворачивая их в ковровую ткань, специально предназначенную для этой цели (бугжомо). Рядом с бугжомой ставили большой мешок (напрамач)⁷⁸, в котором хранили новую одежду, шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, украшения и т. д. У многих групп узбеков Кашкадарья и бассейна Зарафшана (карлуков, каучинов, мангытов, сарайев, найманов и др.) напрамач делался из высоковорсовых ковров (джулхирс — буквально: «медвежья шкура»). В бедных семьях заднюю часть мешка делали из шерстяной ткани (шал), а спереди пришивали кусок ворсового ковра.

Справа от входа ставили мешки с зерном, запасные сосуды для воды, различные веревки для хозяйственных нужд, ведра, серпы и т. п. За дверью складывали сбрую, слева от входа обычно уста-

Фрагмент безворсового ковра:

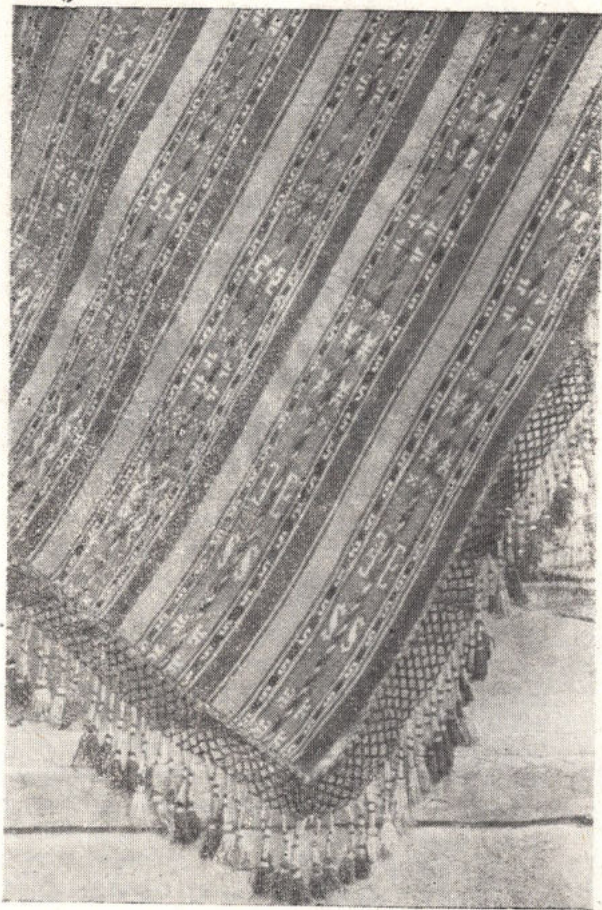
а — «шал-гилам», б — «комка-гилам»,
в — «араби». Ферганская долина

⁷⁷ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 201.

⁷⁸ Под этим названием он был известен у ряда групп узбеков, например, кангли, каучинов, кипчаков и др., а у кунгратов, локайцев и дурмен — под названием «напрамач» (см.: Кармышева Б. Х. Локайские напрамачи и ильгичи, с. 145—147; Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, с. 96—97), а у группы узбеков среднего Зарафшана — «напрач» (см.: Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 116). Узбеки-карлуки такой мешок называли «карчин». У узбеков бытовало два вида напрамача. Один из них — плоская сумка в форме сундука; аналогичный мешок под названием «мафраш» бытовал у азербайджанцев (см.: Каракашлы К. Т. Материальная культура у азербайджанцев северо-восточной и центральной зон малого Кавказа. Баку, 1964, с. 174), армян Иждевана («мапраш»). (См.: «Советская этнография», 1959, № 4, с. 121—122). Другой — высокий и широкий, средний размер такого мешка 110×90×95 см.

навливалась ручная мельница (ергичок, култегирмон). Юрта освещалась огнем из очага, а также масляным светильником с ватным фитилем (кора чирок), сделанным из обожженной глины или чугуна. У узбеков бассейна Зарафшана и Кашкадарьи жилище освещалось

Угол коврового тюка „бужога“. Село Джаркуртан

шалось своеобразным фонарем-светильником (чулок хотин — буквально: «хромая женщина»), у карлуков низовья Кашкадарьи — «хумай». Он представлял собой круглодонный глиняный сосуд с отверстиями по бокам и сверху, в нем сжигали сухой верблюжий помет.

У узбеков-кипчаков Булунгурского района Самаркандской области еще в начале нашего столетия, наряду с обычной войлочной юртой, бытовал старинный тип переносного жилища

(кутарма)⁷⁹. Его перевозили в неразобранном виде на повозке. Кутарма относится к типу войлочных юрт. Но в отличие от последней это было неразборное жилище меньшего размера. Остов (керега) кутармы состоял из трех звеньев (канатов), а жерди (уг) использовали лишь в количестве 19 или 21 и были несколько короче, чем обыкновенные уги. Для кутармы делали специальный легкий чангарок. Кутарма, как и юрта, покрывалась несколькими кусками одноцветного войлока, а затем обтягивалась шерстяными веревками и лентами. Ее устанавливали на четырехколесной арбе, которая делалась по специальному заказу. Арба имела несколько удлиненную форму, кузов ее соответствовал нижней части кутармы. Дверь кутармы была обращена в сторону хода упряжки, в которую запрягали пару лошадей. Кутарма, устанавливаемая на арбе, не имела очага, поэтому в холодную погоду в ней ставили чугунную жаровню на ножках (мангал).

Наряду с юртой и кутармой у узбеков бытовали жилища типа шалаша (капа чийла, лочик). Шалаш ставили как оседлые, так и полукочевые и полуседлые группы узбеков. Поскольку о шалаше-капе оседлого населения говорилось выше, коротко опишем шалаш переносного типа.

Шалаш-капа являлся одной из древних и наиболее распространенных форм жилища народов Средней Азии. Он бытовал вплоть до 30-х годов нашего столетия у карлуков, юзов, дурменов, найманов и др. Узбекская капа имела много общего с таким же типом жилища у других среднеазиатских народов, тем не менее у каждого народа имелись свои, специфические особенности во внешнем виде жилищ, формах перекрытия и т. д.

По конструкции стен и форме купола можно выделить четыре вида узбекского переносного жилища-капы: круглое в плане, с полусферическим куполом; с острым коническим верхом; с двухскатным перекрытием; вытянутое, тунелеобразное с овальным верхом.

Полусферический шалаш (капа) являлся основным жилищем группы карлуков Шурчинского района Сурхандарьинской области, а также карлуков южных районов Таджикистана⁸⁰. В такой же капе жили группы узбеков племен юз, баташ, часть оседлого населения Шурчинского района, а также узбеки-дурмены Бабатага⁸¹. Круглая, конусообразная капа, но не с острой, а закругленной макушкой (чум-кепе) имела у узбеков-локайцев южного Таджикистана⁸².

Основным материалом для капы служили жерди (хода), камышовые циновки (буйра, бардон), тростник (чий), войлок, а также

⁷⁹ Подробно о кутарме см.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 88—89, 234—235.

⁸⁰ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, с. 135.

⁸¹ Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с. 103.

⁸² Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана, с. 135.

канаты и веревки различной величины. Жерди заготавливались из местных материалов: тутовых или ивовых прутьев, карагача, стволов молодого древовидного можжевельника. Длина жердей 2,5—3 м, диаметр — 4—5 см. Для одной капы было необходимо до 30—40 и более жердей. Предварительно жерди замачивали, чтобы они стали упругими и при сгибании не ломались. Жерди закапывали в землю по кругу нижней утолщенной частью; верхнюю, более тонкую, сгибали друг к другу выпуклой стороной кверху и связывали веревками. Таким способом строилась капа с выпуклой стеной и круглым куполом. Сравнительно тонкими прутьями (куршов) опоясывали жерди в двух, трех местах, а куршов связывали с жердями при помощи веревок или шерстяными лентами (кур). Жерди, опоясанные куршов, составляли основу капы.

Узбеки-кипчаки бассейна Зарафшана строили капу с острым коническим верхом. Размер ее был сравнительно небольшой: диаметр нижней части составлял 3—3,5 м. Для строительства требовалось 8—10 и более жердей длиной до 3—3,5 м, которые втыкались наклонно по кругу в землю, верхние тонкие концы связывали в пучок. Таким образом верхняя часть связанных жердей приобретала конусообразный вид, а нижняя часть становилась немного шире. Жерди опоясывали куршовом.

Капу (как круглую со сводчатым перекрытием, так и с острым коническим верхом) покрывали толстым слоем соломы, камыша и камышовыми циновками. Летом нижнюю часть капы, как и юрты, устилали тонким слоем камышового тростника (чием). На зиму настоятельные семьи покрывали капу войлоком. Бедные семьи Ташкентского оазиса и бассейна р. Зарафшана поверх камыша или соломы обмазывали капу саманной глиной.

Вход в капу устраивался между двумя вертикальными жердями, игравшими роль боковых косяков, отстоящими один от другого на расстоянии 50—60 см. Устанавливалась одностворчатая решетчатая дверь (эшик). У ряда групп узбеков (кипчаков, сараев и др.) дверной проем капы закрывался при помощи плетеной камышовой занавески (эшик). Зимой дверной проем закрывали войлочной занавеской.

Внутри капа украшалась коврами, застилалась камышовыми циновками и кошмами; вдоль стен, как и в юрте устанавливались напрамач, бугжома и другие предметы быта. Однако в отличие от юрты, во многих шалашах круглой формы, а также с острым коническим верхом, не было очага для варки, следовательно, отсутствовало и дымовое отверстие (туйнук). В центре капы имелось небольшое углубление круглой формы, которое играло роль жаровни, в нем зимой держали горячий древесный уголь. У узбеков, расселившихся в конце XIX — начале XX в. в поймах Сырдарьи (в нынешних пределах Ташкентской и Сырдарьинской областей), бытовала полусферическая капа, имеющая круглый обод наверху и дымовое отверстие, внутри ее строили очаг. В отличие от преды-

дущего типа верхняя часть этой капы поверх камыша и циновки обмазывалась саманной глиной.

В Ферганской долине, в некоторых районах долины Зарафшана и в южных районах Узбекистана строили прямоугольную капу с двухскатными перекрытиями простой конструкции. Для этого на развилках двух стоек, закопанных в землю на расстоянии 5—6 м, ставили прогон и крепко закрепляли его при помощи веревок или лент из свежей ивовой кожуры. Поверх прогона клали заранее приготовленные жерди, причем нижнюю утолщенную часть жердей втыкали наклонно в землю, а верхние, тонкие концы связывали поверх прогона. Задние и передние стенки закрепляли стойками, оставляя при этом дверной проем. Верх покрывали камышами, циновками или соломой. В Ферганской долине для этого использовали стебли риса, которые обмазывали глиной.

Овальная тунелеобразная капа (эгма капа или ийма чайла) была распространена во многих районах Ферганской долины, у групп узбеков долины р. Ангрэн и бассейна среднего Зарафшана. Такая же капа бытовала и у узбеков-дурмен Бабатага, но у них она называлась лочигом⁸³.

Для строительства описываемой тунелеобразной капы втыкали в землю два ряда по 8—10 жердей. Расстояние между двумя рядами равнялось ширине строившегося шалаша (около 2,5 м), а длина шалаша достигала 6—7 м. Жерди-стойки одного ряда соединялись с жердями-стойками другого ряда при помощи более тонких упругих жердей, которые сгибали (выпуклой стороной кверху), образовав полукруглую дугу. Место соединения дугообразных прутьев с жердями-стойками прочно связывалось при помощи канатов (шнуров). Стенки жердей с двух сторон закреплялись тонкими прутьями (курашов или бельдамча). Когда для строительства эгма-капы использовались решетки (жергега) юрты, концы гнутых прутьев подвязывали к верхним развилкам жергеги (жергега коши). Передние и задние стенки капы укреплялись при помощи дополнительных жердей-стоек (по 2—3 на каждой стенке), находящихся на верхнем конце развилки и служивших для поддержки стенок шалаша. Для покрытия использовали солому, стебли риса, камыш, тростник, ветви деревьев, старые кошмы юрты.

Другим видом переносного жилища типа шалаша является лочик. Он бытовал в прошлом у некоторых узбекских племен (карлуков, кунгратов, дурмен, юзов, сараев, найманов и др.) Сурхандарьинской области и в отдельных районах Кашкадарьинской и Самаркандской областей. Лочик являлся основным жилищем племени карлук южного Таджикистана⁸⁴.

По своей конструкции лочик отличался от юрты и капы тем, что покрывался исключительно войлоком, и лишь в некоторых слу-

⁸³ Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, с. 101—102.

⁸⁴ Кармышева Б. Х. Жилища узбекского племени карлук, с. 14.

чаях — кошмой. Отдельные формы капы смазывались глиной. Лочик в прошлом был, видимо, жилищем кочевых и полукочевых скотоводов, а капа (особенно та, которая смазывалась глиной) — преимущественно жилищем полуоседлых и оседлых народов. Если капу хотели перенести в другое место, то брали лишь деревянные жерди, а для покрытия использовали местные растения. Кроме того, кошмовый покров лочика закреплялся почти теми же тесьмами, лентами, шнурками, что и юрта. Для устройства лочика очень часто применялись старые детали юрты (решеточные стены, жерди, обод, кошмы). Главным отличием лочика от юрты было то, что деревянная часть первого составлялась в основном из гнутых, дугообразных жердей и лишь в отдельных случаях для стенки применяли решетки (керега), а для верхней части в качестве дымохода — деревянный обод (чангарак) от старой юрты. Лочик, для установки которого применялись старые детали от юрты, карлуки низовьев Кашкадарьи называли «чатма» или «чатма лочик», а группа узбеков среднего Зарафшана (сарай, найман и др.) — «кора лочик». Верхняя юрта, у которой отсутствовали верхние обручи и другие части, называлась «бурма лочик».

Одним из типов переносного жилища, бытовавшего на территории Узбекистана в конце XIX—начале XX в., был шатер-чодир. Он являлся временным летним жилищем некоторых групп оседлых узбеков Бухарского оазиса, среднего Зарафшана и Кашкадарьинской области.

Шатры делали из плотной хлопчатобумажной ткани. Бытовали два типа чодира: небольшой двускатный чодир удлиненной формы, весьма сходный с современной туристской палаткой. Он устанавливался при помощи двух-трех жердей-стоек, кольев и канатов и выполнял функцию переносного жилища у среднеазиатских цыган, вмещающая в себя до пяти человек. Другой чодир представлял собой шатер квадратной формы, более вместительный — до 30 человек. Такие чодир устанавливались при помощи центральной жерди-стойки (ук). По четырем углам устанавливались еще четыре жерди-стойки (тиржав или тиржавуч), чтобы удержать шатер при сильных ветрах. Такие палатки устанавливали в местах, где проходили праздничные гуляния (сайилгох).

Из всего сказанного следует, что самым распространенным и наиболее совершенным жилищем переносного типа, бытовавшим у узбеков и других народов Средней Азии в конце XIX — начале XX в., являлась решетчатая войлочная юрта. Другим распространенным жилищем был лочик. Оба типа жилища были приспособлены к быту в прошлом кочевых и полукочевых народов. Что касается капы, то она в конце XIX — начале XX в. являлась, в основном, жилищем некоторых групп полуоседлых и оседлых узбеков. У последних она обмазывалась глиной и выполняла функцию постоянного жилища.

Глава вторая

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Одежда, как и другие элементы материальной культуры того или иного народа, является одним из источников изучения этногенеза и истории культуры, отражая его образ жизни, эстетические вкусы и национальные особенности. Одежда — один из показателей материального благосостояния народа. Она несла в себе определенный художественный образ, в ней человек выражал свой эстетический идеал. Этот идеал развивался и изменялся вместе с жизнью общества и не только отражал изменения, происходившие в развитии экономики, но и был тесно связан с политикой, религией, этикой¹.

Изучение узбекского народного традиционного костюма позволяет в какой-то мере познакомиться и с национальной одеждой других народов Средней Азии. Можно проследить взаимовлияние и взаимопроникновение культур среднеазиатских народов и обнаружить факты параллелизма и аналогии в формах их одежды.

В старинной одежде народов Средней Азии, в том числе узбекской, существовали архаические элементы, генетически восходящие к древнему доклассовому периоду и выражавшиеся в простоте покроя предметов одежды, в единстве основы покроя одежды для всех полов и возрастов². В народном среднеазиатском костюме также прослеживается культурное влияние соседних областей, более отдаленных территорий.

Изображения одежды народов Средней Азии на миниатюрах XVI в. свидетельствуют, что она уже в то время имела формы, приближающиеся к характерному типу узбекской и таджикской одежды последних столетий³. Сложившись в давние времена, традиционный народный костюм населения Узбекистана, особенно в периферийных районах республики, удержался в быту вплоть до

¹ Киреева Е. В. История костюма. М., 1976, с. 3.

² Сухарева О. А. К истории костюма населения Самарканда. — «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 11—12.

³ Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. по данным миниатюр. — «Исторические науки», кн. 12. Ташкент, 1956, с. 209—216.

Октябрьской революции. Традиционная народная одежда, создававшаяся на протяжении многих веков, ее формы, конструктивное и декоративное оформление несут на себе отпечаток климатических условий, уровня развития производительных сил и сложившихся исторических традиций.

Особенностью одежды является сочетание в ней общей, традиционной для данного народа формы с элементами, привнесенными создателями каждого отдельного костюма, их вкусами и творческими возможностями. Каждому хотелось показать свое умение, выглядеть красивее, наряднее других. Это делало одежду более разнообразной, способствовало развитию национальных, этнических вкусов⁴.

Мужская одежда

К концу XIX — началу XX в. узбекская национальная одежда уже имела традиционно сложившуюся форму. В Узбекистане носили общие по крою, шитью и материи халаты — как стеганные на вате, так и без подкладки, — чалмы, тибетейки, сапоги, ичиги, кауши, пояса и другие аксессуары. Для зимней одежды были характерны чакман, чалбар, шубы-пустин, кебанак, меховые шапки.

Мужская одежда узбеков была менее разнообразна, чем женская, а локальные особенности выражались в ней слабее. Однако наблюдались внутренние различия между одеждой населения крупных кишлаков и населения периферийных районов по цвету материала и манере ношения того или иного костюма. Нательная одежда мужчин имела туникообразный покрой. Большая часть нательной одежды шилась из домотканой белой, полосатой, красно-белой и бордово-белой ткани. Длина ее зависела от возраста носителя.

Мужская нательная одежда по своему покрою и форме ворота разделялась на несколько типов.

Первый тип представлял собой длинную, спускающуюся ниже колен рубаху прямого покроя, широкую, с рукавами, до кистей рук, с карманами на правой стороне и горизонтальным разрезом ворота (елка ёка, уйма ёка или муллача куйлак).

Для другой разновидности этой рубахи характерны прямые клинья, пришиваемые с боков к линии талии, широкими, длинными, доходящими до колен рукавами и горизонтальным воротом. Обычно ворот был отделан черной или белой тесьмой (джияк или чироз).

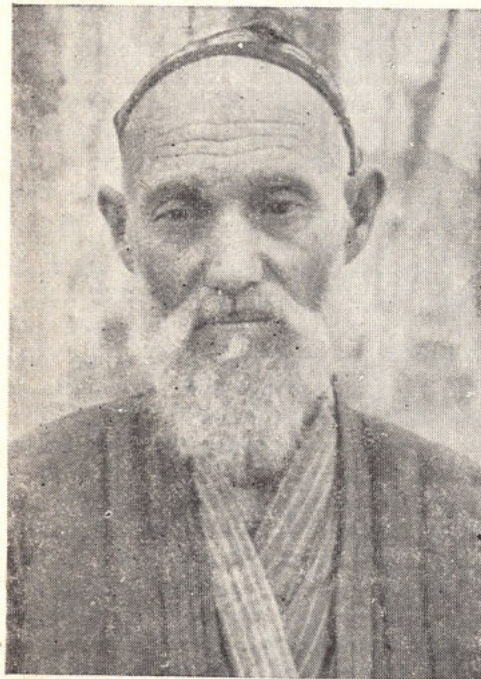
В Ферганской долине рубаху с горизонтальным разрезом ворота носили в основном представители духовенства, что отразилось на ее названии (муллача куйлак)⁵. Под этим названием она быто-

⁴ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. I. М., 1954, с. 331—339.

⁵ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886, с. 94.

вала на всей территории Узбекистана и во многих районах Таджикистана. Покрой этой рубахи восходит к глубокой древности. Об этом свидетельствует рубаха, найденная при раскопках Кенькольского могильника с гуннским захоронением I в. н. э.⁶

Третья разновидность этого типа представляет собой длинную до икр, широкую в подоле рубаху со скошенными клиньями и такими же рукавами до кистей рук. Ворот в ней делали от плеча до плеча и оплетали черной тесьмой или петельным швом (йорма). В большинстве обследованных кишлаков такая рубаха носила название «муллача куйлак» и «муллача ёка», а также «кифтаки». Разрез ее ворота был горизонтальным, с односторонним (слева направо) и двусторонним вырезом, застегивающимся с помощью тонкого шнура (богич, богичли куйлак, елка бовли).

Мужчина пожилого возраста в традиционном костюме «чapan». Село Дарзлик (Ферганская долина)

Рубахи второго типа (куйлак) изготавливались из белой бязи, прямого покроя. Называлась она также «яктак-куйлак» (халат-рубашка). Обычно она исполнялась как легкий халат без подкладки. Под воротником изнутри пришивали другой воротник, подобный вороту на рубашке, его можно было носить открытым и застегивать на пуговицы.

Рубаха яктак-куйлак по покрою была аналогична ватному стеганому халату (тун), основу которого также составлял цельный кусок (буй), складываемый пополам. С двух сторон к нему пришивали боковые клинья. Рукав цельнокройный, слегка суженный книзу. В пройму вставляли четырехугольный кусок ткани (хиштак). Воротник и передние клинья также кроились из целого куска, воротник протрачивался на машинке или делался ручной шов (йорма). До революции такую рубаху носили мужчины 18—20 лет, поэтому она называлась «бузбола куйнак», т. е. «рубашка молодого

⁶ Бернштам А. Кенькольский могильник. Л., 1940, с. 24.

мужчины». В кишлаках Камаша, Джайнау, Карки эту рубаху называли «чорека куйлак».

Третий тип — рубаха с вертикальным разрезом посредине груди. Длина ее доходила до бедер. Разрез обшивался стоячим воротником, который спереди сходил на нет, как у халата. Такая рубаха была распространена в крупных кишлаках Узбекистана, у населения западной части Ферганской долины⁷. Другой вариант аналогичной рубахи — со стоячим воротником был известен под названием «итека» (у кипчаков бассейна Зарафшана — «казаки куйлак»⁸, а у казахов низовья Амударьи — «татар джака»⁹). Рубаху надевали поверх штанов и опоясывали платками.

Четвертый тип рубахи представлял собой распашонку, употребляемую как нательную одежду без подкладки, сшитую из местного хлопчатобумажного материала (буз, алоча и др.). Стан ее составляли два полотнища, сшитые на спине. Спереди эти полотнища не сшивали, они спадали свободно, образуя полы. Рукава делали из полотнища, сложенного вдвое по основе. Внизу рукава срезали клин и пришивали его к верхней части так, что рукав становился широким в пройме и узким у кисти. Под рукавами пришивался хиштук.

Пятый тип рубахи. Сшитая на вате (гуппи), по покрою она ничем не отличалась от обычной рубахи. Носили ее мужчины и дети. Рубаху одевали для работы под открытым небом в холодное время. Она могла быть длинная, с большими рукавами, без рукавов, стеганой. Носили гуппи обычно с халатом. Она считалась старинным видом рубахи, о чем свидетельствуют литературные источники. Махмуд Кашгарский писал, что стеганная на вате одежда в виде рубашки была известна тюркским народам еще в XI в. под названием «ялма» или «гуппи»¹⁰. По словарю Будагова слово гуппи джагагайского происхождения и означает «латы». В киргизском варианте — это шерстяной или ватный кафтан¹¹.

В Сурхандарьинской и Самаркандской областях одевали ватную стеганую рубаху с воротом горизонтальной формы, которую также называли «гуппи». У казахов она называлась «купи». Для изготовления такой рубахи вместо ваты иногда использовали овечью или верблюжью шерсть. Штаны, входившие в комплект мужского нательного костюма, назывались по-разному. В большинстве кишлаков с узбекским населением их называли «иштон», в некоторых же пользовались таджикским термином «пойжома».

Штаны шили широкими в талии и суженными книзу, длина их

⁷ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, с. 136.

⁸ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 251.

⁹ Шалекинов У. Х. Казахи низовья Амударьи, с. 227.

¹⁰ Махмуд Кашгарский. Словарь тюркских языков. Т. III. Ташкент, 1963, с. 41 (на узб. яз.).

¹¹ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских языков, т. II, с. 142.

доходила до икр или до щиколоток. Они состояли из трех частей: штанин (пойча), кроившихся из полотнищ, сложенных вдвое по длине ткани и скошенных книзу, мотни (оги или хиштук) и верха (липпа). Липпа загибали и продергивали шнур (иштонбог или чипчилгай), который стягивал штаны на бедрах. Необходимо подчеркнуть, что в результате усилившихся хозяйственно-политических и культурных связей с другими народами покроем мужской одежды еще до революции начал претерпевать изменения в городах, а затем в кишлаках.

Верхняя одежда называлась «уст(ки) кийим». Характерным элементом народной верхней одежды для всего населения Узбекистана летом был легкий халат, в холодное время носили стеганные на вате суконные и шерстяные халаты (чопон или тун). Последний был широко распространен в прошлом по всему Узбекистану и Таджикистану, а также у других народов региона.

Традиционность покроя туна наглядно выявляется при сравнении с халатами, изображенными на миниатюрах XVI в.¹² При раскрое халата спину и перед делали из цельного прямого куска, сложенного пополам. Передняя половина разрезалась посредине до конца, образуя полы (чалгай). К ним по бокам пришивали без вырезной проймы прямые, скроенные из поперечных полос ткани рукава, под мышками вставляли ластовицы, а по бокам, внизу, делали небольшие разрезы (йирмоч, ен чок).

Воротник халата был пришитой, сзади стоячий, без застежки, на груди сходил на нет.

Тун, бытовавший в Бухаре, Кашкадарье, Сурхандарье, средней и нижней частях Зарафшана был преимущественно широким, довольно длинным, со спускающимися книзу рукавами, яркой расцветки (алоча бекасам). В Ферганской долине носили тун более темной расцветки. К началу XX в. наибольшее распространение получил тун с черным сатиновым верхом, а также сшитый из яркой, с широкими полосами, кустарной выделки (бекасама, алака) ткани. Ферганский тун выделялся красным цветом (кизил тун) и очень длинными сужающимися книзу рукавами. Его носили осенью. Население Хорезма носило узкий «дун» на подкладке, с тонким слоем ваты, он плотно прилегал к телу. Шили его обычно из кустарной ткани (алача), лощенной до глянца, с узором в узкую полоску.

Стежка хорезмского халата была мелкой.

Тун в зависимости от своего названия, сорта материи, из которой он был изготовлен, делился на несколько видов.

Первый вид. Стеганный на вате тун состоял из верха (авра), подкладки (астар), боковых клиньев (чалгай, чок, баха), тонкого слоя ваты (пахта) и каймы (джияк), которой обшивали по-

¹² Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр. Ташкент, 1958, с. 110, 115, 121, 126, 127, 130.

дол и рукава. Воротник сзади был невысокий, а спереди уменьшался до минимальных размеров. Тун обычно шили широким и длинным до щиколоток, с большими рукавами, без застежки, по бокам подола имелись небольшие разрезы по шву (йирмоч, ён чок, чок

Мужчина пожилого возраста в камзоле и традиционном головном уборе „калауш“. Село Чоршанбе (Кашкадарьинская обл.)

бахя). Халаты обычно шили из кустарных бумажных или полушелковых тканей, ярких расцветок, часто в широкую разноцветную полосу¹³. В Бухаре поверх рубашки надевали несколько тун из шелковых или хлопчатобумажных тканей.

Второй вид халата отличался от первого тем, что шили его со стоячим воротником, прилегающим к талии, с боковыми карманами. Он состоял из верха и подкладки, надевался поверх

¹³ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, с. 296.

рубашки. В Чиракчинском и Камашинском районах подобный тип халата называли «коплама чапан». Его кроили цельнокроенным, длинным и широким, с рукавами до кистей. Передняя часть его имела сплошной разрез, халат запахивался, как все распашные халаты, слева направо. По бокам имелись клинья, под мышками ластовицы (хиштак). Ворот пришивался отдельно (из той же материи, что и халат). Ворот, подол, концы рукавов обшивались тесьмой джияк или чироз. С внутренней стороны халат подшивался неширокой лентой (адип) из другого материала.

Этот вид халата широко бытовал в прошлом на всей территории Узбекистана и назывался по-разному. В Ферганской долине его носили во время полевых работ. Короткий, легкий, стеганный из белой материи, он хорошо защищал от солнечных лучей. Аналогичный халат существовал у жителей некоторых кишлаков Каршинского района и назывался «габа».

Третий вид. Легкий летний халат, надеваемый поверх нательной рубашки. В кишлаках Ферганской долины, Ташкентского оазиса, Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и других областей он назывался «яктак» и «елвагай». Обычно он предназначался для пожилых людей. Его шили из хлопчатобумажной ткани белого, светло-серого, светло-красного, светло-желтого или светло-синего материала в полоску. В Хорезме летний халат назывался «яланкат», носили его тоже поверх нижнего белья.

Четвертый вид. Короткая, легкая верхняя одежда, одеваемая на рубашку. Она состояла из верха и подкладки и называлась «камзул» или «камзил», имела вырезные проймы, вшивные рукава, на боках прорезные горизонтальные карманы, воротник — высокий, стоячий. Длинный камзил достигал колен, застегивался четырьмя-пятью пуговицами. Эта одежда была новой для узбеков. Время появления и распространения ее в сельских местностях относится к тридцатым годам нашего столетия (об этом подробно см. в разделе «Женская одежда»).

Пятый вид. Старинный халат из домотканой шерсти, обычно темно- или светло-коричневого, серого, иногда и белого цветов. Назывался он «чакман». Покрой свободный, длинный до щиколоток, без подкладки. Рукава широкие у основания и узкие у кистей, длинные. Полы, рукава и низ суконного халата обшивались скрученными разноцветными нитками (чироз) белого, желтого и черного цветов, а для темно-коричневых употребляли нитки желтого цвета. Ворот чакмана для молодых украшался рисунком.

Чакман шили из шерстяной кустарной материи. Обшлага с внутренней стороны заделывали узкой полоской хлопчатобумажной материи кустарного производства. На спине, у ворота пришивали четыре кисточки из коричневых ниток. Носили такой чакман люди среднего достатка.

Чакман был очень распространен по всему Узбекистану. В ряде кишлаков, входящих в Кызылча, этот вид халата называли «чеп-

ка», «чепкан». Он различался по качеству материи и по цвету: сшитый из верблюжьей шерсти назывался — «малла чакман», из овечьей — «кокма чакман», из смешанной шерсти низкого качества — «кук чакман». Чакманы различались по типу и цвету. К примеру, кипчаки выделяли три вида чакмана: «кокма чакман», «босма чакман», «баноти чакман». «Какма чакман» делался из гладкой, безворсовой шерстяной ткани домашнего изготовления; «босма чакман» — из ворсовой шерстяной ткани, также домашнего производства; «баноти чакман» или «мовут чакман» — из привозного, преимущественно темно-синего сукна (мовут). «Баноти чакман» носили наиболее состоятельные люди, главным образом бан¹⁴.

Сравнительно большое распространение имели халаты из армячины — домотканого сукна черного, рыжего или грязновато-белого цвета. Последние считались лучше суконных и назывались «чакман». Подкладку на суконных халатах, сшитых из армячины, делали из тонкой кошмы. Такие халаты носили пастухи, которым во время откочевки со стадом в горы нередко приходилось ночевать прямо на земле¹⁵. По традиции чакманы делали без застежки и пояса. Чакман был очень распространенным видом верхней одежды. Подобные суконные халаты бытовали и у горожан.

Шестой вид верхней одежды. Халат, распространенный и популярный среди кочевого, полукочевого и полуоседлого в прошлом населения, особенно среди животноводов (кебанак), широкий, длинный, с большими рукавами, верх из плотного шалевого материала, подкладка из войлочного. Издавна бытовал у населения кишлаков южных районов Узбекистана, а также Сырдарьинской, Джизакской, Самаркандской областей, был одним из древних видов одежды многих народов Средней Азии и Казахстана.

Седьмой вид верхней одежды шился из меха (пустин). В прошлом его носили в основном старики и люди среднего возраста, особенно чабаны, работавшие в открытых местах. Пустин был широко распространен среди народов Средней Азии и Казахстана, у других соседних народов.

В зависимости от того, из какого меха был сшит пустин, он разделялся на несколько видов (например, куйтери пустин, барра пустин, пойча пустин, тулки тери пустин, сувсар пустин, силкма пустин). Вплоть до появления тканых материалов, в холодное время года надевали шубу (тун или тери тун — «кожаные халаты»). С появлением тканых материалов зимнюю одежду стали шить на вате (момик тун).

Необходимой частью мужского костюма являлись пояса (белбог). Пояс, в узбекском языке имевший несколько названий, служил украшением. У народов Узбекистана и Таджикистана белбог яв-

лялся старинным обязательным атрибутом национальной одежды. Почетному гостю или вестнику, принесшему радостное известие, обычно дарили красиво вышитый белбог. Повязывая платок-белбог, люди желали доброму другу или хорошему вестнику, чтобы он был сильным, волевым, трудолюбивым¹⁶. В прошлом пояс символизировал достоинство и супружескую верность. На нем носили зеркало, ключи и другие предметы. Изготавливался он из тесьмы, кожи, ткани, металлических звеньев. Пояса из ткани завязывали на узлы, оставляя короткие или длинные концы позади. В прошлом существовали «урама белбог», «фута», «узун белбог» и другие виды поясов, состоявшие из четырех-пяти метров ткани.

Бытовали и другие квадратные поясные платки (белбог, кийик, белкарс, карс). Поясные платки клали невесте в сундук с приданным (сеп) и предназначали для жениха, который повязывался ими после свадьбы. Поясом для халата служила неширокая плетенная ручным способом тесьма (кур) из красных, белых, желтых, темно-синих, коричневых, бордовых ниток, образующих своеобразный узор. Подпоясывались и четырехгранным шерстяным шнурком (чипчилгай)¹⁷. Эти шнурки в некоторых кишлаках назывались «чилвир».

Традиционным поясом у населения Хорезма считался широкий (30—35 см, длиной 2—2,5 м) пояс, который ткали на специальном станке. Он опоясывал талию три-четыре раза, нижняя часть окаймлялась бахромой. Пояс, сделанный из однотонной (преимущественно бордового цвета) шелковой ткани, назывался «матри белбог», а пояс более пестрых расцветок — сочетания белого, голубого, желтого, бордового и др. — «мадали белбог». Такой пояс украшал наряд жениха. У бедняков он изготовлялся из простой хлопчатобумажной или шерстяной материи. Узкий кожаный пояс назывался «қайиш», более широкий — «камар», на нем подвешивались кожаная или шерстяная сумка для различных мелочей (бритва, точило, нож, шило и т. д.)¹⁸.

В дореволюционные годы у кипчаков Ферганы бытовал плетенный, украшенный узорами шерстяной пояс (камар), который кое-где сохранился и по настоящее время¹⁹. Нередко поясные платки наматывали на голову в качестве чалмы.

Кроме вышеописанных существовали бархатные пояса с серебряными бляхами, обычно принадлежавшие знатым людям. Они представляли собой широкую полоску бархата, расшитого шелком, с массивными серебряными и позолоченными пряжками²⁰.

¹⁶ Наджимов Г. Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент, 1965, с. 53.

¹⁷ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 111.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 255, рис. 18.

²⁰ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающийся до Туркестанского края, с. 100.

¹⁴ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 256.

¹⁵ Сухарева О. А. Одежда населения г. Самарканда за 100 лет. Научный фонд Института истории АН УзССР, инв. № 145, с. 30.

В мужском костюме использование поясных платков имело свой особый смысл. Если в Кашкадарье, в Ферганской долине и других местах носили платки постоянно, подпоясывая ими рубахи и халаты, то в Ташкенте и в Ташкентском оазисе их носили в знак траура. Старики носили платки более скромных расцветок (одни) — белые, серые, коричневые, молодые — из ярких шелковых и полшелковых тканей.

По народному обычаю мужчинам полагалось ходить только с открытой головой. Мужские национальные головные уборы в узбекском языке назывались, как и женские, «бош кийим» и имели свои особенности в зависимости от районов. Наиболее типичным головным убором, распространенным по всей Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, была тюбетейка (дуппи или туппи в Ферганской долине, Ташкенте и Ташкентском оазисе, в Хорезме; «калапуш» в Бухарском оазисе, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и отчасти Самаркандской областях, и «калпок» — Самарканде и Ургуте, Шахрисабзе и Китабе)²¹. Типы тюбетеек по областям и орнаментации подробно описаны О. А. Сухаревой. Она установила две их разновидности по форме и четыре — по орнаментации²².

Форма, цвет и орнамент тюбетейки были специфичны для каждой этнографической и локальной группы узбекского населения. Конические тюбетейки, имеющие донышко с вырезным сектором, были распространены в Ташкентском оазисе, Самарканде, Шахрисабзе, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях. Плоская тюбетейка выкраивалась не круглой, а квадратной, имела четыре ребра²³. Ребристая тюбетейка (туступпи или чуст дуппи) из г. Чуста характеризовалась узором «миндаль» или «перец», вышитым белым шелком на черном фоне, а ходжентско-уратюбинская — многокрасочным узором в виде цветущего кустика или сплошной вышивкой²⁴.

Особенности костюма в прошлом относительно замкнутых групп узбеков в значительной степени нивелированы. Весьма показательна в этом отношении тюбетейка. По ней безошибочно можно было определить, из какой местности данный человек. Тюбетейки сильно различались по форме, цвету и узорам у отдельных этнографических групп. В советское время вместо множества типов и разновидностей тюбетеек, отражавших локальные традиции, общепринятыми стали чустский и ходжентско-уратюбинский типы, которые широко распространились среди узбеков и других народов Средней Азии²⁵ и даже ее пределами. В оазисе Кашкадарьи была распространена плоскодонная тюбетейка китабо-шахрисабз-

²¹ Сухарева О. А. Тюбетейка. — В кн.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, с. 147—167.

²² Там же.

²³ Она же. Древние черты в формах головных уборов, с. 342—343.

²⁴ Там же, с. 339—343.

²⁵ Там же.

ского типа. Ее вручную изготовляли мастерицы, внедряя все новые узоры и названия.

Каждая часть тюбетейки (верх, околыш, кант) выкраивалась и расшивалась отдельно, потом делали подкладку. Для твердости в промежутки, остающиеся от стежки, между верхом и подкладкой (астар) тюбетейки закладывали свернутую в трубочку бумагу (пилта).

Тюбетейка издавна считалась наиболее нарядной частью мужского костюма, поэтому ее подбирали с особой тщательностью. В народе существовала традиция дарить почетному гостю и близким тюбетейку с пожеланием здоровья, успехов и счастья. Шили нарядные тюбетейки специально для жениха. Для мальчиков, подростков и пожилых мужчин тюбетейки делали более скромных расцветок.

Пожилые мужчины пользовались конусообразными головными уборами (шаппуш или шапиш), которые обычно носили под чалмой или шапкой. В Бухарском оазисе, во многих районах Кашкадарьи такую тюбетейку называли таджикским словом «аракчин». В Ферганской долине существовали белые тюбетейки (суфи дуппи, ак аракчин), старики носили кулох. Наряду с этими головными уборами в Узбекистане издавна существовала шапка, опушенная мехом: она имела округлый верх из черной или темно-серой ткани, подбивалась ватой, оторочка делалась из серого или коричневого каракуля, иногда из лисьего или куньего меха (тулки телпак, кундуз телпак, коракул телпак и т. д.).

В Хорезме основным головным убором являлась шапка-телпак из меха грубошерстного барана (у стариков — плотно облегающая голову шапка туппи с матерчатой макушкой и нешироким околышем из бараньего меха). Наиболее характерной для узбеков Хорезма, как и для каракалпаков, была большая, круглой формы шапка (чугурма) из шкуры барана с длинной волнистой шерстью. Под мехом имелся каркас в виде круглой войлочной шапки. В прошлом состоятельные люди носили шапку, сделанную из лучших сортов серого каракуля (шерози чугурма).

У узбеков Бухарского оазиса и Самаркандской области носили шапки с околышем из каракуля, а состоятельные люди из выдры.

В Ферганской долине и Ташкентском оазисе макушка шапки была невысокой, шилась из четырех долек черного бархата, а околыш делали из меха лисы, куницы или овцы²⁶. Под шапкой или тюбетейкой принято было носить нижний головной убор (аракчин), представляющий собой разновидность тюбетейки — мягкую с круглой макушкой шапочку без подкладки²⁷.

Пожилые мужчины кишлака Қарлук Қассанского района носили высокий конусообразный головной убор телпак, похожий на ку-

²⁶ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, с. 329—330.

²⁷ Там же, с. 343.

лох²⁸, из простой черной или серой материи, стеганный на вате с подкладкой. Молодые зимой носили шапку с округлым верхом из черной или темно-серой ткани; она подбивалась ватой, если была сшита из лисьего меха или куницы (корсок). Такие шапки шили сами карлуки, а богатые покупали головные уборы на местных рынках²⁹. Калпок носили издавна люди средних лет и старики, особенно летом. Этот головной убор был особенно популярен среди населения Ферганской долины.

Среди пожилых людей была распространена чалма-салла. Она являлась повседневным головным убором, ее наматывали поверх тюбетейки или кулоха (аракчин). Во время работы одевали маленькую чалму, в мечеть на молитву и с праздничным костюмом повязывали более солидную чалму. Этот головной убор был характерным для Ферганской долины и Хорезма, где его носили только баи и духовенство³⁰.

Обувь в прошлом была полностью кустарная, ее шили местные мастера (уста). Ремесленники (чермгар-кунчилар) обрабатывали шкуры крупного рогатого скота. Этот промысел был сосредоточен в гузаре Чармгар, в г. Карши и других, где вырабатывались различные сорта кож из бараньих (чарм), козлиных (кайроки или бузи) и воловьих (булгор) шкур. Способ изготовления кож сорта булгор, которые окрашивались в черный цвет, долго был неизвестен кожевникам Карши: его освоили каршинские мастера, работавшие в Самарканде³¹. Особенно популярной у мужчин была обувь под названием «кауши», имеющая в каждой области свои особенности. Например, ташкентские кауши отличались высокими каблуками, кручеными носиками и т. д.

Помимо каушей, мужчины носили сапоги (мукки, чорик) нескольких видов: «малла этик» — грубые сапоги из коричневой или желтой кожи на низком и чуть повышенном каблуках. В Ферганской долине их называли «кун этик». «Такаки» — сапоги более легкого типа, сделанные из козьей шкуры, на высоком каблуке, задник которых украшался узором из шелковых ниток, носили их молодые состоятельные мужчины; «кал-хасани» — сапоги, сделанные из красной кожи (иначе они назывались «булгари этик»), с длинными голенищами, на высоком каблуке, задник вышивался золотыми нитками узором «гаждуми». Носили их богатые люди во время спортивной игры — «улок» (козлодрание) и по праздникам; «ногаи этик» или «кора этик» — сапоги из черной кожи (большей частью из хрома) на высоком каблуке, вошедшем в моду уже в XX веке³². В Хорезме сапоги назывались «адик», «ак-

мурт этик» или «ак-пушта», с загнутым носом и мягкой подошвой, отдельно пришитой пяткой³³.

Второй вид обуви узбеков — ичиги-сапожки без твердого задника и каблука, с мягкой подошвой (махси, маси). Махси были распространены больше всего среди населения городов, крупных оседлых земледельческих кишлаков. Местные мастера (махсидузлар) шили несколько их видов. Мужские махси в народе назывались «мардона» и состояли из голенища (кунжи), передка (бошлик), а также мягкой подошвы. Кроме того, употреблялся мягкий тонкий задник (дастак) — подкладка из тонкой материи. Махси обычно носили вместе с каушами, а позже — с мусульманскими галошами.

Среди мужской обуви широко были распространены так называемые «мукки» — вид обуви с короткими голенищами, загнутыми кверху носами, без каблуков, сделанный большей частью из грубой самодельной кожи³⁴. «Чорик» — вид полуоткрытой обуви, сделанной из куска сыромятной кожи, по внешнему виду напоминающей лапти. «Малла этик», «мукки», «чорик» — старинные виды обуви, которую носило большинство жителей нашей республики, особенно степных и горных районов. В XI веке о чариках писал Махмуд Кашгарский, указывая, что они являлись обувью бедняков³⁵. Чорик мог сделать каждый, но кауши, сапоги и мукки шили мастера. Обычно они специализировались на шитье каушей (каушдуз) или сапог (этикдуз).

«Тоштовон» — обувь, похожая во многом на мукки. Ее шили из крепкой, хорошо выделанной кожи, иногда с низким каблуком. Разновидностью тоштовон были «уютма этик» — без каблуков, с загнутыми носами³⁶. Тоштовон носили жители Избасканского района Андижанской области.

«Пойчаки» — вид обуви, сработанной с одного куска сыромятной кожи. Шили ее одним (наружным) швом, начинающимся с носка и проходящим по подошве (с одной ее стороны) и сзади голенища до его верха; длина голенища доходила до колен. Обувь эта завязывалась у щиколотки при помощи длинного шнура³⁷.

«Товулдирик» — деревянные башмаки, которые носили главным образом чабаны на отгонных пастбищах (горных и предгорных), где много камней и гальки. Ходить в обуви с тонкой подошвой типа «макки» и «чорик» с голенищами было неудобно. В бедных семьях носили товулдирик и дома — после дождя, когда на дворе была вязкая грязь³⁸. Аналогичная деревянная обувь была распространена у населения Ферганской долины под названием «хак-

²⁸ Там же, с. 330—342.

²⁹ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 112.

³⁰ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, с. 325—326.

³¹ Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства, с. 125; Она же. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962, с. 110—111.

³² Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 82—83.

³³ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 373.

³⁴ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 83.

³⁵ Махмуд Кашгарский. Словарь тюркских языков, т. I. Ташкент, 1960, с. 362 (на узб. яз.).

³⁶ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 258.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

кар кавуш». По рассказам старожилов, их заказывали мастерам, имеющимся в каждом кишлаке, а также покупали на местных рынках. Эту обувь изготавливали нескольких видов, в расчете на жителей различного материального достатка.

У населения Узбекистана, как и по всей территории Средней Азии, издавна существовал обычай, по которому всякую обувь оставляли при входе в помещение, в специально сделанном месте (пойгак), а также снимали перед совершением намаза (молитвы) при входе в мечеть или в «святые места».

По традиции под обувь с высокими голенищами наворачивали портянки (пайтова) разных размеров и расцветок. В большинстве обследованных нами кишлаков были распространены портянки длиной метр-полтора и шириной до сорока пяти сантиметров, с кисточками в обоих концах.

Чулки-носки вязали из шерстяной пряжи и называли ее в каждой местности по-своему. Например, в кишлаке Камашаи Каршинского района — «качайдук», «жулоп», в Гурлане и Мангите — «дагди», и т. д. Их носили мужчины и дети.

Таким образом, в мужском костюме отразились экономические и географические условия. Мужской костюм изготавливался в основном из местных хлопчатобумажных, шелковых и полушелковых, шерстяных домотканых изделий. Многие виды мужской одежды и обуви узбеков были сходны с одеждой других народов Средней Азии и Казахстана, что свидетельствует об их длительных культурно-экономических связях.

Женская одежда

Женская одежда узбеков сохранила значительно больше черт местного колорита, чем мужская. Традиционная форма женской одежды вырабатывалась на протяжении сотен лет. В ней отразились следы возрастного деления, которые ранее полностью определяли характер одежды. Несмотря на кажущуюся неизменность форм, женская одежда все-таки претерпевала существенные изменения в покрое, в употребляемых материалах. В прошлом для изготовления мужского и женского костюма пользовались как местными, так и привозными материалами.

Нательная одежда — платье (куйлак, куйнак) являлось основным элементом женского костюма. У большинства женщин платье было одновременно и нательной и верхней одеждой.

В конце XIX — начале XX в. женские платья характеризовались своим туникообразным покроем. Такие платья-рубашки бытовали до недавнего времени и у многих народов Средней Азии, Поволжья и юга России, что свидетельствует, по мнению некоторых исследователей, об этнографической общности этих народов, отра-

жившейся на развитии материальной культуры, об их древних этнических связях³⁹.

Кроилась женская одежда также, как и мужская, но делалась более длинной, с более широкими и длинными рукавами и имела несколько вариантов покроя ворота. В конце XIX — начале XX в. бытовала одежда с горизонтальным разрезом ворота или с вертикальным разрезом на груди (Хорезм). Ворот без застежки обычно обшивался черной шерстяной узкой тесьмой, а в некоторых районах — украшался тканой или вышитой тесьмой (джияк) или же кромкой материи (Кашкадаря и Сурхандарья). Платья отличались друг от друга силуэтом и покроем ворота, по которому иногда определялось и их название.

Изучая собранные материалы, авторы пытались восстановить основные детали женского костюма конца прошлого и начала нынешнего столетия. Платья сельских жительниц характеризовались длинными, почти до ступней, рукавами, со шшитыми ластовицами. На протяжении многих десятилетий платья сохраняли туникообразный длинный покрой. Как отмечают исследователи, основным назначением женского костюма было стремление тщательнее скрывать фигуру и лицо от посторонних взглядов. Платья различались лишь по форме выреза ворота, который кроился либо горизонтально, либо вертикально — в зависимости от возраста и положения его носительницы. К наиболее старинным видам одежды относятся рубахи с горизонтальным разрезом от плеча до плеча. В сельских условиях платье с горизонтальным разрезом ворота считалось девичьим. Его носили девочки и девушки до выхода замуж, а в некоторых кишлаках — и молодые женщины. Горизонтальный ворот имел несколько вариантов. Чаще всего он делался с полукруглым вырезом для шеи и дополнительными разрезами вдоль одного или обоих плеч (кифтаки).

Иногда ворот делали просто в виде овального широкого выреза (екабовли). В десятках кишлаков Шахрисабзского, Дехканабадского, Гузарского и других районов девичьи платья именовались по форме ворота «гиттак».

В дореволюционные годы девочки и девушки в обязательном порядке носили рубаху с горизонтальным разрезом ворота. В конце XIX — начале XX в. это правило строго соблюдалось в большинстве областей республики. Перечисленные различия в разрезе ворота во второй половине XIX в. были характерны также для смешанного населения Ферганской долины⁴⁰ и Самарканда⁴¹.

После свадьбы девушку переодевали в женскую одежду. Смена девичьего платья на женское, т. е. платье с вертикальным разре-

³⁹ Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. М., 1951, с. 41; Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960, с. 63, 74, 75.

⁴⁰ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, с. 94.

⁴¹ Сухарева О. А. Одежда населения г. Самарканда за 100 лет, с. 16.

зом, означала переход в старшую возрастную группу: в ночь свадьбы на девушку надевали рубаху с разрезом впереди⁴².

Платья с горизонтальным воротом отделялись цветным кантом или другими яркими материалами и узорными тесьмами. Таким образом, появляется новый тип платья с горизонтально-верти-

Пожилая женщина в старинном головном уборе „локи“. Село Гавозан (Ферганская долина)

кальным разрезом ворота (узун ёка куйлак), известный населению Узбекистана и соседним народам. В конце XIX — начале XX в. он широко распространяется на юге Киргизии. Это платье надевали молодые женщины, сменяя платье с горизонтальным разрезом ворота, и этот фасон не менялся до конца жизни. Среди пожилых женщин платья с воротом (узун джака) продолжают бытовать и те-

⁴² Там же.

перь⁴³. В таких платьях ворот разрезали горизонтально на 10—12 см и по вертикали спереди — на 20—25 см. Часто верхние края разреза подгибали, образуя клинообразный вырез⁴⁴. Ворот принято было окаймлять вышивкой. Их называли в разных местах по-разному: «парпар», «дарваза ёка» и «очик ёка».

Платья с воротом вертикального разреза на груди также отде-

Головной убор пожилой женщины. Ферганская долина

львались вышивками. Их носили женщины среднего возраста. Покрой этот сохранился в обрядовых, прежде всего в траурных одеждах. Обычно в таких платьях разрез ворота обшивался каемкой (чок) из цветного материала. Иногда края ворота подгибали и с изнанки подшивали тканью другого цвета или по краям ворота и рукавов нашивали джияк, а ворот прикреплялся с помощью завязочек (туйравуч).

⁴³ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, с. 239.

⁴⁴ Там же.

В конце XIX — начале XX в. существовал обычай одевать невесту в день бракосочетания (никох) в платье с вертикальным разрезом около 25 см (аел ека, келин ека), которое носили до появления первого ребенка. После появления первого ребенка на молодую мать одевали платье с вертикальными, более длинными вырезами ворота (су инморо, аел ека, оналик куйлак). В них было удобно кормить ребенка.

Платья с вертикальным воротом издавна застегивали с помощью петель или завязочек. Платья с вертикальным разрезом ворота с завязочками назывались «богичи», «ёкабовли», «богичли куйлак».

Охотно носили женщины-узбечки платья со стоячим воротником и вертикальным разрезом спереди. Однако точные даты появления таких рубах пока не установлены, видимо, они начали распространяться во второй половине XIX в. Поначалу их носили только молодые женщины непосредственно после выхода замуж, переходя с возрастом на пешкушо, обшивавшееся в то время по вороту опускавшейся спереди до края подола шелковой цветной тесьмой шириной до 40 см. Со временем рубаха пешкушо стала одеждой для пожилых женщин: ее перестали обшивать тесьмой и вырез на груди стали делать короче⁴⁵. В этнографической литературе существует несколько точек зрения о появлении этого вида платья.

Издавна бытовали в Ферганской долине рубахи широкого туникообразного покроя со слегка скошенными, расширяющимися книзу боками и прямыми широкими рукавами, кроющимися из поперечно сложенной материи. У этих рубах был высокий стоячий воротник, застегивающийся спереди на пуговицу (иттико, итека)⁴⁶. Аналогичные воротники, известные в Узбекистане еще под названием «ногай ека», получили широкое распространение в начале XX в., вытеснив старинный покроя платья без воротника с открытой грудью⁴⁷. Проникновение платья со стоячим воротником на юг Киргизии относится к концу XIX века⁴⁸. В Туркестанском крае (сначала в городах, а потом в селениях) стал входить в моду высокий стоячий воротник, сочетавшийся с вертикальным разрезом, прикрываемым платком (нугай ека)⁴⁹. Он был широко распространен среди женского населения долины Зарафшана, в Сурхандарьинской, Самаркандской и других областях. Стоячий воротник у молодых женщин, особенно у невест, отделялся мелко заложными складками в виде плиссе (парпара).

⁴⁵ Пещерова В. М. Домашняя и семейная жизнь. — В кн.: Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, с. 141.

⁴⁶ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, с. 138—139.

⁴⁷ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран, с. 120—121.

⁴⁸ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов.

⁴⁹ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, с. 294—295.

В кишлаке Сайбуи Шахрисабзского района в прошлом четко разделяли женские платья на девичьи (кифтаки), невесты и молодой женщины (пар-пар), платья женщин среднего возраста (дерваза ека куйлак) и пожилых женщин (богичи). Каждое из них имело свой покроя и свою технологию пошива. Например, платья из белой бязи для невесты делали прямого покроя, с рукавами прямыми и длинными, стоячим воротником (богма), по краю отделанным кантом. Воротник и планки разреза выстрачивались фигурной строчкой черными нитками. Подол сшивали в четыре ряда машинной строчкой. Обшлага широкие, вышитые тамбурным швом и поперечными полосками, состоящими из геометрического и стилизованного орнамента различного цвета (кашта куйлак)⁵⁰.

Платья, вышитые тамбурным швом, назывались «кашта куйлак». Шелковые платья (прямые, на полукруглой кокетке с отложным воротником) — «посон куйлак». Они впервые появились в Ташкенте в начале нашего столетия и широко распространились под названием «кукрак бурма». Однако появление платьев с кокетками вовсе не свидетельствует о полном заимствовании форм одежды извне. До сих пор платье с подрезной кокеткой считается в Сурхандарье более древней формой, чем гладкое⁵¹.

Головная накладка «куртакур», украшенная узорчатой лентой «кур». Село Кызылча (Дехканабадский район, Кашкардарьинская обл.)

⁵⁰ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее села Айкыран, с. 118.

⁵¹ Фахретдинова Д. А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. Ташкент, 1972, с. 159.

Обычай сидеть на ковре или корпаче породил тип широкого свободного костюма.

Литературные источники и полевые этнографические материалы позволяют проследить возрастную дифференциацию, существующую в покрое платья женщин-узбечек. При этом становится ясно, что помимо возрастной дифференциации наблюдается и их имущественное различие, которое проявлялось в количестве и ценности украшений, качестве материала.

Знакомство с платьями узбекских девушек, невест, молодых, среднего возраста и пожилых женщин позволяет говорить о схожести покроя и названий их платьев с теми, которые носили женщины многих народов Средней Азии и Казахстана. Этому способствовали общность происхождения, культуры, уровня жизненного и хозяйственного развития, природных и бытовых условий. Процесс взаимовлияния и взаимопроникновения элементов материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана происходит и поныне.

Женские шаровары (пойжома, лозим, иштон). Одна из обязательных частей женского костюма, кроилась из трех частей: верхней (липпа), нижней, длиной до щиколоток (пойча) и мотни (шага-оги или хиштак). Штаны, несмотря на долгое существование, не изменили своего покроя, изменилось лишь качество материала, из которого они шились. Вместо кустарных появились фабричные ткани.

По традиции штаны для молодых женщин шили из ярких, обычно красных и бордовых тканей, а для пожилых подбирали скромные, темные тона материи. В прошлом было принято шить штаны из двух сортов материи. Штанины и мотни шили из ярких и дорогих материалов, а верхнюю часть — из более темного и дешевого. Однако в последние годы штаны стали шить из однотонного материала. Для повседневной носки употребляли кустарные дешевые материи. Праздничные и свадебные штаны шили из дорогих шелковых и полупелюшковых тканей.

Кройка шароваров была несложной. Сначала отрезали куски ткани для нижней части, из них шили два сквозных мешка, к которым пришивали верхнюю часть. Затем эти мешки складывали вдвое и отмеряли ширину нижнего отверстия штанины. Остаток угла по косой линии подгибали и срезали. Из срезанного куска шили мотню — ромбовидную вставку и вшивали ее в шаровары.

Женские штаны оформляли по-разному. В одних низ штанин подгибали и подшивали рубцом. Часто концы штанин обшивали цветным кантом (чок, бахия, магиз, адип). Женщины молодые и средних лет обшивали штанины специально сплетенным на ручном станке шнурком из хлопчатобумажных, шерстяных или шелковых ниток. Кроме того, женщины-узбечки издавна обшивали штаны тамбурным швом, тесьмой (джияк, чироз)⁵². Обычно под

⁵² О джияках см.: Писарчик А. К. Тесьма. — В кн.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, с. 169—176; Морозова А. С. Вышивка Узбекистана. Ташкент, 1960.

тесьмой штанина собиралась в небольшую оборочку. На внутренней стороне пришивалась небольшая кисточка тесьмы.

В конце XIX — нач. XX в. в Узбекистане основным видом верхней одежды как домашней, так и выходной, были туникообразные распашные женские халаты (тун, чопон). Их называли по типу материала, из которого они были сделаны.

Покрой халата был прямой, рукава с внутренней стороны скошены к кисти. Зимние халаты делали двух видов. Сравнительно узкие в плечах, с открытой грудью и не очень высоким вертикальным воротником, который часто кроился вместе с передним клином. Такие халаты по традиции доходили до щиколоток, рукава до кисти. Для украшений край халата обшивался тесьмой (бахия). Второй тип халата (урама чопон) — со стоячим воротником в 15—20 см, пуговицами спереди, с двумя карманами на боках. Такие халаты предназначались для холодного времени года; они были толстые, надевались на платье.

Женские легкие халаты отличались разнообразием. Один из них (мурсак, миса, минсак) был описан в специальной работе⁵³. Другой летний халат (джеляк, желак) без подкладки шили чаще всего из хлопчатобумажного материала красного цвета в полоску (кандир, кандил) и надевали поверх платья. У народов Средней Азии и Казахстана джеляком называли несколько видов одежды, но чаще всего — короткий халат с ложными рукавами⁵⁴.

Хорошо известен старинный женский халат (пешвант), более узкий в плечах и расклешенный в подоле. Женщины надевали его на платье. В некоторых местах на пешвант надевали джеляк, чтобы тот не пачкался. В прошлом пешвант носили в основном женщины средних лет. Последние годы его почти не шьют, но по традиции сохраняют.

После присоединения Средней Азии к России сюда стали проникать новые формы одежды. В конце XIX — начале XX в. появился новый вид легких халатов под названием (камзул, камзил, камзол), характерной чертой которого были вшитые в вырезную пройму рукава и прорезные горизонтальные карманы на боках. Женские камзолы шили в талию с раскошенными полами и шалевым воротником. Камзолы чаще всего делали из черной ткани, а для молодых женщин — из яркого полосатого бекасаба, цветного бархата или плюша⁵⁵.

Согласно описанию А. Л. Троицкой, в 20-х годах камзол был уже широко распространен среди городских женщин: «во главе стоят три женщины. Одна из них отын, другая зокир, третья ход-

⁵³ Бикжанова М. А. Мурсак — старинная одежда узбечек г. Ташкента. — В кн.: Памяти Андреева М. С. — «Труды Института истории и этнографии АНТаджССР», т. СХХ. Сталинабад, 1980, с. 47—53.

⁵⁴ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 264.

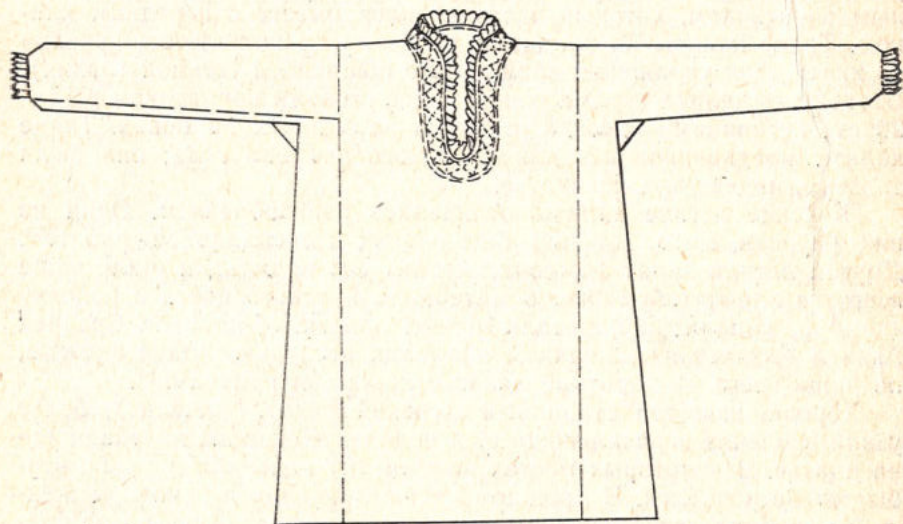
⁵⁵ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, с. 298.

жи — последняя сегодня как-то особенно торжественна и величава: в белой чалме, хорошо сшитом камзоле цвета «малла»⁵⁶.

Однако в некоторых местах носить камзол считалось предосудительным. Поэтому проникновение этого костюма в деревню встречало сопротивление. Так, «ташкентский муддарис Мирза Мад-охын, увидев на своей молодой жене камзол, велел ей снять его и бросил в огонь очага»⁵⁷.

К сороковым годам XX в. в центральных и крупных кишлаках камзолы широко входят в быт, их шьют в разных вариантах. Одни

Платье „пар-пар ёка“. Село Сайбуи (Шахрисабзский район, Кашкадарьинская обл.)

состояли из верха и подкладки; другие были стеганы на вате. Существовали и безрукавные камзолы, длинные и короткие. Многие камзолы по подолу, полам, вороту, рукавам и карманам, иногда по спине прострачивались узорной строчкой. Обычно по темному фону узор делался белыми нитками, по красному — черными. Такие узоры широко были распространены, особенно в оазисе Кашкадарья. Стеганные камзолы шили из разных цветных, гладких, или полосатых материй. А для пожилых женщин, как правило, — из темных, прилегающих в талии, с воротником как у халата (камзол чапан, пахтали камзул).

Жилеты были неотъемлемой принадлежностью женского костюма. Их шили на подкладке из разных тканей, в зависимости от возможностей и положения женщины, украшали узорной белой

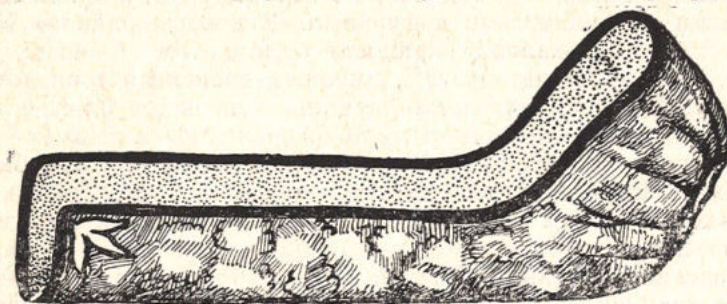
⁵⁶ Троицкая А. Л. Женский зикр в старом г. Ташкенте. — «Музей антропологии и этнографии», т. VII. Л., 1927, с. 190.

⁵⁷ Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960, с. 74.

строчкой, пуговицами, богатым орнаментом. Особенно славились бухарские, шахрисабзские и китабские безрукавки.

Разнообразен был ворот у жилетов: в виде стоячего или отложного воротника, круглого выреза вокруг шеи, но чаще всего — без воротника, с вырезом. По бокам жилетов делались карманы, носили их под камзолом или халатом. Значительно больше традиционных черт сохранилось в костюме пожилых женщин.

Головной убор играл важную роль в костюме замужних женщин и имел множество вариантов. Изучение головных уборов пред-

Головной убор женщин „кулута“ или „кийгич“. Село Шакартери (Шахрисабзский район, Кашкадарьинская обл.)

ставляет интерес в том смысле, что именно в нем сильнее всего проявились своеобразные традиционные черты, в наибольшей степени сказались социальные и идеологические факторы⁵⁸.

Головной убор имел общее название «бош кийим», включающее в себя тюбетейки, кулута, кийгич, касава, лачак, платки, сала, локи и т. д. Женские тюбетейки (дуппи, туппи) состояли из верха (авра, тепа), околышка (кизак, кант, джняк) и подкладки (астар). Название давалось в зависимости от материала, из которого их изготовляли, способа шитья, вида узора, места производства. Если раньше это был преимущественно головной убор мужчин, то после Октябрьской революции он повсеместно вошел и в женский, и в девичий костюм⁵⁹. Тюбетейкам была посвящена специальная работа, поэтому нет необходимости останавливаться на них подробно.

Дуппи в прошлом считался головным убором молодых. Его носили девочки, девушки и молодые женщины. Женщины средних лет и пожилые издавна одевали кулута (культа) с валиком и называли его «дуппи». В кишлаке Такайкилди Чиракчинского района и прилегающих к нему местностях носили кийгич и тоже называли его «дуппи», среди двуязычного населения — «калпок»⁶⁰.

⁵⁸ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, с. 300.

⁵⁹ Сухарева О. А. Тюбетейка. — В кн.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Ташкент, 1954, с. 149.

⁶⁰ См. подробно о калпаках: Там же.

Тюбетейка (калпок) шахрисабзского типа шилась из ткани (зард паранг), край которой обшивался джияком — по зеленому фону вышивались фигурки малинового цвета. Весь орнамент окантовывался черной полоской. Подкладки делались из цветастого материала двух расцветок. Сбоку пришивались кисточки из желтого и синего шелка. У другого вида тюбетейки (ироки калпок) на темно-синем фоне вышивался многофигурный геометрический орнамент (красного, белого, желтого и лилового цвета). Край отделялся джияком, швом ироки, по зеленому фону оранжевыми и лиловыми трехзубцовыми фигурками. В южных районах Узбекистана тюбетейки-калпок украшали орнаментом (санама, чизма, ироки, тайдузи, пильтадузи)⁶¹, имевшем свой неповторимый рисунок (офтоб пароз, качгул, чаппарчинни гул, чинор барги и др.).

Головной убор невесты и молодой женщины назывался келин дуппи или келин калпок. В кишлаке Акиртма Дехканабадского района Кашкадарьинской области, например, имел вид круглой шапочки с круглым донышком в 5 см и кантом из красного материала (чироз).

Женские головные уборы были очень разнообразны. Самый распространенный из них (культя) представляет собой круглую шапочку из хлопчатобумажной ткани, обшитую тесьмой, с круглой макушкой, пришитой в сборку. Она состояла из переднего околыша, донышка и наосника. Однако культура могла быть и без наосника⁶². Передняя часть сшивалась из двух прямоугольных полосок. Задняя представляла собой прямоугольную полоску, которая соединялась с донышком и кроилась из одного цельного куска материи прямоугольной формы.

В этнографической литературе упоминается о мягкой шапочке (кулута или сарпушак) у таджиков Гармской области⁶³ и верховьев Зарафшана⁶⁴. В южных районах Узбекистана культура была известна под названием «кийгич». Она встречалась и у населения Самаркандской области⁶⁵, зарафшанских кипчаков⁶⁶, в Кашкадарье и в районах Ферганской долины: носили ее в основном пожилые женщины. В некоторых местах кийгич стегали на вате.

Вышитый узором платок капдон кроился из белой, бордовой, розовой и желтой материи, края которой отделялись бахромой (сочик). Капдон накидывался на голову и свободно спускался на

⁶¹ О шитье и технике «пильтадузи» см. там же, с. 156—157.

⁶² Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 117; Сухарева О. А. Древние черты головных уборов Средней Азии, с. 307; Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, с. 302; Этнографические черты узбекского сельского населения, с. 124.

⁶³ Русаякина С. Н. Народная одежда таджиков Гармской области. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. М., 1959, с. 164.

⁶⁴ Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зарафшана, с. 134. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970; Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского. — «Русский вестник», т. 72, 1884, с. 56.

⁶⁵ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 264.

⁶⁶ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 118.

грудь и плечи. Носили его девушки Кассанского района до замужества, а женщины — поверх головного убора (шох бош). Капдон белого цвета носили после выхода замуж 40 дней (чилля). Вновь его одевали лишь в случае смерти близких родственников и не снимали в течение одного года. Девушки носили капдон бордового цвета, вышитый скромным узором⁶⁷.

Девичий головной убор (касава) имел цилиндрическую форму. Основа из картона или нескольких листов бумаги обертывалась шелковым или простым платком красного и бордового цвета, концы которого завязывались, а макушка оставалась открытой⁶⁸.

Некоторые женские головные уборы были сходны друг с другом по покрою и назначению (лачак, кийик и гизза). Лачак — один из старинных головных уборов⁶⁹. Этимология слова лачак неясна, однако с XV века им обозначался женский головной убор. Встречается он и в произведениях А. Навои. В Ташкенте и Ташкентском оазисе лачак набрасывался на голову, а свободные концы спускались на спину и грудь, для лица прорезывалось овальное отверстие. Такой покрой лачака имеет генетическое родство с казахским и каракалпакским кимешеком⁷⁰. Лачак бытовал и у других народов⁷¹.

В южном Хорезме основу лачака составляла стеганая тахья, поверх которой наворачивали белую ткань, которая обрамляла лицо, свешиваясь в виде петли, закрывающей шею и грудь. Лачак одевали после рождения первого сына. У молодых женщин в цвете лачака преобладали красные тона, после сорока лет женщины носили лачак белого цвета.

В прошлом манера ношения головного убора в значительной мере зависела от возраста и семейного положения женщин. В первый год замужества они одевались более нарядно и носили тяжелые свадебные и праздничные головные уборы, множество украшений. Пожилые женщины одевались скромнее.

Среди пожилых женщин распространены платки из белой тонкой хлопчатобумажной ткани, марли (дока-румол). Молодые женщины и женщины средних лет носили платки фабричного производства из хлопчатобумажной материи разных расцветок (паранг румол), пуховые (тибит румол) из верблюжьей и козьей шерсти. Большой популярностью пользовались платки «дурра», «дуррача», «манглайча», «пешнаванд» и другие.

Манера повязывания платков имела свою традицию. Девушки

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 119.

⁶⁹ Гюзальян Л. Г. и Дьякова М. М. Иранские миниатюры в рукописях Шахнаме ленинградских собраний. Л., 1935, табл. 3, 39, 45; Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр, рис. 13.

⁷⁰ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии.

⁷¹ Ершов Н. Н., Широкова З. А. Альбом одежды таджиков, Душанбе, 1968, с. 8.

носили платки, сложенные углом и завязывали их на лбу. А невесты и молодые женщины накидывали платки с распашными концами (локня-банд). В холодное время года платок завязывали под подбородком или на затылке. Налобная повязка (пешнаванд) пожилых женщин была невысокой, мягкой, плотно облегла голову.

По материалам В. С. Симоновой, изучавшей в Сурхандарье головные уборы «салла» или «бош», можно судить, что они являются привилегией замужних женщин. В первый раз саллу надевали молодой в доме отца после никоха, в редких случаях — в доме мужа⁷².

Убор салла женщины среднего возраста состоял из шапочки-кйгич или кулута, на которую наматывали тюрбан из красной материи длиной от пяти до пятнадцати метров. На этот тюрбан наматывали еще 12—17 разных платков, а в праздники и на свадьбах — по 25—35 платков разного материала и расцветок. Эти платки назывались по цвету и характеру ткани и имели строго определенную форму.

Половной убор отражал имущественное положение женщин. Более состоятельные носили «бой салла» или «бой бош», а менее богатые — «камбагал салла» или «камбагал бош». Это деление наблюдалось и в Сурхандарье среди населения кунгратов, носивших в прошлом головной убор «салла» или «бош»⁷³.

В Хорезме женский головной убор состоял из чалмообразно накрученной длинной полосы белой материи или из неразрезанных ситцевых платков разного цвета, либо из накрученного шелкового шарфа (турме), чаще красного цвета (башурау-дакене). В старину девочки, начиная с 12 лет, носили поверх тахьи маленькие башурау. У бедняков для башурау девочек служили платки красного цвета (орамал, турме) шелковые (джупке или айдилла) и хлопчатобумажные шарфы, состоятельные люди для башурау покупали шелковые шарфы (сарандоз)⁷⁴.

Женская чалма в Узбекистане называлась «салла» (Самарканд, Бухара, Ташкент, а в уменьшенном варианте «саллача», «румол» (Хатирчинский район, Каракалпакия) и «локи» (Самарканд, Ташкент, Ура-Тюбе). Термин «локи», «локча», бытовавший в старину во многих местах в Самарканде, Ура-Тюбе и Бухаре, где он обозначал лишь часть чалмы, в настоящее время сохранился среди населения горного Таджикистана для обозначения женского головного убора⁷⁵. Женщины кишлака Карлук Кассанского района издавна носили и носят по сей день головные уборы «шош бош» («рогатая голова»)⁷⁶.

⁷² Симонова В. С. Головной убор узбеков-кунгратов «салла» или «баш» — В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 249—250.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 387—388.

⁷⁵ Русейкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области, с. 195.

⁷⁶ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 119—122, рис. на с. 121.

Полевые этнографические материалы дают возможность познать с головными username женщин кишлака Акиртма Дехканабадского района, которые во время свадьбы или религиозных праздников (хайитов) носили большой головной убор, состоящий из десяти платков, рогообразной формы (чамбар шох). Эти головные уборы были очень удобны в условиях жаркого климата и пользовались большой популярностью у женщин.

Головные накидки являлись незаменимой частью верхнего женского костюма. Они носились поверх головного убора, при случае ими закрывали лицо. В горных и расположенных в степной зоне кишлаках женщины издавна пользовались большей свободой, чем в центральных кишлаках, и ходили, не закрывая лица. Но по обычаю при встрече с посторонним мужчиной они старались стать боком и прикрыть лицо платком или рукавом платья.

В городах и кишлаках крупных оазисов накидками являлись паранджи (чачван)⁷⁷, представляющие собой большой и широкий халат с откинутыми на спину и скрепленными внизу друг с другом длинными и узкими ложными рукавами, полностью скрывающий фигуру женщины. Лицо женщины закрывала густая прямоугольная сетка (чачван, чимбат) из черного конского волоса, обшитая по краям черной материей. В наше время паранджа полностью исчезла из быта.

Во многих кишлаках южной и юго-западной части Узбекистана женской головной накидкой служил легкий халат (джеляк) из полосатого материала (кандил) с фальшивыми рукавами. Он вошел в комплекс женского костюма как часть девичьего приданого для повседневной носки, при этом его покрой почти не изменился. При выходе из дому на голову набрасывали джеляк так, чтобы один из рукавов приходился на затылок и спускался на спину. Как головная накидка джеляк был известен не только в Узбекистане, но и другим народам Средней Азии. Он подразделялся на два вида, в зависимости от социального положения того, кто его носил. Первый вид (камбагал желак) шился без всяких украшений, иногда и без рукавов; второй обшивался кантом, рукава кроились из ярких шелковых материй, вышитых узорами (бой желак).

Другой вид головной накидки (жегда) тоже представлял собой халат с ложными рукавами. Под этим же названием он был известен узбекам дельты Амударьи⁷⁸ и каракалпакам⁷⁹. В Хорезме женщины набрасывали на голову джегде — белый халат с очень длинными и узкими ложными рукавами, забрасываемыми во время

⁷⁷ История паранджи подробно описана в работах: Пугаченкова Г. А. К истории «паранджи». — «Советская этнография», 1952, № 3; Сухарева О. А. К истории костюма населения г. Самарканда. — «Бюллетень АН УзССР», 1945, № 12; Лобачева В. А. Почему мусульманки носили паранджу? — «Наука и религия», 1970, № 12.

⁷⁸ Под термином «джегде» был известен и мужской халат, см.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 254; Задыхина К. Д. Узбеки дельты Амударьи, с. 382, рис. 25а.

⁷⁹ Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса, с. 567.

ношения халата на спину. У девушек джегде отделялась вышивкой и узорной тесьмой, сплетенной из цветных ниток. Ворот сшивался из двух кусков черного сатина и терракотового сукна и отделялся темно-красным джияком. Место соединения двух кусков заделывалось тамбурной вышивкой (йурма). Покрой джегде был прямой. В рукава вставляли ластовицы из шелка (подшой), на каждый рукав нашивали по три треугольника из черного и один из красного материала, а к крайнему из них прикреплялась шелковая из красно-зеленых ниток завязочка для крепления рукавов на спине.

В Кашкадарьинском оазисе существовал и существует поныне короткий халат, набрасываемый на голову подобно джейляку и джегде (курта). Его делают, в основном, из хлопчатобумажной ткани ярких тонов, чаще всего красного и розового цвета и носят постоянно во дворе. Шьют также накидки из более дорогих тканей со всевозможными украшениями (куртакур).

По рассказам старожил, куртакур предназначался для невесты, молодой женщины и переходил из поколения в поколение. Шили его по заказу в крупных кишлаках — таких, как Кызылча, Акиртма, Такашур Дехканабадского и Гузарского районов Кашкадарьинской области. Аналогичные накидки мы находим у узбеков дельты Амударьи и каракалпаков⁸⁰.

Пожилые женщины Кашкадарьинского оазиса носили большие покрывала (латта, чарси, 12 чоракли румол). Подобные покрывала встречаются и у таджиков⁸¹.

В Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях существовал головной платок (гарди румол), который изготовлялся из красной ткани маль-мали размером 104×118 см с белым и розовым растительным орнаментом. Платок-накидку носили девушки и молодые женщины на улице (при посторонних — поверх тюбетеек), закалывая булавкой (туйравуч), при этом два конца висели на спине, а два спадали на лицо.

Головной убор (касава) у карлуков Шурчинского района бытовал вплоть до коллективизации, изредка встречается и теперь. Касава изготовлялась из картона: несколько склеенных листов бумаги либо старой материи в виде цилиндра обертывались шелковым или простым платком, концы которого завязывались, а макушка оставалась открытой. На лобовую часть навешивались различные металлические украшения. Подобный убор в прошлом имелся и у жителей окрестностей Бухары, а также узбеков дельты Амударьи⁸².

Обувь была кустарной, ее шили местные мастера-усто (этикдуз, максидуз, кавушдуз). В прошлом женщины-узбечки носили

⁸⁰ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 378; Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса, с. 556.

⁸¹ Таджики Каратегина и Дарваза, вып. II. Душанбе, 1970, с. 171.

⁸² Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 119; Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 378.

полузакрытую обувь из желтой или коричневой кожи (малла кавуш). Кавуш были основным видом обуви большинства населения Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей. Здесь также была распространена обувь из более качественной замшевой кожи (кемухт) зеленого цвета (кук кавуш). Туфли на высоких каблуках со сравнительно узкими носами из яркой кожи, преимущественно хромовой, на толстых подошвах (ногайи, хаккари или кора кавуш) могли носить лишь женщины состоятельные. В Ташкенте, Самарканде, Бухаре были широко распространены женские кавуши с узкими носами, с низким задником, на низком каблуке (зайфона кавуш). Летом кавуши надевали на босую ногу, осенью и весной — с мягкими ичигами (махси).

По традиции прически разделялись на девичьи и женские. Еще в XIX в. в Ургуте, Самарканде, Бухаре и Ташкенте девушки делали прическу из четырех — шести косичек, что зафиксировано в археологических памятниках⁸³. В исследуемых районах самыми распространенными были четырех-, шести-, восьми- и двенадцатикосные прически. В Ферганской долине и Кашкадарьинской области до выхода замуж девушки заплетали мелкие косички от четырех до двенадцати и более. Наряду с этим существовал обычай носить две заплетенные косы на затылке. В ряде кишлаков Кашкадарьинского оазиса многокосную прическу стали носить только после 50-х годов под тюбетейкой или маленькой косыночкой.

Основное различие между прической девушки и замужней женщины состояло в том, что последняя должна была убирать волосы под головной убор. Чаще всего замужняя женщина заплетала волосы в две косы. Девушки заплетали пять кос (беш кокил). Овдовев молодая женщина снова заплетала пять кос до нового супружества⁸⁴.

У народов Средней Азии, в том числе и у узбеков, сохранились прически, с которыми были связаны различные поверья и обряды. Например, в городах Ферганской долины молодые женщины до рождения первого, а иногда даже и второго ребенка, заплетали волосы у затылка в 4—8 мелких кос. В Намангане тщательно приглаженные спереди волосы спускали по верхней части лба двумя большими фестонами. В Коканде многие франтихи оставляли за каждым ухом по локону. Концы кос всегда закрепляли шнурками, скрученными из ваты: считалось, что если оставить концы незакрученными, то на горячем летнем ветре (гармсел) волосы вылезут⁸⁵.

В некоторых кишлаках Кашкадарьинского оазиса (Такайкикилди, Палман, Тудамайдан, Атчапар и др.) девушки и женщины но-

⁸³ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, с. 313.

⁸⁴ Хорошкин А. П. Сборник статей, касающийся до Туркестанского края. — «Туркестанский сборник», т. I, 1867.

⁸⁵ Наливкины В. и М. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, с. 92.

силы и носят по две косы, независимо от их семейного положения, с той лишь разницей, что девушки заплетали две косы сзади, чтобы их не было видно из-под головного убора, а замужние женщины носили две косы перед ушами так, чтобы они выступали из-под головного убора.

Замена девичьей прически на женскую происходила по-разному. Например, прически сменяли на третий день после свадьбы, заплетая две косы: при этом оставляли возле ушей прядь волос (зулфак), которая сохранялась до конца жизни (оазис Кашкадарья, Бухара, Сурхандарья, Ферганская долина, Ташкент). Смена девичьих причесок на женские сопровождалась пирышеством (бош туйи). В этот день резали барана и устраивали угощение, в котором принимали участие лишь женщины и девушки. После угощения многодетная мать заплетала волосы в две косы, одновременно ее обряжали в нарядное платье. Обряд этот назывался «соч туйи».

Женщины издавна украшали волосы искусственными подвесками, сережками из соцветия тала или ивы (бишак, баргак). В кишлаках девушки и молодые женщины вплетали в косы серебряные подвески с черными нитками из шелка или хлопчатобумажной пряжи (чалмур, жамалак). Девушки носили пупак или сочпупак, молодые женщины носили жамалак или тахтажамалак — матерчатую планочку, которая пришивалась к косам снизу. Иногда к косам прикрепляли отдельную полоску материи с нашитыми на нее пуговицами или петлями, планочку со шнурками с подвесками⁸⁶.

Молодые женщины, когда меняли девичью прическу на женскую, подвешивали к волосам толстые черные хлопчатобумажные шнурки с металлическими бубенчиками и бахромой на концах. Пожилые женщины издавна носили подвески для кос, состоящие из черных нитяных кистей.

Уход за волосами. Волосы расчесывали на прямой пробор (фарк) и заплетали в косы раз в неделю. Голову сначала мыли кустарным мылом, а затем кислым молоком для укрепления корней волос. Не принято было мыть голову во вторник и по базарным дням⁸⁷, это делали обычно по пятницам, реже — по четвергам или субботам. Для мытья использовались также корни и стебли разных растений, например толченые стебли мальвы (гулхайри).

Женщины-узбечки издавна пользовались всевозможными косметическими средствами. В центральных, близлежащих к городу кишлаках сказывалось влияние городского населения, которое располагало богатым ассортиментом косметических средств. В дальних кишлаках женщины пользовались местными средствами.

⁸⁶ Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976, с. 108.

⁸⁷ Наливкины В. и М. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, с. 92.

В конце XIX — начале XX в. женщины всех слоев населения пользовались кремом для лица (ус кизил). Для смягчения кожи лица и рук употребляли баранье, козье и коровье масло. Молодые и среднего возраста женщины подравнивали брови и удаляли чрезмерную растительность с помощью металлического приспособления (муйчинак), которое изготавливали бродячие цыгане. Для окраски бровей широко пользовались усмой, которую разводили в садах и во дворах. Усма издавна широко известна народам Средней Азии. «Какие брови! Крася их испортишь лишь усмой» — писал Алишер Навои. Состав изготавливался из сока растения⁸⁸.

Популярны были искусственные родинки (хол). Обычно их делали бродячие цыгане при помощи иголки. Эти наколки сохранялись на всю жизнь⁸⁹.

В особо торжественных случаях девушки и молодые женщины окрашивали ладони и ногти рук хной. Желтовато-красный цвет держался долго. Хна — очень распространенное растение в Узбекистане. Обычно его разводили в садах и во дворах как декоративное, а листья и цветы употребляли для окрашивания.

В торжественных случаях, отправляясь на свадьбу или в гости, женщины окрашивали ресницы сурьмой, которую привозили из России в виде порошка. Как косметическое средство менее известна была привозимая из России упа. Она представляла собой свинцовые белила и употреблялась в большинстве случаев женщинами, у которых цвет кожи лица был желтым или несвежим. Кроме того, широко пользовались женщины средством для подкрашивания щек (эллик), которое изготавливалось в Коканде. Издавна известен был способ подкрашивания зубов в черный цвет (тишкали). Краску изготавливали из листьев фисташкового дерева и железной окалины. Из сумбула — корня, пахнущего мускатом, делали местные духи.

Детская одежда

Узбеки, как и другие народы, уделяли большое внимание детям, их воспитанию. В прошлом из-за постоянной нужды, отсутствия медицинской помощи, влияния религиозных предрассудков процент смертности среди детей был очень высоким. Болезни и смерть детей жители приписывали сглазу, действию злых духов и другим сверхъестественным силам. Отсюда появились различные обычаи и обряды, помогающие, по мнению жителей, уберечь детей от болезни или смерти. Например, в народе существовало поверье, по которому с рождением ребенка его окружали и злые духи, поэтому

⁸⁸ Краузе И. О косметических средствах туземцев Туркестанского края. — «Ежегодник Туркестанского края», т. II, 1973, с. 447.

⁸⁹ Антипина К. И. отмечает обычай нанесения полосок на лицо и у киргизов, считая это сохранившимся пережитком татуировки лица. См.: Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства, с. 266.

одеваемая на ребенка в первые сорок дней одежда «оберегала его от дурного глаза». Первая рубашка представляла собой лоскут из мягкой ткани (ит куйлак), сложенный пополам, с прорезью для головы. В некоторых случаях боковые стороны сшивали. Эту рубашку ребенок носил до первого купания, после чего одевали другую (чилла куйлак), а первую надевали на собаку: действие злых духов, по мнению верующих, переходили на собаку, а ребенку оставалось только добро, здоровье.

Мальчик в традиционном костюме—халате-чапане. Янгйюль (Ташкентская обл.)

Девочка в традиционном костюме. Ферганская долина

В возрасте 2—3 лет на ребенка одевали куполообразную шапку, сделанную из бархата или другой плотной ткани. Девочкам с 1,5—2-летнего возраста одевали штанишки, а мальчикам — лишь в 12 лет.

Значительные различия в одежде мальчиков и девочек проявлялись уже с 7—8-летнего возраста. Девочки носили большие, до

щиколоток, рубашки и длинные штаны. Нижняя и верхняя одежда для девочек шилась из одноцветной ткани — красной или бордовой. Головным убором служили тюбетейки с вышитыми узорами. Детям обоих полов старше 10 лет надевали рубашки кифтаки с воротом горизонтального разреза. Их носили до определенного возраста: мальчики до 16—20 лет, а девушки до выхода замуж. Нагрудники для младенцев (ошхурак, авадан, кукракча, балаги

Девочки в нарядных платьях на кокетке. Ташкентская обл.

сулукча) часто имели круглый вырез у шеи и разрез на плече, бока не зашивались и завязывались тесемками.

Из теплой детской одежды следует выделить жилеты и камзолы, которые одевали по вечерам и зимой, а также длинную рубашку, стеганную на вате (гуппи). Головным убором для маленьких детей служила тюбетейка (тахья), стеганная на вате шапочка (топпи) и украшенная перьями, кистями или помпонами шапка (малахай).

Девичьи платья (посон кулак, кашта куйлак) были традиционной в начале XX в. одеждой на территории Самаркандской, Сурхандарьинской, Бухарской и Кашкадарьинской областей, частично

в Ташкентской области. Они шились из цветного материала с вышивкой на подоле, груди, воротнике и по краям рукавов. Первое время такие платья одевали лишь по праздникам, в гости, позднее и в будничные дни. Мальчики и девочки дома ходили лишь в одной рубашке. Зимой носили стеганные на вате рубашки (гуппи). В качестве зимней верхней одежды детям служили стеганные ха-

Девочки в традиционном костюме. Ферганская долина.

латы (тун). В начале XX в. среди девочек распространился камзул, камзулча.

Мальчики в кишлаках верховьев Кашкадарьи подвязывались поясным платком (камар, кайиш). Встречались и специальные вышитые пояса. «Камар» или «ироки камар» — детский пояс, вышитый швом «санама» или «ироки» с подкладкой из черного гладкого сатина. Детские головные уборы украшались бусинками, перьями филина и т. д.

Девочки с 12—14 лет надевали касаву⁹⁰ и накрывали голову паранджой. Зимой мальчики носили стеганные шапочки (тумаки), меховые шапки-ушанки, наматывали на тубетейку белбог, белкарс. В холодное время дети обоих полов носили кавуши, сапоги, ичиги, мукки, черик и т. д., кустарные детские ичиги-макси местного фасона изготавливались из красновато-коричневой кожи. Мастеров, которые изготавливали детские ичиги, в народе называли «бачканачилар».

⁹⁰ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 123.

Начиная с трех-четырёх лет девочкам прокалывали уши, а в некоторых областях левое крыло носа. Девушки носили накосники (бишак, баргак, шавалак, тахташавалак), черные с белыми крапинками бусы.

Таким образом, в детской одежде по-своему отражены локальные черты быта и традиций узбекского населения.

Украшения

В состав узбекского женского традиционного костюма в конце XIX — начале XX в. как обязательный элемент входили ювелирные украшения. Они отличались своеобразием, так как каждый мастер творилсообразно своему вкусу. Изготавливали их чаще всего из бисера, серебра, золота, меди, бронзы, олова, других металлов и украшали бирюзой, сердоликом, перламутром, кораллом, стеклом, монетами, пуговицами и т. д. Реже встречались украшения, отделанные драгоценными камнями — жемчугом, рубинами, изумрудами. Издавна славилась и привозные драгоценные украшения, сделанные в таких крупных городах, как Бухара, Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан, Маргилан, Наманган, Ходжент, Карши, Шахрисабз. При изготовлении мастера (заргарлар) использовали различные приемы обработки металлов: горячую и холодную ковку пластин, напай, позолоту и т. д. Ювелирные украшения гармонично сочетались с одеждой, ее формой, линиями, цветом. Появление новых форм изделий, манеры их носить и сочетания цветов обуславливались как сменой эстетических вкусов, так и изменением силуэта и кроя одежды.

Различались украшения девочек, девушек, невест, молодых матерей и пожилых. Следует отметить, что научная классификация женских ювелирных украшений еще не разработана. Предварительным этапом ее может служить выделение определенных видов изделий у отдельных этнических групп⁹¹ или регионов. Женские ювелирные украшения можно разделить по способу ношения на следующие виды: головные, ушные, носовые, нагрудные, шейные и наручные.

Головные украшения включают в себя налобные и височные. Налобные украшения по своей форме разделялись на три типа: в виде кокошника (тилла кош), диадемы (баргак, силсила) и налобные подвески (мохи тилла, зулфи тилла и хатабак). Все они подробно описаны в литературе.

Украшение «султон джига» состоит из металлических или серебряных пластинок с несколькими острыми концами; украшенны-

⁹¹ Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии, с. 113—142; Чвырь Л. А. Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция. — «Советская этнография», 1972, № 1, с. 39—51; Борозна Н. Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана. — «Советская этнография», 1974, № 1, с. 33.

ми разноцветными сердоликами, которые прикрепляли к головному убору (шох бош, касава) выше виски, острыми концами вверх. Налобные подвески (мохи тилла, зулфи тилла, хатабак) представляли собой комплект, состоящий из трех крупных подвесок в виде полумесяца с концами, обращенными вверх. Название их символично: «мох» (луна), «тилло» (золото) «золотая луна». Подвески прикреплялись крючками к головному убору, свешивались на лоб и на виски, как катмала куррак и чеккадуо. Иногда тилла кош носили в сочетании с черными шнурами (зулфи тилла), на которые нанизывались черные кисти с серебряными бубенчиками. Шнуры пришивались к налобной повязке или наматывались на головной убор.

По всей территории Узбекистана женщины украшали волосы искусственными подвесками (бишак, чалмур, чамалак, джамалак, тупак, сочпопук и другими). Серьги (халка, балдок) являлись самым распространенным и излюбленным украшением как у сельского, так и городского населения народов Средней Азии. Они представляли собой тонкие металлические обручи с перекладинами, на которые нанизывались разноцветные бусинки. Нижняя часть украшалась разноцветными сердоликами, миндалеобразными и шарообразными подвесками. Встречались и круглые серьги с тремя-семью подвесками из изумруда, жемчуга, кораллов и серебряных бус. Их носили начиная с раннего детства до конца жизни. Однако в зависимости от возраста, семейного положения женщины менялись формы и качество серег. По сей день сохранились в некоторых районах украшения, которые передавались от поколения к поколению. Например, в кишлаке Акиртма имеются образцы серег длиной 10 см с круглым красным сердоликом и пятью подвесками, называемыми «серьги с пятью ногами» (беш оекли сирга).

Носовые украшения (аравак, натти, четнатти, литвинни, халвинни, латива, булаки и т. д.) отделаны глазками красного и зеленого сердолика, представляют собой небольшие кольца или розетки из серебра с бусами и подвесками из кораллов и перламутра. Их носили в правом крыле носа. По сообщениям жителей кишлаков Кашкадарьинской области, подобные украшения в прошлом изготавливались из чистого золота и предназначались для невест. Носовые украшения различались двух видов: основу одного составляло кольцо, отделанное снаружи спиралевидной проволокой, другие имели форму звездочки. Женщины носили кольцеобразные серьги (аравак). В прошлом бытовали обычаи, по которым во время пиршества женщины продевали 4—5-летним девочкам носовые серьги, а в день бракосочетания — в правое крыло носа невесты. Однако эти обычаи давно забыты.

В качестве нагрудных и шейных украшений применялись кораллы (маржон, калампурмаржон) и бисер (нозик), орнаментированные медальоны (зебигардон, нозигардом, хапамант). К этому типу украшений относились и ожерелья из металлических деталей —

амулеты (бозбонд). Металлические ожерелья состояли из серебряных медальонов, квадратных прямоугольных и фигурных пластин, соединенных цепочками. Поверхность медальонов или пластин была украшена вставками из разноцветных стекол, чернью, гравировкой, позолотой. К этому типу ожерелий относились так называемые зиби-гардан, нози-гардан и хайкаль. Они характерны в основном для узбеков, но были известны таджикам, казахам и киргизам.

Ожерелье джавак (арпа мунчок) состояло из серебряных бусин или ромбовидных пластинок, которые чередовались с сердоликовыми или коралловыми бусинками. К пластинам крепили подвески из полых фигурок, напоминающих зерна ячменя. Джавак был распространен в Ферганской долине, Зарафшанском, Ташкентском и Кашкадарьинском оазисах, в Бухаре. Ожерелья, состоящие из бисера и бусин, часто встречались среди оседлого и полuosедлого населения Узбекистана, у других народов Средней Азии. Они состояли из трех, четырех или пяти ниток кораллов, которые сочетались с ажурными или серебряными бусинами.

Среди нагрудных украшений отличались амулеты-тумары и базбанды, сделанные из серебряных футляров прямоугольной, квадратной и цилиндрической формы. Тумары-амулеты разделялись на два вида: грудные (кукрак-тумар) и шейные (буйин тумор). Последние имели форму серебряных и золотых закрытых цилиндров, украшенных камнями и бирюзой. В них вкладывали написанные на лоскутке бумаги молитвы, «предохранявшие от болезней и нечистых духов», и носили на груди и шее. Большой популярностью пользовались ожерелья (мунчок ханабанд, хайкаль, хурпия, уркия и др.). Их количество и качество зависело от состоятельности владельцев.

Ожерелье из собранного бисера (хапабанд) спускалось на грудное ожерелье (кукрак-мунчок) и обычно имело круглый металлический или серебряный амулет (бозбонд) на конце. Украшения такого типа были широко распространены среди всех народов Средней Азии и имели общее название.

Выделяются ожерелья из серебряных монетообразных, квадратных и фигурных пластин, соединенных несколькими рядами цепочек длиной 44 см и украшенных вставкой из разноцветных стекол, черной гравировкой с белыми круглыми четырехугольными амулетами и красным сердоликом (хайкаль). Молодые женщины носили украшения (хурпия, урпия), к которым прикрепляли пять больших и маленьких монет, а в середине — сердолик (акик). Невесты и молодые женщины носили украшения, состоящие из цветного мелкого бисера и бусинок, нанизанных вручную (тамаклов). Широко известны украшения, состоящие из мелких бусинок и разноцветных кораллов (тенгмат), представляющие собой три-четыре нити красного бисера (мунчок), в середине скрепленные монетами. «Царская монета» (подшои танга) — украшение куполообразной формы из серебра, по краям которого имелись подвески и бу-

бенчики, а куполообразная часть была отделана резным орнаментом и покрыта позолотой (кукрак-мунчок).

Ручные украшения состояли из браслетов (билак узук, билай джузук) нескольких типов: застегивающихся при помощи серебряного стержня, прорезные или сплошные широкие, отделанные гравировкой и вставками из камней. Браслеты были несомкнутые, украшенные чеканкой и т. п. Своеобразны по форме браслеты, нанизанные из разных бусинок. Браслеты кустарного изготовления представляли плоский обруч с чеканными узорами из белого или позолоченного металла. Состоятельные женщины носили браслеты, украшенные бирюзой и позолотой, изготовленные в крупных ювелирных мастерских Бухары, Хивы, Ташкента, Самарканда, Карши, Шахрисабза, Коканда, Андижана, Намангана и Ферганы.

Широко бытовали кольца (узук), украшенные примитивным орнаментом или вставками из камней, с сердоликовыми глазками. Выделялись перстни с крупным камнем в целостной серебряной оправе, гладкой или слегка орнаментированной. Кольца обычно носили на указательном, безымянном пальцах и мизинцах обеих рук. Золотые кольца надевали реже, в торжественных случаях.

Из рассказов старожиллов известно, что в прошлом мужчины также носили украшения. Мужской костюм украшался расшитым кожаным поясом с металлическими бляхами и фигурными подвесками, среди которых красовались всевозможной формы ножи. В прошлом существовало мужское металлическое головное украшение (джига) овальной формы, украшенное цветными камнями и перьями филина (обычно надевалось жениху в день свадьбы или мальчику в день обрезания).

Детские украшения были очень разнообразны. Некоторые из них пришивались на головные уборы, верхнюю одежду, на руках или на шее дети носили маленькие ожерелья. Большинство детских украшений имело «магическое» назначение.

Ювелирные украшения народов Средней Азии имели между собой много общего благодаря торговому обмену между ювелирными мастерскими среднеазиатских городов.

Таким образом, одежда населения Узбекистана накануне революции в известной мере отражала сложность национального состава и социального развития населения. Сохранение пережитков родо-племенной организации и феодальных отношений, многогранность внутренней этнической структуры населения Узбекистана создавали большое разнообразие и пестроту в формах и в типах традиционной народной одежды.

Великая Октябрьская революция оказала огромное влияние на изменение быта и культуры народов Средней Азии, в том числе и узбеков. С 20-х годов нашего столетия усилилось стирание резких локальных особенностей в одежде, постепенно стала складываться общенациональная форма народного костюма.

Глава третья

ПИЩА

Растительная пища

Преобладающими в узбекской национальной кухне были зерновые и мясо-молочные продукты, овощи и фрукты, производимые в хозяйствах крестьян, излишки которых продавались на рынке. Их основными покупателями были городские жители, главным образом ремесленники. Последние, в свою очередь, обеспечивали дехкан различными видами сельскохозяйственных орудий, ремесленными товарами и другой продукцией своего труда. Такой постоянный взаимообмен стимулировал непрерывный рост и обогащение ассортимента питания узбеков.

В пище узбеков большое место занимали мучные и крупяные изделия. Мука употреблялась пшеничная (бугдой ун), джугарная (жугари ун), кукурузная (маккажухори ун), ячменная (арпа ун). Нередко использовалась просяная мука (тарик ун), из итальянского проса (кунок ун), чечевицы (ясмик ун). Из круп в пищу употреблялись рис (гурунч), маш, горох (нухот), чечевица (ясмик, жасмик), просо и др.

Муку мололи на мельницах — как водяных (сув тегирмон), так и работающих на тягловой силе (каш-каш, харос)¹. В сельской местности были широко распространены ручные мельницы (ёгирчок, култегирмон). В отдельных районах бытовали зернотерки (бочлик или ерма тош).

Хлеб (нон) издавна занимал в питании узбеков особое место. Обычно он выпекался из пшеничной муки, из кислого теста. Закусочной служил кусок кислого теста (хамиртуруш, ачитки), оставленный от прежней выпечки.

Для семьи пекли обыкновенную круглую лепешку (нон, чурек). Для гостей, семейных праздников или для продажи на рынке (бозори-нон) при выпечке лицевую сторону лепешки посыпали джутовыми семенами (кунжут), семенами мака (кукнор), чернушки (седана), украшали орнаментом и надписями (например, в Самарканде). В праздники, на свадьбу и в других торжественных слу-

¹ О харосе см.: Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, с. 121.

чаях пекли сдобные лепешки с добавлением сливок (каймокли нон), сахарного сиропа и масла (шакар мойли, гижда мойли), выжарок от бараньего и говяжьего сала (жиззали нон), мелко нарезанного лука, посыпанного красным перцем (пйёзли нон), тыквы (ковокли нон); небольшие круглые лепешки (кулча или кулча нон), приготовленные на молоке (сутли кулча) с добавлением жи-

Печь „тандыр“ для выпечки лепешек. Село Чиназ (Ташкентская обл.)

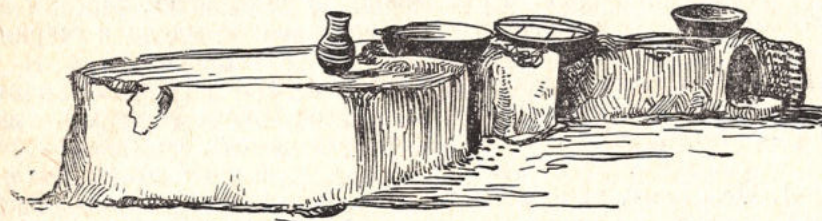
вотного жира или масла (ёгли кулча, мойли кулча), выжарок (жиззали кулча), тыквы (ковокли кулча)².

В Бухарской, Самаркандской и Хорезмской областях была широко распространена выпечка тонкой лепешки большого размера (60 см в диаметре, толщиной около 0,5 см). Лепешку под названием «лочира» (35—40 см в диаметре, толщиной 0,3—0,5 см) пекли в Ташкенте и Ташкентском оазисе. Тонкие лепешки выпекались в тандыре и считались диетическими.

² О многочисленных видах и названиях хлебных изделий узбеков см.: Махкамов Г. М., Погосянц А. И., Свинкин С. Н. Узбекские лепешки, с. 32.

В городах и в крупных селениях были распространены лепешки из кукурузной муки (ширмой нон, ширмой кулча), а в сельской местности — из джугарной муки (зогора). В бедных семьях пекли хлеб из ячменной (арпа нон) и просяной муки (тарик нон, тарик зогора), из итальянского проса (кунон нон, кунок загора). Во многих районах Узбекистана в бедных семьях, особенно в голодные годы, пекли хлеб из отрубей (кепак-нон или жириш-нон).

В торжественных случаях пекли пресные лепешки (патир). Тесто делалось слоеным или неслоеным. В слоеное добавляли много животного жира, сливок или растительного масла. Неслоеный патир, широко распространенный в Ташкенте, Ташкентском оазисе

Летняя кухня. Очаг. Село Актепе (Самаркандская обл.)

и в Ферганской долине, делался с добавлением небольшого количества масла, молока, тыквы, лука.

Все виды лепешек (в том числе и патир) в основном выпекались в особых печах (тандырах)³. Отдельные группы узбеков (кипчаки, карлуки, локайцы) до Октябрьской революции, а в некоторых местах — вплоть до 30-х годов, пекли хлеб на плоских раскаленных камнях (тоштова) и на чугунных сковородах (топа козон, това, топа), в котле (в последнем пекли лепешки котирма и чевоти). Котирма — круглая, тонко раскатанная лепешка из пресного теста (диаметром 16—18 см), выпеченная на раскаленных стенках котла. Чевоти — лепешка небольшого размера (6—7 см в диаметре) замешивалась на масле или жире.

В Ташкенте и Ташкентском оазисе чевоти пекли и в тандыре. Хлеб (в виде круглой буханки) пекли, запекая тесто в мелкие раскаленные угли, слегка покрытые золой (кумоч, кумма нон). Таким способом часто пекли хлеб пастухи. В летнее время тесто для кумоча замешивали на молоке, что улучшало его вкус и питательные свойства⁴. Во многих кишлаках Кашкадарьинской области пекли пироги с мясной начинкой (ишлик). Для этого готовили два листа теста круглой формы, на одном раскладывали мелко нарезанную свежую баранину, курдючное сало, лук и перец, а дру-

³ Об устройстве и установке тандыра см.: Шишов А. Сарты. Этнография. — Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области, вып. XI, ч. I. Ташкент, 1904, с. 56—157; Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 126—127; Махмудов К. М. Мучные блюда узбекской домашней кухни. Ташкент, 1960.

⁴ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 76.

гим плотно накрывали начинку. В центре второго листа оставляли небольшое отверстие, куда вставляли трубочки, сделанные из камышевого тростника или из самого теста. Сырой пирог закапывали в горячую золу, оставляя открытой только верхнюю часть трубочки. Его обычно готовили по случаю приема гостей.

Из кислого теста, помимо лепешек, готовили бугурсок — ромбовидные пышки, жаренные в масле, очень распространенные в Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областях и Хорезме. В Ташкенте и во многих районах Ферганской долины бугурсок делали шарообразным, величиной с грецкий орех. Круглый бугурсок готовили из сдобного теста. Для придания ему узора кусочки сырого теста скатывали по ситцу, затем бросали их по несколько штук одновременно в раскаленное масло и жарили до тех пор, пока тесто не приобретало розовый цвет.

Из кислого теста делали пирожки (самса) с различной начинкой: мясом (гуштли самса), круглой формы (самса фармуда), с луком (пиезли самса), с тыквой (ошковок самса), со съедобными травами (утли самса) и т. д. Все виды самсы пекли в печах (тандырах). Некоторые виды самсы делали из пресного теста (вараки самса) — слоеная самса с мясной начинкой и жареная в масле⁵.

Большинство из названных видов самсы предназначались для званых обедов у состоятельных горожан. Бедные слои населения, как городов, так и селений, чаще всего делали самсу с горохом, тыквой, луком и дикорастущими травами.

Из пресного теста делали слоеную лепешку (катлама), которую предварительно тонко раскатывали, смазывали салом или сливками (каймок), растительным маслом и жарили в котле. «Чалпак» — тонко раскатанное тесто, жаренное в масле, «юпка» и «чузма» — тесто, приготовленное также как для чалпака, но выпекавшееся на стенке котла. После того, как одна сторона теста выпекалась, юпку переворачивали, слегка смазывая испеченную сторону маслом, затем юпки складывали друг на друга и пекли еще 10—12 слоев.

В Ташкенте между слоями юпки кладут мелко нарезанное мясо, жаренное с луком и красным перцем. Чузму пекли также, как юпку, но каждый слой здесь складывали вдвое или вчетверо. В городах (особенно в Ташкенте) часто пекли фигурный хворост (куштиги — буквально: «язык птиц»), а также свернутый в трубку (урама).

Мучные изделия урама и куштиги готовились на праздники и для семейных торжеств; катлама, бугурсок и чузма — для свадебных церемоний и поминальных обрядов; чалпак — только для поминок. Из теста готовили и другие блюда. Например, в Хорезме делали небольшие круглые лепешечки (диаметром 5—6 см), жаренные в масле (поссух или поссик), пирожки в виде полумесяца

⁵ Подробно о видах современной самсы см.: Махмудов К. Узбекские блюда. Ташкент, 1970 (на узб. яз.).

с мясной начинкой, куда добавляли мелко нарезанный лук и перец, обжаренные в топленом масле (гумма). Любимым блюдом в Хорезме был пирог (паклама), приготовленный из нескольких (обычно 10) слоев тонкораскатанного теста, куда добавляли яйцо и молоко. Между слоями, смазанными топленым маслом, посыпали толченый миндаль или орех. Самый верхний слой смазывали яичным желтком, медом или посыпали сахарной пудрой. Этот пирог готовили в особо торжественных случаях.

Блюдо, сходное по форме с хорезмским гумма, но с несколько иной начинкой (гилминди)⁶. В летний период из тонкораскатанного теста готовили четырехугольные пирожки удлиненной формы с начинкой из съедобных трав, слегка поджаренные в масле. Такие пирожки в южных и юго-западных районах Узбекистана известны под названием «бичак».

Из поджаренной в сале или топленом масле муки готовили жидкую похлебку (атала). Ее чаще всего делали из пшеничной, реже — ячменной муки. В Ферганской долине готовили атала из кукурузной муки (маккайи атала), заправляя ее жареным луком, а также кислым молоком или маслом. Иногда атала варили на молоке, вбивая туда несколько яиц. Это считалось диетическим блюдом. В крестьянских семьях и у городских бедняков очень часто (особенно зимой) готовили блюдо из затертой муки на пресном или кислом молоке с маслом (умоч). Готовили также супы — лапшу, заправленную кислым, пресным молоком или маслом (угра, угра ош, ун ош, кескан ош).

В прошлом одним из излюбленных блюд полуседлого и оседлого населения (особенно жителей Ташкента) был «норин», приготовленный из тонко раскатанного теста. Куски теста предварительно варятся в мясном бульоне или в воде, затем их вынимают из котла, подсушивают, смазывают маслом, нарезают мелко, как на лапшу. Подобным же образом нарезают лук, баранье мясо, сало или сваренную конскую колбасу (казы), смешивают и подают к столу в холодном виде. Это блюдо у населения Ташкента называется «курук норин».

Из пшеничной муки готовят «кайиш» или «кулчатой». Тонко раскатанное тесто нарезается небольшими квадратиками и варится в кипящей воде, затем его вынимают из котла и кладут в отдельное блюдо, заправляют мясным соусом, кислым молоком или поджаренным в масле луком (кулчатой, беш бармах). У населения Ташкента это блюдо известно под названием «шилпилдок». Тонко раскатанное тесто, приготовленное как для кулчатой, сваренное в кипящей воде, а затем заправленное жареным луком у сельского населения среднего Зарафшана называется «мойли кулча».

⁶ См.: Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков. — В кн.: Этнографическое изучение быта и культуры узбеков, с. 101.

Среди городского узбекского населения были широко распространены пельмени с рубленным мясом и луком (чучвара, барак). Те же пельмени, но из более толстого теста у оседлого населения (в основном, у сартов) были известны под названием «оби» или «ови»⁷. Иногда (например, в Ташкенте) пельмени жарятся в масле (ковурма чучвара). Широко было распространено приготовление пельменей или вареников из съедобных трав (первые побеги люцерны, мяты, щавеля, пастушьей сумки и т. д.) в смеси с курдючным салом и яйцом (кук чучвара, кук барак, ут барак). В городах и во многих селениях Узбекистана (большой частью в Ферганской долине и в Ташкентском оазисе) очень популярны манты, в мясную начинку которых кладут кусочки курдючного сала, мелко нарезанный лук, черный молотый перец, тмин (зира), укроп, кинзу. Манты делают из тыквенного фарша (ошкочок манты), съедобных трав (утли манты).

Среди узбеков, особенно в сельской местности, были широко распространены оладьи (куймоқ). Для их приготовления замешивалась болтушка из пшеничной муки, пресного молока и яиц.

В Самаркандской, Ферганской и Хорезмской областях славится блюдо «тухум барак» или «маяк барак». Из куска тонко раскатанного теста делают продолговатые конвертики (или придают форму полумесяца), через верхнее отверстие которых наливают заранее приготовленную болтушку из яиц и топленого масла. После варки блюдо заправляют кислым молоком.

Некоторые блюда готовили из джугарной муки: густой мучной кисель, разведенный пресным молоком и заправленный кислым молоком или маслом (буламик)⁸, а также клецки, сваренные в мясном бульоне, иногда вместе с машем (сикмон). Осенью и зимой эти блюда были основной пищей крестьян.

Описанные блюда узбекской кухни приготавливались в основном из пшеничной, а в некоторых случаях — из ячменной, джугарной и кукурузной муки. Созревший ячмень предварительно поджаривали в котле, очищали от шелухи, после чего измельчали в ступке, а полученную сечку опять жарили в котле, добавляя туда немного масла, сахара, сушеные дыни или тутовые ягоды (талкон). «Ковурмоч»⁹ — жаренные в котле на масле пшеница или ячмень, а в некоторых случаях и пшено (тарик); «ярма» (ерма или жорма) — похлебка, приготовленная из пшеничной или просяной крупы, заправленная маслом, пресным или кислым молоком. Ярму варили вместе с тыквой (ковокли ерма), репой и во многих случаях с сушеным урюком, что придавало ей особый вкус. Из пше-

ничной и ячменной крупы готовили густую похлебку (гужа, гужа ош).

Из пшеницы готовили обрядовые блюда (халим и сумалак)¹⁰, обычно коллективно, по случаю праздника (курбон хайит). Пшеницу варили в натуральном виде вместе с мясом в течение 10—12 часов. Готовое блюдо раздавали односельчанам, прохожим, нищим. Весьма распространенная в прошлом обрядовая пища (сумалак) готовилась также во время новогоднего праздника (навруз).

Излюбленная еда как горожан, так и сельского населения Узбекистана — жидкий суп из маша с добавлением риса (маш-хурда или маш-гуруч). Варили его на мясном бульоне, мясо предварительно поджаривали с луком в масле или на жире. Приправой служили укроп, кишмиш, мелко нарезанный зеленый лук, красный или черный молотый перец. Из маша варили густую кашу (кичири).

Значительное место в питании узбеков занимали блюда, приготовленные из риса (гурунч, биридж). Рис использовали для приготовления многих видов кушаний: жидкого супа на мясном бульоне (мастава, хурда), молочного супа (ширхурда, сут-гурунч); густой молочной каши (ширгурунч), густой каши с мясом и морковью (шавля, корма); рисовой каши на молоке с тыквой (ковок ош или ширковок).

Излюбленным традиционным кушаньем узбекского народа является плов (палов), приготовленный из риса в сочетании с мясом, луком, морковью, на обильном жире, растительном или животном. В плов добавляют немного гороха и кишмиша, черного (нетолченого) перца. В зависимости от вида мяса, способа приготовления и приправ плов имеет десятки разновидностей. Особенно выделяются ферганский плов (ковурма палов), самаркандский (софи или софаки палов) и бухарский диетический плов. Широко распространен плов с голубцами (каватак ош, каватак палов, дулма ош), который делали в основном в мае и июне, так как для голубцов необходимы только свежие виноградные листья. В прошлом плов был пищей зажиточных людей. Основная масса сельского и городского населения готовила плов только как праздничное блюдо и для приема гостей.

В качестве приправ узбеки, как и другие народы Средней Азии, используют различные пряные травы: мяту (ялпиз, пудина), душицу обыкновенную (жамбил), базилик (райхон), буннум персидский (зира), кашнич, укроп, петрушку, барбарис (зирк, коракант), черный (кора муруч, мурч) и красный (каламбир, гармдори) перец и др.

В традиционной кухне узбеков употребляются самые разнообразные виды овощей: лук (пиёз), морковь (савзи). Важное мес-

⁷ Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа, с. 276.

⁸ Это кушанье у населения Бухарской области и во многих селениях Самаркандской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей известно под названием «кочи».

⁹ В Ферганской долине «ковурмоч» делается и из дробленого риса — окишок.

¹⁰ О способах приготовления сумалака см.: Задыхина К. Л. Узбекские дельты Амударьи, с. 394; Шаниязов К. Ш. Традиционная пища узбеков. — В кн.: Этнографическое изучение быта и культуры узбеков, с. 104.

то в рационе питания узбеков занимает тыква, репа, огурцы. После присоединения Средней Азии к России началось культивирование таких видов овощей, как картофель, помидоры, капуста (карам) и многих других. Однако, вплоть до Великой Октябрьской революции, эти культуры не получили широкого применения в кухне узбеков. С появлением помидоров был изобретен особый вид салата (аччик-чучук в Ташкенте и шакароб в Бухаре, Ферганской долине), который делается из мелко нарезанных помидоров и лука с добавлением огурцов.

Важное место в питании узбеков в летний период занимают фрукты: урюк, тутовые ягоды, персики, яблоки, груши, вишни, черешня, виноград, гранаты, айва, инжир и многие другие. Некоторые сорта винограда, яблок, а также айвы и груш сохраняются в свежем виде всю зиму. Из урюка, вишни, яблок (особенно мелких сортов) приготавливали варенье (киём мураббо). Из тутовых ягод, винограда или дыни делали патоку (шинни).

Летом в большом количестве потреблялись продукты бахчеводства — дыни и арбузы. Дыни сушили (ковун коки), заготавливая впрок¹¹. Зимой и весной, вплоть до появления свежих фруктов и овощей употребляли сушеные фрукты: изюм, урюк, яблоки, а также косточки урюка, фисташки, миндаля.

Жители кишлаков использовали в пищу некоторые дикорастущие плоды и травы, например ферганский рябчик (олги), корень которого имеет плоды, похожие на картошку. Осенью его высушивали, толкли, замачивали в воде, чтобы исчезла горечь. Затем массу сушили и заготавливали впрок. Из муки «олги» пекли лепешки и готовили похлебку (атала).

Съедобным является корень хожика. Его использовали в пищу только в вареном виде. В котел наливали воды и клали множество упругих прутиков, создавая из них своеобразную решетку, затем раскладывали корни хожика и засыпали слоем земли (толщиной 4—5 см). При кипячении корни хожика утрачивали горечь, становились съедобными. В пищу употребляли корень солянки почконосной (тотрон), который схож с корнем хожика, но больших размеров. После обработки (промывания, толчения) из него приготавливали муку и пекли хлеб. Луквицы горисго тюльпана жарили в сале или варили в молоке. Употребляли в пищу и плоды дикой картошки (лагалак, еввой картошка). В голодные годы в пищу употребляли дикий ячмень (так-так, еввой арпа), из зерна которого варили кашу, а из муки пекли лепешки. Весной в пищу употребляли туркестанский шпинат (исмалок), пастушью сумку (жаг-жаг, очам бити), мяту дикую (ялпиз, лудина), люцерну посевную (беда, юнучка), лук суворова (еввони пйёз), редьку дикую (еввой турп) и др.

¹¹ О способах приготовления ковун коки и кора-курут см.: Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков, с. 112.

В городах и в крупных населенных пунктах дореволюционного Узбекистана было очень развито кустарное изготовление различных видов кондитерских изделий. С давних времен их производством славилась Бухара. Наиболее распространенными сортами были пашмак и тери (тери халво), известные у русского населения Средней Азии под названием «молочка»¹². Своеобразна была халва сабуни в виде небольших конусов, по форме и виду напоминающих местное мыло (отсюда и название халвы). Халва лафзи приготавливалась из толченого миндаля, урюковых косточек, фисташек или грецких орехов. Особой славой пользовалась жирная халва (оби-новот), приготавливаемая на лучшем кунжутном масле. Большим спросом среди населения пользовались халва, сделанная из толченых ядер фисташек (руста халва) и белая халва с добавлением большого количества кунжутных семян (кунжутли халва) и др.

В городах Средней Азии употреблялся кристаллический сахар (новот). Для его приготовления в котле, наполненном насыщенным раствором сахара, натягивались нитки, на которые при остывании в виде крупных кристаллов оседал сахар. Новот имел большой спрос и считался лечебным средством.

Излюбленным лакомством жителей Узбекистана были конфеты, многие из которых, как и халва, делались из сахара и муки, но без жира. Наиболее распространенными были белые конфеты удлиненной, скрученной (печак) и четырехугольной формы, в виде подушек (парварда), бугристых белых шариков с жареной горошинкой вместо начинки (кандалат). Производство леденцов, окрашенных в яркие цвета, выделялось в Бухаре в особую отрасль (каннот).

По праздничным дням и на поминальных обрядах, а также для продажи готовили традиционную нишаллу — пенистую жидкую массу из сахара (или виноградной патоки), яичного белка и отвара мыльного корня. В крупных городах (особенно в Бухаре) варили варенье из сорта душистых роз (гули мураббой). Это варенье и приготавливаемый из сахара и розовых лепестков леденец (гулкант) считались целебными¹³.

Сладости в быту употреблялись очень мало. Их покупали к семейным праздникам или для поминальных обрядов. Однако бедное население даже и в этих случаях не могло их приобрести и ограничивалось приготовлением отдельных видов сладостей (халвайтар, толкон, мураббо) в домашних условиях.

Значительное место в быту узбеков занимал чай, который прочно вошел в обиход в конце XIX — начале XX в. На большей части территории Узбекистана пили, пьют и поныне зеленый (кук) чай. Лишь в Ташкенте и в районах Ташкентской, отчасти Сырдарьинской областей употребляли черный чай (кора чой, помил

¹² Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. с. 122, 124.

¹³ Там же.

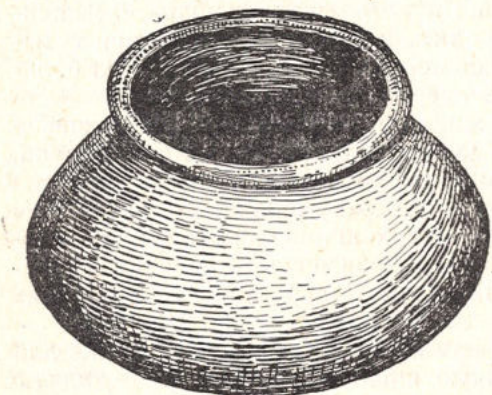
чай). Наряду с обычным чаем был распространен чай с добавлением молока, соли, жареного сала или топленого масла (ширчой или мойли чай). Был распространен такой способ приготовления чая (кора чай или егли чай, мойли чай): в чашку крошили лепешку, клали немного жареного сала или топленого масла и соли, заливали горячим заваренным чаем. Если вместо масла или сала в чашку клали сливки (каймок), то его называли «каймокли чай». Последний был распространен в бассейне Зарафшана, особенно в Бухарском оазисе и подавался утром на завтрак.

Мясная пища

Значительное место в питании узбеков занимало мясо (гушт) и мясные продукты. Чаще всего употребляли баранину (куй гушти), говядину (мол гушти) и козлятину (эчки гушти), реже — курятину (товук гушти) и рыбу (балик). Верблюжатину и конину

употребляли в прошлом полуоседлые и полукочевые группы узбеков. Жители Ташкента также предпочитали конину.

Среди жидких блюд был распространен крепкий мясной бульон (шурпа). В шурпу кладут мясо (баранину, говядину, иногда — курятину, конину), добавляют лук, морковь, тыкву, репу, картошку, помидоры и т. д. Очень часто в шурпу кладут немного гороха (нохот шурва), фасоли (ловияли шурва). Когда резали животных, из головы, ног,

Медный котел „козон“. Село Карахани (Самаркандская обл.)

желудка, кишечника и легких готовили суп-бульон (каллашурва). Популярно было блюдо «шахлуд»: в очищенные кишки и желудки животных (главным образом овец, коз, телят) закладывали мелко нарезанное мясо, сало, легкие и другие части внутренних органов, крепко завязывали и варили в мясном бульоне. После готовности их вынимали и клали на большое блюдо, предварительно разрезав на мелкие кусочки. Бульон подавали в отдельной миске.

Излюбленной едой некоторых групп узбеков Ферганской долины была «укма» или «укма шурва», которую готовили из легких животных. Через гортань вливали молоко, смешав с курдючным салом; затем, крепко завязав гортань шнурком, легкие опускали в мясной бульон. Свообразным национальным блюдом узбеков (особенно оседлых) является колбаса из кишок барана или козы

(хасиб), в которые кладется рис, мелко изрубленная селезенка, немного мяса, лук, кусочки курдючного сала с добавлением кашнича и укропа. Колбаса, сделанная из конины с конским жиром (казы), считалась деликатесом.

Жареные ягнята (барра кавоб) — очень распространенное блюдо узбекских овцеводов в летний период. В городе был широко распространен жареный на углях шашлык (сих кавоб). Излюбленным мясным блюдом у полуоседлых и полукочевых в прошлом групп узбекского населения и некоторых оседлых жителей являлся «тандыр кабоб» или «комма», «комма кабоб». Это блюдо было

Глиняные сосуды. Село Ситан (Самаркандская обл.); а — «кушкулук-куза», б — «хум». Музей, г. Бухара

распространено во многих районах Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей¹⁴.

Мясной фарш применялся для приготовления многих видов пищи. В Хорезме и Хиве из него готовили специальное блюдо (иджан), для которого употребляли свежую баранину.

Мясо заготавливали впрок. В летний период в скотоводческих хозяйствах (главным образом в прошлом, у полуоседлых и полукочевых групп узбеков) резали несколько овец и коз, мясо которых засаливали и сушили на солнце (гушт коки, кок эт), запасаясь на зиму. Сушеное мясо хранили в шерстяных (гушт халта, эт-турва) или кожаных (саноч) мешках. Сало растапливали и держали в глиняных горшках (хумах). Мясо хорошо сохраняли в вяленом виде. Была распространена заготовка мяса, зажаренного

¹⁴ О способе его приготовления см.: Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков, с. 196.

мелкими кусочками и залитого салом. Хранили его в глиняных кувшинах или в специальных мешках, сделанных из овечьих или козьих желудков. Подобным образом хранили и топленое масло (сариг-ег).

Рыбу узбеки употребляли в жареном, и лишь иногда (главным образом в Хорезме) — в вареном виде. В домашних условиях рыба использовалась очень редко, обычно ее готовили специальные повара (балик-паз) на городских рынках. Жарили ее на растительном масле в котлах. У узбеков дельты Амударьи рыба использовалась чаще, а ассортимент блюд из нее разнообразнее. Рыбу заготавливали впрок, коптили в печах, выпотрошив и разрезав на тонкие слои, солили и вялили (какмач)¹⁵.

В состав большинства видов национальных блюд входили в основном продукты земледелия. Продукты животноводства лишь разнообразили их. Следует отметить, что в создании национальных блюд основная роль, несомненно, принадлежала оседлой части узбекского народа. Однако свою долю в создание национальной кухни внесли и полуоседлые и полукочевые в прошлом узбеки. По мере их оседания они постепенно научились готовить и употреблять почти все основные виды традиционных блюд, которые создавались исконными жителями среднеазиатского междуречья (узбеками и таджиками) на протяжении многих веков.

Молочная пища

Большое значение в питании узбеков имело молоко (сут) и молочные изделия, которые применялись для заправки блюд. В пищу в основном употреблялось коровье, овечье и козье молоко, а у полуоседлых узбеков еще верблюжье и кобылье.

Из молока только что отелившейся коровы, козы и овцы — молозива (огиз сути) — готовили специальное кушанье в виде запеканки (огиз, каганок, последнее — у карлуков и кипчаков), а из второго и третьего надоя молока (сохранившего в своем составе молозиво) варили «гелагай» или «далама». Распространено было и заквашенное густое кислое молоко (катик), процесс закваски несложен. Собранное молоко кипятили и разливали в сосуды (глиняные или тыквенные). Когда оно остывало, туда добавляли для брожения немного кислого молока (томизги, уютки, кур). Катик обычно употребляли летом для заправки блюд.

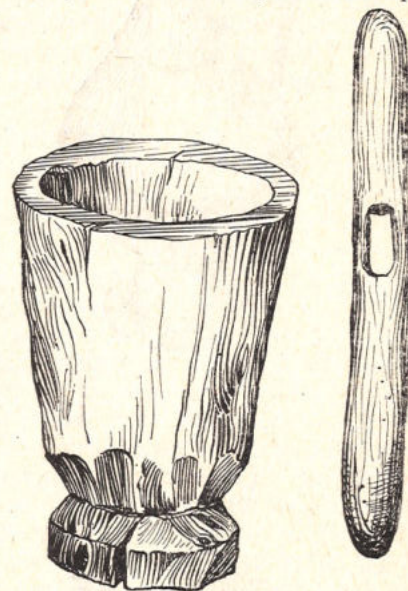
Жидкий напиток (айрон, чал, чалоб) приготавливали из катыка, добавляя сырую воду и соль. Айрон делали из густой молочной массы (сузма или чакка)¹⁶. Из верблюжьего молока готовили остро-кислый напиток (туя айрон, айрон, кимрон), а из кобылье-го — слегка опьяняющий (кимиз, кумыс). Последний готовили

лишь отдельные группы узбеков даштикипчакского происхождения (кипчаки и некоторые группы племени юз).

Из коровьего, овечьего и козьего молока в домашних условиях получали сливки (каймак). Их делали из пресного кипяченого или заквашенного кислого молока. Более распространенным был первый способ. Для этого кипятили молоко, остужали его, а образовавшийся слой сливок собирали в отдельную посуду. В городах и крупных населенных пунктах сливки, как и молоко, шли на продажу. В сельской местности оседлые узбеки растапливали сливки, получая топленое масло (сариг-ег).

В прошлом полуоседлые узбеки получали животное масло в основном из заквашенного кислого молока. Если закваска делалась сразу в большом количестве, то из нее сбивали масло в специальных сосудах (куви, кубе) с помощью мутовки с крестовиной на конце (пишак). Узбеки мангиты получали масло, закладывая определенное количество кислого молока в бурдюк (меш, тулум). Молочную массу взбивали руками в большом деревянном блюде (карсан). Этот способ применялся в тех хозяйствах, где было мало молочного скота.

В бедных хозяйствах, где не было возможности сбивать масло ежедневно, кислое молоко, оставшееся после употребления, собирали в специальный мешок (сузма халта, айрон халта, ирkit, касма), который подвешивался на двух стойках. Постепенно из мешка вытекала сыворотка (зардоб), и оставалась только густая масса в виде творога (сузма). Когда же мешок наполнялся до краев, все содержимое перекадывалось в котел или другую посуду, разбавлялось теплой водой и определенными дозами вливалось в маслобойку, где при помощи мутовки сбивали масло. Вначале появлялся слой жира (маска), который выливался деревянной ложкой или при помощи специального прибора (атлау у узбеков Хорезма). Маску (мой, тунг мой), полученную после сбивания молочной массы, перетапливали и получали топленое масло (сариг-ег). Чаще всего масло клали в специальные мешки (корин-халта), засыпали солью, выкачивали оттуда воздух и крепко завязывали отверстие. В таком виде масле сохраняли в течение года. Иногда топленое масло хранили в глиняном сосуде (хум, куш-кулок, куза).

Деревянная ступа с деревянным пестом

¹⁵ Задыкина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 347.

¹⁶ Термин «чакка» или «чакки» употребляется во многих селениях в южных и юго-западных областях Узбекистана, а «сузма» — большей частью в Ташкентской, Сырдарьинской областях и Ферганской долине.

Оставшуюся после сбивания масла молочную жидкость, разбавленную водой (айрон), подсаливали и опять вливали в мешок,

Медные сосуды:

а, б—для кипячения воды („чайдиш“), в—для поливания воды на руки („обтоба“, „дастшуй“) — музей, г. Бухара; г—для воды („мискуза“)

чтобы отделилась вода. Спустя некоторое время айран сгущался. Из этой массы делали небольшие комочки круглой или продолго-

ватой формы и сушили на солнце до твердости. Этот кисло-солевой сыр (курт, курут) хорошо сохраняется. Из него можно приготовить блюдо (куртова), которое было в ходу у бедных узбекских семей дореволюционного периода. Из густой массы (сузмы) делают кроме курта еще несколько видов сыра. Один из них (пишлок) готовят из пресного молока путем продолжительного кипячения. Для этого в молоко добавляют специальные дрожжи (саргон)¹⁷. Пишлок готовят также из густого кислого молока (сузма), которое густо солят и кипятят до образования кашеобразной массы. Остудив ее, выделывают плоские круги (в виде лепешек), получая мягкий кислый сыр. Оба вида пишлака готовили впрок и для продажи.

В Хорезме из густой молочной массы делали сладкий сыр (иримчик) и прессованную, слегка подсоленную творожную муку (турак)¹⁸. Для приготовления турака творожная масса кладется в котел и выпаривается до густоты, затем ее сушат в течение суток. Просохшую творожную массу разминают руками и просеивают через сито (элак). В полученную таким образом творожную муку добавляют немного соли, перемешав складывают ее в кожаный или из махты мешок и кладут под пресс. Турак обычно сохраняется на зиму и служит в качестве приправы или для приготовления напитка, напоминающего кислое молоко.

Узбеки в большом количестве употребляли баранье и говяжье сало. Кроме сала и масла животного происхождения широко употреблялось растительное масло (зигир ег, жувоз ег), которое в прошлом выжимали в примитивных маслобойках (жувоз). Получали это масло из семян различных маслянистых культур (кунжут, лен, индау, дыня). При приготовлении пищи растительное масло предварительно сильно накаливали, чтобы удалить запах и горький привкус.

Пищевой режим и отношение к пище

Пищевой режим узбеков был тесно связан с их хозяйственной деятельностью и социальным положением. Пища обычно принималась три раза в день: утром (нонушта, чай), в обед (тушлик, пешинлик) и вечером (кечки овкат). Однако дневной режим питания узбеков был весьма скудный. Большинство семей по утрам и в полдень не готовили горячую пищу, а ограничивались чаем с лепешками и сухофруктами. В семьях, где была корова, подавали на завтрак кипяченое пресное молоко, сливки или топленое масло. Зимой в бедных семьях (особенно в сельской местности) по

¹⁷ Саргон приготавливали из желудков ягнят, забитых для получения каракулевых смушек: желудки сушили на солнце, затем толкли в ступе до тех пор, пока не получался порошок, который просеивали через сито. Таким путем получали ценные дрожжи для приготовления сыра пишлок.

¹⁸ З а д ы х и н а К. Л. Узбеки дельты Амударьи, с. 373.

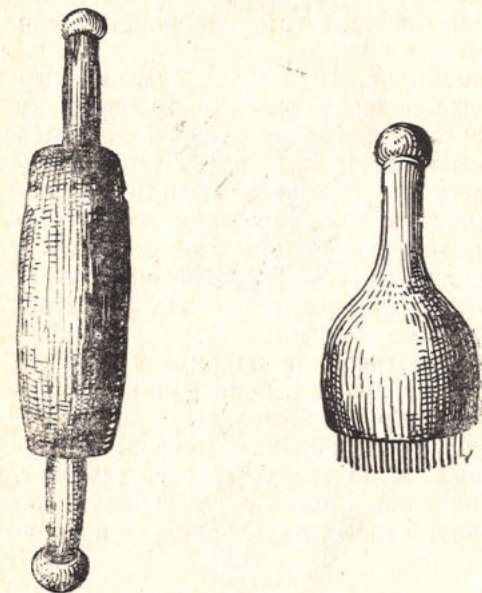

утрам готовили жидкую похлебку (атала) или ширчай. Летом в обед вместе с чаем и хлебом ели фрукты, салаты из овощей, дыни и арбузы. Горячий, сытный обед готовился обычно вечером, после трудового дня. Узбеки ели, сидя на полу или за круглым столиком (хан-тахта, чор-поя).

В дореволюционном Узбекистане почти все виды густой пищи подавали в больших блюдах (тавок) и брали ее руками. Жидкие блюда как гости, так и члены семьи ели из одного или нескольких общих блюд (инок товок). Все, кто ел из одного блюда, называли

друг друга «хам товок» (буквально — «люди общего блюда») ¹⁹. В городах, еще задолго до революции, жидкие блюда подавались каждому в отдельных чашках (коса). Первое блюдо подавалось старшему члену семьи или гостю, и обедающие начинали есть лишь после того, когда к еде прикоснется старший.

Узбеки всегда очень бережно относились к пище и к продуктам питания. Пищевые продукты по возможности сохраняли изолированно, в отдельных помещениях (галадон). Их тщательно укрывали, боясь глаза (куз тегмасин). В народе сохранилось чрезвычайно почитательное отношение к хлебу. Дети с малых лет приучались подбирать каждую упавшую на землю крошку. Войны, частые неу-

Скалка „жува“ для раскатывания теста и приспособление для прокалывания лепешек „чекич“, „чекач“. Ташкент, Ферганская долина.

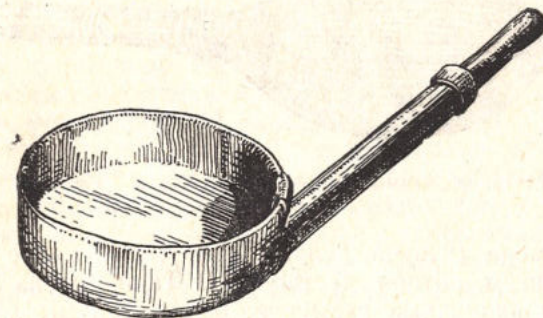
рожай и голод, тяжелые условия труда и скудная доля трудового народа научили людей относиться бережно к хлебу и вообще к продуктам питания.

Вся употребляемая пища в народе издавна делилась на две категории: горячую (иссиклик) и холодную (совуклик), что было якобы основано на различии темпераментов (мижоз) людей. В здоровом состоянии человек обычно не обращал внимания на состав пищи, но в случае болезни соблюдение им соответствующей диеты имело большое значение: считалось, что человеку с флегматическим темпераментом полезна горячительная пища, и наоборот ²⁰.

¹⁹ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 128.

²⁰ Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2. Душанбе, 1970, с. 252.

Возбуждающими темперамент, т. е. «горячими» считались сладости, жиры (баранье и конское сало, ореховое масло, конское и баранье мясо); злаки (озимая пшеница, маш, кукуруза, горох); некоторые овощи (тыква, морковь, дыни), фрукты (груши, гранаты). Охлаждающими темперамент считались: говяжий жир, топленое и растительное масло, говядина, козлятина; из злаков — яровая пшеница, джугара; из овощей — баклажаны, огурцы, репа.

Медный ковшеобразный сосуд для накаливания масла и приготовления пищи

лук и редька. К «холодным» относили персики, кислые яблоки, урюк, груши, вишни и сливы. Молочные продукты в большей своей части причислялись к холодным. К ним же относились хлеб, пельмени, шурпа, другие блюда.

Кухонная утварь

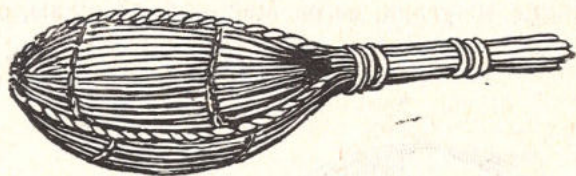
О некоторых видах утвари говорилось выше. Рассмотрим лишь те, которые использовали при приготовлении и употреблении пищи, для хранения продуктов.

Пища готовилась в чугунном котле (козон). В конце XIX — начале XX в. в городах и в крупных населенных пунктах их готовили мастера (дегрезы). Бытовали также круглодонные медные котлы (мискозон).

Кухонная утварь состояла из железной шумовки (капгир), черпака (чумуч, сузгич), ножа (ошпичок), большого тяжелого ножа (чопки), медного скребка для очистки котла (киргич), скребка для тыквы (киргич кошик), колесного лобзика для фигурной нарезки теста (кесгич), ковшеобразного медного сосуда (еглоки, еглоги), в котором накаливали масло, жарили лук для подливы, готовили некоторые виды блюд (яичницу, оладьи и др.), металлического или плетеного из ивовых или тутовых прутьев дуршлага (чавли) для вылавливания лапши и пельменей из кипящей воды. Обязательными кухонными предметами были также большие и маленькие плетеные корзины (сават).

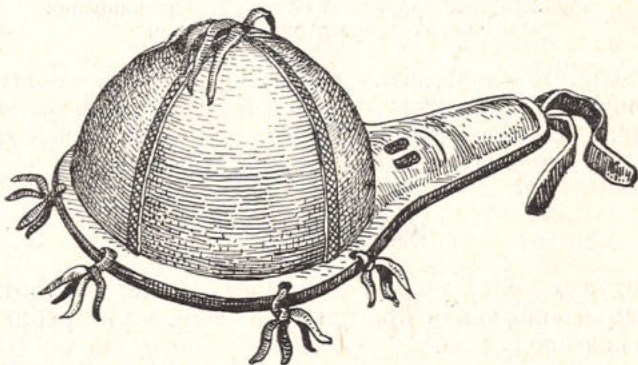

Посуда оседлых узбеков в основном глиняная: чашки (коса, сопол-коса) для жидкой пищи, употреблялись большие плоские блюда (тавок, лаган), глубокие миски (тогора, тош-тогора) для замешивания теста, различные виды сосудов для хранения воды — большой конусообразный сосуд (куза, тош-куза), такой же сосуд

Плетеная шумовка „чавли“. Село Сеталон
(Бухарская обл.)

меньшего размера (кузуча, гулча, тумча), небольшие сосуды для умывания (чавгум, обтоба, дастшуй). В Ташкенте из глины делались кувшины различных размеров: большие хумы для хранения воды, зерна, муки и т. д., а хумы несколько меньшего размера с

Дорожный футляр для чашки „таркаш“, „чинникоп“. Село Каучин (Кашкадарьинская обл.)

ушками (кулокли хум, кушкулок хум) — для хранения воды, масла и жира, небольшие кувшины (хумча) для хранения масла, молока, крынки (хурмача, дукача) для надоя и хранения молока и другие.

У городских и сельских жителей помимо глиняной и деревянной утвари встречались предметы, сделанные из чугуна (кумган, това), подносы из бронзы, медные самовары (кумган, обдаста). Были распространены фарфоровые изделия — чайники, пиалы, лаганы и т. д. Однако фарфоровые изделия в основном были привилегией зажиточной части населения.

Посуда у полуоседлых узбеков была сделана главным образом из дерева: чашка (егоч-коса), плоское круглое блюдо небольшого

размера (егоч товок), большие глубокие миски (карсон, чора или чораси). В карсоне хранили молоко, муку и лепешки. Черпаки (сусок, чумуч, сузгиз) и ложки (кошик, егоч-кошик, камиш-кошик) также были деревянными.

В прошлом у оседлых, отчасти и у полуоседлых узбеков, была широко распространена посуда, сделанная из тыквы-горлянки (ковок), в которой носили и хранили воду (суб-ковок), молоко (сут-ковок), зерно (дон ковков), обед (ош-ковок).

Перед приготовлением любого вида пищи из муки, ее предварительно просеивали через сито (элак, елак) на скатерть, сделанную из бараньей или козьей шкуры (супра), имеющую круглую или овальную форму. На ней разделявалось также тесто для лепешек и других мучных блюд. Лицевая сторона, куда просеивалась мука, очищалась от мездры и хорошо обрабатывалась. Тесто замешивалось в большой керамической миске (тогора), а у полуоседлых узбеков для этого использовалось деревянное блюдо (карсан) или котел. Тесто разделялось на специальной доске длиной 75—80 и шириной 20 см (ош тахта) и на круглой доске для разделки, раскатывалось на супре и на ош тахте при помощи деревянных скалок (уклав, уктаяк, ейгич). Узор на лепешки наносили с помощью тыкача из пучков перьев (нонпар) или специальным деревянным инструментом (чекач, чекич). Для посадки лепешек в тандыр имелось специальное приспособление в виде круглой подушки, соответствующей размеру лепешки (рапида), а также нарукавник (енг, енгча).

Таким образом, пища населения оседлых земледельческих оазисов и городов дореволюционного Узбекистана отличалась разнообразием. Большое место в ней занимали продукты земледелия (зерновые, овощи, фрукты), в питании же в прошлом полуоседлых узбеков основное место занимали продукты скотоводства (мясо, сало и молоко). Однако в процессе слияния земледельческой и полуоседлой части узбекского населения различия в пище постепенно исчезают, утверждаются единые узбекские общенациональные блюда, которые имеют большое сходство с кухней других народов Средней Азии. Определенное влияние на технологию приготовления пищи узбеков оказали и отдельные этнические группы (например, уйгуры), и кухня восточно-европейских народов, главным образом, русская, благодаря которой узбеки познакомились со многими видами овощей (картофелем, капустой, помидорами и т. д.), прочно вошедшими в пищевую рацион местного населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение материальной культуры узбеков дореволюционного периода является одной из актуальных проблем этнографической науки, которая приобретает все возрастающее значение в связи с тем, что в наши дни многие виды традиционно-бытовой культуры быстро исчезают из повседневной жизни. На основе многолетних экспедиционных работ и анализа научной литературы была сделана попытка выяснить характер и основные особенности развития материальной культуры узбекского народа конца XIX — начала XX в. Это необходимо не только для более глубокого понимания и осмысления исторического прошлого народа, но и имеет большое практическое значение на современном этапе развития советского общества, так как изучение материальной культуры узбеков может оказать помощь в создании типовых проектов современных жилищ и поселений, в которых учитывались бы рациональные черты народного зодчества и конструкций, приспособленных к местным условиям, выборе моделей одежды и в народнохозяйственном планировании производства пищевых продуктов и различных предметов быта.

Очень важно отметить, что материальная культура узбеков формировалась не изолированно, а в процессе тесного хозяйственного, экономического и культурного контакта с другими народами, этническими группами, проживавшими на территории Среднеазиатского региона и в соседних районах, поэтому вполне закономерно, что различные типы жилища, одежды, пищи и утвари имеют много сходных черт с материальной культурой таджиков, казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и других народов.

На территории Узбекистана уже в предреволюционные годы жили представители русской национальности, а также украинцы, татары, башкиры и др. В процессе тесной взаимосвязи с ними в быт узбеков проникли многие элементы их культуры. Это взаимопроникновение культур было особенно заметно в оформлении и интерьере жилищ, предметах быта, в некоторых видах одежды, пищи и т. д. Таким образом, накануне Октябрьской революции ма-

териальная культура узбеков вобрала в себя многие прогрессивные черты культур других народов, особенно русского.

В условиях Советского государства, благодаря осуществлению ленинской национальной политики КПСС, Узбекистан из бывшей окраины царской России, края консервативных феодальных устоев с сильными патриархальными пережитками превратился в высоко развитую социалистическую республику с мощной экономической, передовой наукой и техникой. Произошли коренные изменения и в материальной, духовной культуре узбекского народа. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев в своем выступлении по случаю вручения Узбекской ССР ордена «Дружбы народов», высоко оценивая экономические и культурные достижения Узбекистана, сказал: «Разительный контраст с прошлым, который являет собой сегодняшняя действительность Узбекистана, как и соседних братских республик, побуждает многих зарубежных деятелей, приезжающих к Вам, называть чудом то, что совершилось в Средней Азии за годы Советской власти. Разумеется, чудес на свете не бывает, но нам понятен эмоциональный характер такого определения, он ярко отражает масштаб наших свершений»¹.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. IV, М., 1972, с. 286.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение <i>И. Исмаилов</i>	3
Глава первая. Поселение и жилище	12
Поселение <i>И.</i>	12
Жилище	25
Переносное жилище <i>И.</i>	54
Глава вторая. Одежда и украшения	67
Мужская одежда	68
Женская одежда	80
Детская одежда	97
Украшения	101
Глава третья. Пища <i>И.</i>	105
Растительная пища	105
Мясная пища	114
Молочная пища	116
Пищевой режим и отношение к пище	119
Кухонная утварь	121
Заключение <i>И.</i>	124

контр - 63

КАРИМ ШАНИЯЗОВИЧ ШАНИЯЗОВ
ХАЕТ ИСМАИЛОВИЧ ИСМАИЛОВ

Этнографические очерки материальной культуры узбеков
(конец XIX — начало XX в.)

Утверждено Ученым советом Института Истории
и Бюро отделения истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР

Редактор Д. Очаковская
Художник А. Крюков
Технический редактор И. Сагдиева
Корректор О. Вахмина

ИБ № 1305

Сдано в набор 23.09.81. Подписано к печати 10.11.81. P07866. Формат 60×90/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 1000. Заказ 190. Цена 1 р. 40 к.

Адрес Изд-ва: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Изд-ва «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.